

МИХАИЛ БЕЗРОДНЫЙ
КОРОБ
ТРЕТИЙ
СИТЦЫ ПАРЧАНА ДНЕ

М И Х А И Л
БЕЗРОДНЫЙ
КОРОБ
ТРЕТИЙ
СИТЦЫ ПАРЧАНА ДНЕ

Михаил Безродный

КОРОБ ТРЕТИЙ

Издательство «Чистый лист»
Санкт-Петербург

2019

УДК 82-43
ББК 84(2)6
Б404

Безродный М. В.

Б404 Короб третий. — СПб.: Изд-во «Чистый лист», 2019. — 256 с.
ISBN 978-5-901528-76-1

На авантитуле:

портрет автора кисти Юрия Лотмана, 1981

На обложке:

фотография «На плечах гигантов»

Михаила Пасуманского, 2016

ISBN 978-5-901528-76-1

© М. В. Безродный, 2019
© Издательство «Чистый лист»,
оформление, макет, 2019

ОПИСЬ

СИТЦЫ

розенталь	11
ъ und a	12
туда-сюда	13
на посту	17
конъектуры	20
за набивкой табаку.....	22
lego	24
за нумизматикой	28
bender studies	30
dětails.....	36
с этим сюжетом покупают	38
пустоты	42
и другие настольные игры	44
ты и твое имя.....	46
за пасьянсом	52
конвергенция	69
и др. ср.	72
про вербиальное	77
ври в рифму	83
застегнут на все буквы.....	90
шапочный разбор	99
буало	103

ПАРЧА

первое букваря.....	109
фалес	112
у невы	118
poetree.....	119

елка и свадьба	126
kernmotiv	132
ламарк.....	141
фабр	144
папагено	149
не той породы	163
на извозчике	168
зима и русский бог	184
из варязи в грязи	189
наши ревизионисты	192
оруэлл	199
за чтением газет	201
стыдно быть богом	205
за набивкой чучел	208
сны и предсонье	211

НА ДНЕ

рай	219
tertia senilia	220
за партией	222
улисс	232
поздно быть бондом	233
на санях	236
и суеверней	243
гейдельбергские человечки ...	245
ваш выход	251
место для рекламы	255

*сестры краткость и жизнь
одинаковы ваши приметы*

С	И	Т	У
			Ы

РОЗЕНТАЛЬ

не горюю ни по чем
оттого что не по чем
не скрываюсь ни за чем
оттого что не за чем
в общем всё мне нипочем
волноваться незачем

не дотронутся и пальцем
в самой пылкой перепалке
ни до палки ни до палицы
ни непальцы ни непалки
но не пал непал

кабы не было небыли
были бы ли были

ни бездна не без дна
ни бес не без небес

ни и не висели на стене
но шы и жы грешыли у межы

Ъ UND A

Ab ovo — в оба!

Ad mala до велика.

Comme ci comme ça, пока роса.

Доверяй, да verify!

Qui pro quo, а вшивый про баню.

Чем дольше жито, тем dolce vita.

Sic translit глокая куздра.

ТУДА-СЮДА

Когда в 1913 кружок «Лирика» опубликовал перевод «Das Stunden-Buch» Рильке, рецензент заметил, что назвать его следовало не «Книгой часов», а «Часословом»¹.

В 2015 новый перевод увидел свет в «Libra Press», а в 2016 — еще один — в «Энигме». Оба под заглавием «Книга часов».

Л. Лосев вспоминает: *Меня в определенный момент жизни непреодолимо потянуло туда, а Иосифу если когда и хотелось бежать, то оттуда.* <...> **Wohin, wohin, wo die Zitronen blühen!** *Не то чтобы обязательно Zitronen, но wohin.*

Попытка переиначить *Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen* <...> *Dahin, dahin* удалась не вполне: *wohin* — это не «оттуда», а «куда». Моделью же для замены *туда* на *оттуда* послужил, надо думать, каламбур, авторство которого приписывают Тютчеву: *Il me disait souvent: je n'ai pas le Heimweh mais le Herausweh*. К слову сказать, эти воспоминания, писанные через сорок лет после общения с Тютчевым, вряд ли точны: в качестве антонима к «Heimweh» употребляли не «Herausweh», а либо «Hinausweh»², либо «Fernweh»³.

¹ См.: Егух [Эгерт Ю.] // Футуристы: Первый журн. рус. футуризма. 1914. № 1/2. С. 144. Спустя полтора десятилетия один из «лириков» напишет другому: «...улыбнулся на нашу тогда простоту: ведь надо было перевести просто „Часослов“!» (С. Дурылин — Б. Пастернаку 26.11.1929 // Встречи с прошлым. 1990. Вып. 7. С. 381).

² Напр.: *...ich bin Nachtwächter und Astronom hier geworden, um nur die Stadt bei Tage nicht zu sehen, zu der mich das Heimweh zurücktrieb; ich kann dir versichern, ich habe ordentlich oft wieder eine Art von Hinausweh empfunden* («Die lustigen Musikanten» Brentano, 1802).

³ Напр.: *Bei mir wenigstens hat es das Heimweh in Fernweh verwandelt* (Vom Verfasser der Briefe eines Verstorbenen [Pückler-Muskau G. v.]. Eine ländliche Erinnerung

В финале «Nana» толпа скандирует: *À Berlin! à Berlin! à Berlin!* Т. е. *На Берлин! на Берлин! на Берлин!* В пер. Т. Ириновой однако: *В Берлин! в Берлин! в Берлин!* Спасибо Чехову.

У Алданова русский, услышав слово *Gardekavallerieschützen-division*, дивится тому, что оно произносится без затруднений. Но немецким языком этот русский владеет изрядно, т. е. генеалогия слова для него прозрачна, а тогда не всё ли равно, какой оно длины?

Гоголь

Первая бекеша. У французов то же, например; но у них всё это очень мило. <...> А здесь, ну что это, право? какой-нибудь мерзавец, мужик, которого бы я в переднюю не пустил, развалился с сапогами, зевает или ковыряет в зубах, ну что это, право? на что это похоже?

*Другая бекеша. У французов другое дело. Там *société, mon cher!* У нас это невозможно.*

Валентинов

Что француз нам ни сболтнет, Выйдет деликатно; Ну, а русский как начнет, Берегись, понятно.

По-французски сосъете, А по-русски — шайка.

von den Ufern des Bosphorus // Iris: Taschenb. f. das Jahr 1842. S. 107); ср.: *Pückler sagt irgendwo in seinen Schriften, daß er niemals an Heimweh, vielmehr an Fernweh leide* (Jäger A. Das Leben des Fürsten von Pückler-Muskau. Stuttgart, 1843. S. 191).

Русские, утверждает российский лингвист, выражают оттенки состояния печали шестью словами: «печаль», «грусть», «скорбь», «тоска», «уныние», «кручина», а немцы — двумя: «Trauer» и «Traurigkeit». Излагая это наблюдение в немецкой статье, автор объясняет значение каждого из шести русских слов — и пользуется для этого девятью немецкими: «Trauer», «Traurigkeit», «Betrübnis», «Gram», «Wehmut», «Schwermut», «Verzagtheit», «Niedergeschlagenheit», «Mutlosigkeit»⁴.

Чтоб не сбивать немецкого читателя «Живаго» с толку, Т. Решке перевел *Западный фронт* как *Восточный*. Весьма разумное решение.

А «Спасибо деду за победу!» стоило бы, наверное, переводить так: «Danke, Opa, für die Niederlage!»

Гасан Гусейнов: «На собрании членов еврейской общины Бремена училка из Днепропетровска заявила:

— Товарищи! Я здесь впервые, но ясно вижу, что вы растеряли последние христианские ценности!

Я, натурально, так и перевел, и училка, увидев реакцию зала, набросилась на меня:

— Зачем же вы переводите то, что я говорю, а не то, что я хочу сказать!»

⁴ См.: Fomina S. Emotionskonzepte und ihre sprachliche Darstellung in deutschsprachigen und russischen literarischen Texten // Trans: Internet-Ztschr f. Kulturwiss. 2004. Juni. № 15.

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли — не от «Oy vey!» ли?

Задачу перевода фразы «*Men sådan er nu verden!*» *sagde Skyggen* из сказки Андерсена решали двояко: — *Таков мир*, — сказала *Тень* и: — *Таков свет*, — сказала *Тень*. Надо ли говорить, какое из решений... Не надо.

Героини «Фуги смерти» — златокудрая Маргарита и пепельнокудрая Суламифь — напоминают немецкому читателю сказочных Марий — осыпанную золотом Goldmarie и облитую смолой Pechmarie. Русскому не напоминают.

Зато в русском переводе «Тристана» соперничество двух Изольд — Iseut la Blonde и Iseut aux Blanches Mains — сопровождается эффектной метатезой: Белокурая / Белорукая.

Вывески.

Германская о сдаче автомобилей в аренду:

NICE TO MIET YOU

Британская о продаже сэндвичей:

BREAD

MEATS

BREAD

По ухмылке среднего сына, увидевшего в Голландии объявление «te huur» (сдается в наем), стало ясно, что родственное нем. «Hure» ему уже известно.

НА ПОСТУ

Графиня просит Томского прислать книги — и он выходит; велит воспитаннице распорядиться о карете — и та выбегает. И тут же является слуга с книгами (словно Томский их с собою возит), а воспитанница бежит одеваться (и когда только вернулась!).

Я пристально посмотрел ему в глаза; но он спокойным и неподвижным взором встретил мой испытующий взгляд, и бледные губы его улыбнулись. Но несмотря на его хладнокровие, мне казалось, я читал печать смерти на бледном лице его <...>

— Вы нынче умрете, — сказал я ему.

Он быстро ко мне обернулся...

Как это обернулся, когда они сидят визави и обмениваются взглядами?

Кн. Щербацкой передразнивает жену, очарованную Вронским: *Ах, спиритизм, ах, Ницца, ах, на бале...* — и обо всём этом Вронский,

действительно, говорил, однако о Ницце — до прихода князя. Уж не подслушивали ли их сиятельство за дверью к соблазну прислуги?

Ее ползучий шаг я слышала во сне. Ползучий, видите ли, шаг.

Л. Лосев: У Ахматовой стихотворение, написанное к столетию открытия пушкинского лица (1911), начинается с классического анапеста: «Смуглый отрок бродил по аллеям. Меж озерных грустил берегов...»

Пушкина нередко бросали в воды, но чтобы столь изобретательно! Меж берегов! Умеют же некоторые воспользоваться предложением.

Чтобы качать всю ночь У колыбели дочь. А всю — оттого что у. Надо было попробовать укачивать в.

Довлатовская реприза:

Расположились мы как-то с писателем Демиденко на ящиках около пивной лавки. Ждем открытия. Мимо проходит алкаш, запущенный такой. Обращается к нам:

— Сколько время?

Демиденко отвечает:

— Нет часов.

И затем:

— Такова селяви.

Алкаш оглядел его презрительно:

*— Такова селяви? Не такова селяви, а таково селяви. Это же
средний род, мудила!*

Демиденко потом восхищался:

— У нас даже алкаши могут преподавать французский язык!

— вариация самого популярного в мире сюжета: 'триумф слабого'. Читатель улыбается, не замечая солецизма в вопросе триумфатора и не задумываясь над обоснованностью его ревизионизма.

В 80-х к В. Зайцеву, секретарю Куйбышевского райкома КПСС Ленинграда, отвечавшему за идеологию, обратились с прошением о дозволении «Дней Турбиных» к постановке на сцене Александринки. «Не возражаю, — молвил. — Производственная тема нам нужна».

*Не знаю я, сколько в нем Метров,
И Литров, и Килограмм,
Но Тигры, когда они прыгают,
ОГРОМНЫМИ кажутся нам!*

В имеющемся дома издании — *Килограммов*⁵. Так славься, славься на века великий подвиг редактора Б. Цыбиной и корректоров Н. Пьянковой и Н. Шадринной.

⁵ Милн А. Винни-Пух и все-все-все. М.: Малыш, 1986. С. 103.

В конце прошлого века в Петербурге появился и тотчас, увы, исчез журнал «Отечественные картинки», а недавно ему сыскалась пара: «Последние ведомости» — так милюковская газета названа в статье, поступившей в редакцию журнала «Русская литература»⁶.

КОНЪЕКТУРЫ

*Веками бездумно предают
тиснению:*

*Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труд и глад.*

Тогда как следовало бы:

*Не дай мне бог сойти с ума.
Нет, легче посох и сума;
Нет, легче труС и глад⁷.*

*Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труд, и глад — всё испытали вы.*

*Опалу, казнь, бесчестие, налоги,
И труС, и глад — всё испытали вы.*

⁶ Сообщено Ингой Даниловой, предотвратившей (может быть, и зря) этот апокалипсис.

⁷ Неуместность *труда* уже отмечалась: «В индивидуальном пушкинском поэтическом контексте слово „труд“ — всегда причастность к творчеству, сопряженная с радостью. Это значение в стихотворении отрицается содержанием всей первой строфы, где „труд“ представлен как занятие тягостное и как знак, сопутствующий нищете» (Левкович Я. Стихотворение Пушкина «Не дай мне бог сойти с ума...» // Пушкин: Исслед. и материалы. 1982. Т. 10. С. 180).

Причиной очитки явилось сходство скорописных *сѣ* и *дѣ*.

...а внизу Арагва, обнявшись с другой
безыменной речкой...

...а внизу Арагва, обнявшись с другой,
безыменной, речкой...

Сидя рядом с молодой женщиной,
которая на рассвете казалась
такой красивой, успокоенн**Ы**й
и очарованн**Ы**й в виду этой
сказочной обстановки — моря, гор,
облаков, широкого неба, Гуров
думал о том, как...

Сидя рядом с молодой женщиной,
которая на рассвете казалась
такой красивой, успокоенн**О**й
и очарованн**О**й в виду этой
сказочной обстановки — моря, гор,
облаков, широкого неба, Гуров
думал о том, как...

И крохи яств ночных скитальческий
анapest
Наутро подберет, как крошк**А**
Сандрильон.

И крохи яств ночных скитальческий
анapest
Наутро подберет, как крошк**И**
Сандрильон.

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Я и в аду тебе скажу:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Детоубийцей на суду
Стою — немилая, несмелая.
Скажу тебе⁸ я и в аду:
«Мой милый, что тебе я сделала?»

Жили в квартире
Сорок четыре,
Сорок четыре
Веселых чижа.

Жили в квартире
Сорок четыре⁹
Сорок четыре
Веселых чижа.

⁸ или **Тебе скажу**

⁹ Это составное числительное обозначает не число квартирантов, а номер квартиры. Некоторые из иллюстраторов это понимают — в отличие от большинства издателей.

ЗА НАБИВКОЙ ТАБАКУ

Эпиграф верстают так, чтобы его не могли рассмотреть не только герои, но и самый осведомленный рассказчик.

Всё, чего ему недостает, реалист неторопливо распределяет между несколькими персонажами, а романтик нетерпеливо собирает в одном.

Печорин тиранит женщин так, словно они его не любят. А не любят они не его.

Авангардист — тот, кому на пути к письменному столу не попался книжный шкаф.

Признаки скверного стихотворения: читая прикидываешь, не акростих ли, а если напечатано на нечетной странице снизу, не знаешь, закончилось ли.

Когда от Брюсова слышишь: *Я не видал таинственных лесов
Безудержной природы Индостана*, а от Нарбута: *Но в Южной*

Америке сроду я не был, а от Есенина: Никогда я не был на Босфоре и Не ходил в Багдад я с караваном, а от Светлова: Я в жизни ни разу не был в таверне, то веришь сразу. А когда от Бальмонта: Я не был в Персии, не веришь категорически.

Большая литература сродни порнографии: сюжет — ничто, главное — что слова вытворяют друг с другом.

Единственный протагонист в «Белеет парус одинокий» — звериная тоска по раньшему времени.

Некогда отсутствие знаков препинания в стихах было дерзким экспериментом. А ныне? Присутствие.

Настоящих насельников «Волшебной горы» и «Ракового корпуса» не судьбы цивилизации волнуют, а кто из медсестер будет вводить катетер.

Если переписка монологовиков (скажем, Цветаевой и Пастернака) не датирована, то сделать это «по содержанию писем» невозможно.

Не помню, кто: Шекспир или Шолохов...

«Что тут скажешь! Побольше бы таких книг!» (Владимир Потапов о Библии).

LEGO

тесен мир песен

Бороться и искать, тащить и не пущать!

Быть может, за стеной Кавказа, вдали Италии своей устроиться на автобазу и думать о красе ногтей?

В доме повешенного только подпоясаться.

Глянул зайчика в окно: всё было мрак и вихорь.

Горе о полку.

Горящими шапками закидаем.

Если бога нет, то всё позволено быку.

Жить, думать, чувствовать, любить, терпеть, зависеть.

Зайку бросила хозяйка. Он ее убил.

Затем, что ветру, и орлу, и дуракам закон не писан.

Каждый охотник верить пустым словам балерины.

Коли фізики жартують, музи мовчать.

Маленькие дети, ни за что на свете don't go ridin' on that long black train.

Мне на плечи бросается класс-гегемон.

Нам не дано предугадать, как кошке слезки отольются.

От добра с кулаками добра не ищут.

Очи черные, цены гибкие.

Полна чудес могучая природа, что и не снились нашим мудрецам.

После нас хоть топор.

Правило правой руки: не ведать, что делает левая.

Ревет ли зверь в лесу глухом, трубит ли рог, гремит ли гром,
стоим ли с папой на мосту, он не растет, а я расту.

Рояль был весь в кустах.

Сидим на нарах, как на реках Вавилонских.

Ты царь. Живи один в гостинице районной.

Unter den Blinden ist der Kunde König.

Учение Маркса верно, всесильно и лайй.

Фізики жартують, а в холопів чуби тріщать.

Четыре черненьких чумазеньких чертенка чертили чуждый
чарам черный челн.

ЗА НУМИЗМАТИКОЙ

В пожелании *Как дай вам бог любимой быть другим* усматривают свидетельство самоотверженной любви, однако если страсть не только искренняя и нежная, но еще и безнадежная и вдобавок почти угасшая, то так ли уж велика приносимая жертва? *Как дай вам бог?* На тобі, небоже, що мені негоже.

Русская столовая в Париже. Входит бывший генерал, вешает *длинное пальто на рога стоячей вешалки* (забыть об измене жены не дает и реквизит), садится в дальнем углу — и вдруг всё озаряется: подходит красавица официантка. Несколькими страницами ниже они едут к нему, и на лестничной площадке он успевает *попасть ключом в замок своей двери, пока не погасло электричество*. Ключ в замке, но Танатос уже принял эстафету: скоро она снимет с вешалки и рыдая прижмет к лицу его шинель¹⁰.

Пересказывая «The Wonderful Wizard of Oz», Волков выпустил главу «The Dainty China Country» и объяснил это тем, что она не связана с сюжетом. Еще как связана: знакомство с хрупкими обитателями Фарфоровой страны помогает Дороти и ее спутникам осознать степень собственной неуязвимости. Глава выпущена

¹⁰ Последняя, к слову сказать, не двойник пальто, а другое его, форменного пальто, название. И ошибка полагать (вслед за: Лурия А. Маленькая книжка о большой памяти. М., 1968. С. 54), будто одежда надзирателя Очумелова именуется то шинелью, то пальто по невнимательности автора.

на, по-видимому, из осторожности: в декабре 1936, когда Волков работал над книгой, газеты сообщали о Сианьских событиях.

Финал «Кавказа»:

Он искал ее в Геленджике, в Гаграх, в Сочи. На другой день по приезде в Сочи он купался утром в море, потом брился, надел чистое белье, белоснежный китель, позавтракал в своей гостинице на террасе ресторана, выпил бутылку шампанского, пил кофе с шартрезом, не спеша выкурил сигару. Возвратясь в свой номер, он лег на диван и выстрелил себе в виски из двух револьверов.

Отмечалось, что «если до этого в рассказе была строго выдержана „Я-форма“ и всё находилось в зоне осведомленности рассказчика — участника событий, то эти детали говорят о том, что повествовательная точка зрения поднялась выше и передоверена автору»¹¹. Но даже если предположить, что из-за занавеса сбоку вылезает обеспокоенный автор, то как он допустил такой солицизм? Глагольный вид в одном предложении меняется трижды: *купался, брился / надел, позавтракал, выпил / пил / выкурил*. Такое возможно лишь в случае участия нескольких повествователей. А значит? Цитируется следственное заключение, объединившее выдержки из протоколов опроса свидетелей. Но кто мог ознакомить рассказчика с результатами расследования? Та, кому их обязаны были предоставить. Вдова. А значит? После самоубийства мужа любовники не расстались. *Elementary, my dear Watson.*

¹¹ Сливичкая О. «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М., 2004. С. 148. Ср.: «В финале <...> происходит устранение „я“ рассказчика (в повествовании типа Ich-Erzählung) <...> Финал написан в сухой отстраненной манере от третьего лица» (Марченко Т. Поэтика совершенства: О прозе И. А. Бунина. М., 2015. С. 164).

BENDER STUDIES

Когда луна поднялась и ее мятный свет озарил миниатюрный бюстик Жуковского, на медной его спине можно было ясно разобрать крупно написанное мелом краткое ругательство

— аллюзия на луну во вкусе Жуковского и (18+) на анекдот о поэте, разъясняющем вел. княжне слово на заборе.

Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился.

Умножая в уме по просьбе Чевачевской 285 на 13, он ошибся и дал неверное произведение, чего с ним никогда в жизни не бывало.

Старуха молча смотрела на него и, казалось, его не слыхала. Германн вообразил, что она глуха, и, наклонясь над самым ее ухом, повторил ей то же самое. Старуха молчала по-прежнему. <...> Старуха не отвечала ни слова. <...> Она закивала головой и подняла руку, как бы заслоняясь от выстрела... Потом покатила навзничь... и осталась недвижима.

Старуха безучастно следила за действиями Ипполита Матвеевича. <...> Старуха ничего не ответила. <...> Но тут Клавдия Ивановна всхлинула и подалась всем корпусом к краю кровати. Рука ее, описав полукруг, пыталась ухватить Ипполита Матвеевича, но тут же упала на стеганое фиолетовое одеяло.

Анна Михайловна поспешными шагами шла вверх по слабо освещенной узкой каменной лестнице, подзывая отстававшего за ней Пьера, который <...> судя по уверенности и поспешности Анны Михайловны, решил про себя, что это было необходимо нужно. <...> он покорно последовал за Анною Михайловной, уже отворявшею дверь. <...> повлекла Пьера дальше по каменному коридору. <...> покорно следовал за нею. <...> вошла в комнату, не отпуская от себя Пьера <...> Пьер, решившись во всем повиноваться своей руководительнице, направился к диванчику, который она ему указала.

В комнату тихо вошла агрономша и увела его за руку, как мальчика, которого ведут мыться. <...> Ипполит Матвеевич во всем покорился мадам Кузнецовой, чувствуя ее неоспоримое превосходство в подобных делах.

На митинге, посвященном открытию трамвайной линии, звучат скучные речи о международном положении, и один из слушателей вспоминает выступление искусного оратора: *Эти акробаты пера, — восклицал он, — эти виртуозы фарса, эти шакалы ротационных машин.* Ниже фраза повторяется с некоторыми изменениями: *Эти акробаты фарса, эти гиены пера! Эти виртуозы ротационных машин!*

Искусный оратор скрестил *акробатов благотворительности* (формула Григоровича, обличающая мнимых филантропов) с *разбойниками пера и мошенниками печати* (формула Маркевича, обличающая лживых журналистов).

Сцена понравится Маяковскому: в «Бане» бюрократ диктует машинистке речь на открытие трамвайной линии, отвлекается телефонным разговором и диктует другую — на юбилей Толстого: *Его наследие прошлого блещет нам на грани двух миров, как большая художественная звезда, как целое созвездие, как самое большое из больших созвездий — Большая медведица*; когда же машинистка указывает ему на сбой, он укладывает в одно предложение Толстого, трамвай и международное положение: *Даже Лев Толстой, даже эта величайшая медведица пера, если бы ей удалось взглянуть на наши достижения в виде вышеупомянутого трамвая, даже она заявила бы перед лицом мирового империализма: «Не могу молчать. Вот они, красные плоды всеобщего и обязательного просвещения».*

Одно из пересечений линии Бендера с судьбою Наполеона приходится на главу «Междупланетный шахматный конгресс». В сцене погони одноглазый любитель предстает не только Полифемом, швыряющим камни в корабли Одиссея¹², и предводителем пиратов, собирающимся взять противника на бордаж¹³, но и Нельсоном, который безуспешно гоняется за французами по Средиземному морю.

Умерщвленный в первом романе, протагонист появится во втором, что можно интерпретировать не только как вариацию на тему смерти-возрождения или реминисценцию Конан Дойла¹⁴, но и как аллюзию на возвращение с Эльбы — поначалу триумфальное.

¹² См.: Щеглов Ю. Романы Ильфа и Петрова: Спутник читателя. СПб., 2009. С. 288, 294.

¹³ Морскому бою предшествует похищение ладьи.

¹⁴ См.: Щеглов Ю. Указ. соч. С. 27.

Никеша и Владя, члены «Союза меча и орала», и *гигант мысли* Ипполит Матвеевич вышли из характеристики членов *секретнейшего союза*:

*Левон и Боринька, чудесные ребята!
Об них не знаешь что сказать;
Но если гения прикажете назвать:
Удушьев Ипполит Маркелыч!!!*

Кошачье + птичье: *Лев Синичкин и Киса Воробьянинов.*

Странствуя вместе, сыновья царя, вельможи, купца и земледельца останавливаются у незнакомого города и поочередно отправляются в него, чтобы принести еды спутникам. Усердный (сын земледельца) зарабатывает дирхем, пригожий (сын вельможи) — пятьсот дирхемов, предприимчивый (сын купца) — сто тысяч, а полагающийся на судьбу (сын царя) становится правителем города.

Одним из наиболее существенных изменений, которые терпел этот сюжет из «Калилы и Димны», явилось сокращение числа спутников царевича до двоих — земледельца и купца. Другим — добавление мотива стартового капитала: купец, прежде чем отправиться в город, чтобы заработать спекуляциями, спрашивает денег у земледельца, заработавшего их трудом.

Этот сюжет лег в основу «The Man Higher Up» О. Генри. Случай сводит троих спасающихся от преследования преступников:

один промышляет взломом, другой — продажей бесполезных предметов, третий — фиктивными акциями. Взломщик присваивает себе имя Труд, коллег называет Торговлей и Капиталом и заявляет, что его ремесло — наилучшее, поскольку не требует стартового капитала. Ограбив банк, Труд предлагает коллегам деньги. Капитал выпрашивает у него небольшую сумму и исчезает. Торговля, отказавшись от подачки, дочиста обыгрывает взломщика в карты, но вскоре теряет все деньги, вложив их в акции компании, председателем которой оказывается Капитал.

Авторы «Теленка» позаимствовали из этой новеллы следующие мотивы и ситуации: встреча жуликов, спасающихся бегством; прения о ремеслах (только кража vs только ограбление); аренда конторы для начала аферы; предложение денег, которое жулик преуспевающий делает жулику безблагодатному.

У меня самого была знакомая акушерка по фамилии Медуза-Горгонер, и я не делал из этого шума, не бегал по улицам с криками: «Не видали ли вы часом гражданки Медузы-Горгонер? Она, дескать, здесь прогуливалась».

Не сразу заметный комизм вопроса *не видали ли вы* состоит в том, что встречаться взглядом с тезкой акушерки не показано.

Образ восходит к *дантистке Медузе-Горгонер* из записной книжки Ильфа¹⁵, и, если бы примериванием этого имени то

¹⁵ См.: Яновская Л. Почему вы пишете смешно? М., 1969. С. 71–72. По предположению Александра Жолковского, этот образ подсказан практикой использования медиками налобного рефлектора.

к дантистке, то к акушерке занимался Набоков, можно было бы говорить о пародировании трудов венской делегации, где горгона Медуза отождествляется с *vagina dentata*. Трудно, однако, подозревать кастрационный комплекс у того, кого любили *домашние хозяйки, домашние работницы, вдовы и даже одна женщина — зубной техник* (первоначально: *зубной врач*).

Уже приходилось указывать на ассоциацию Медузы-Горгонер с женщиной-врачом *Страшунер*¹⁶. Прототипами последней считают стоматолога Р. А. Страшунскую-Хволес¹⁷ и упомянутую на той же странице «Всего Петрограда» Е. Д. Страшунер¹⁸. Судя по ранней редакции: *Женщина-врач Страшунер лечила по детским болезням. <...> Если лечить молочные зубы — не случится ничего худого. [А кому-то в дикой провинции привязали зуб за ниточку к кровати и поднесли к лицу горящую головню — так гласила о ком-то легенда.] А то еще привяжут [больной] зуб за ниточку к кровати и поднесут к лицу горящую головню*¹⁹, Страшунер связана с темой зуболечения. Но о какой легенде идет речь? Удержимся от соблазна увидеть в *горящей головне* анаграмму Горów и вспомним, как удаляла зуб тетя Полли.

Отмечалось, что изготовление шубы Бендера напоминает пошив шинели Башмачкина, а сцена, в которой ограбленный

¹⁶ См.: Безродный М. Пиши пропало. СПб., 2003. С. 39.

¹⁷ См.: Михайлов А., Нерлер П. Комментарий // Мандельштам О. Соч. М., 1990. Т. 2. С. 412.

¹⁸ См.: Лекманов О., Котова М., Репина О., Сергеева-Клятис А., Синельников Е. Пояснения для читателя // Мандельштам О. Египетская марка. М., 2012. С. 168.

¹⁹ Мандельштам О. Собр. соч. М., 1993. Т. 2. С. 576.

Бендер приходит в себя, обладает и текстуальным сходством с соответствующей в «Шинели»²⁰. Но собственно сюжет о том, как Остап перед бегством из СССР *строил ее [шубу] четыре месяца, строил, как дом, изготавливая чертежи, свозил материалы*, отсылает к другому источнику — к изложению в кн. Исход руководства по строительству скинии и (после сюжета о поклонении тельцу) истории ее строительства. Открывается руководство описанием приношений от сынов Израилевых, — и пародийным отголоском этого места служит следующее: *Но тяжелее всех был портсигар с посвящением: «Г-ну приставу Алексеевского участка от благодарных евреев купеческого звания».*

ДЕТАИЉ

*Разница между опушенным хвостом
и опущенным — всего одна шерстинка.*

Вадим Перельмутер

А для холодца и сам овца.

Врачи называли ослом.

²⁰ См.: Щеглов Ю. Указ. соч. С. 634.

Делать из муки слова.

И крепко на руку чекист.

Иудейно порочный.

Кагебега русских суеверий.

Каламбур устал.

Кубатура шара.

Мало мыли Рашу.

Нелегарх.

Потом печатает — и в Лету Buch!

Росказнь.

С милым и в шале рай.

С ЭТИМ СЮЖЕТОМ ПОКУПАЮТ

Герой, числящий умеренность среди главных своих достоинств, ищет благосклонности двух героинь, одну из которых зовут Елизавета. (Комедия 1820-х + повесть 1830-х.)²¹

Среди действующих лиц: три сестры, гордая красавица с реноме падшей женщины и положительный герой с львиным именем. Брачный партнер младшей из сестер, он очарован красавицей. Встрече с нею предшествует описание ее портрета. Важное место в сюжетной машинерии отведено железной

²¹ («ванду вавожиц» + «вмл го эфр»)»

дороге. (Два романа, впервые увидевшие свет на страницах «Русского вестника».)²²

Вслух читаются характеристики на присутствующих, и все они предстают в невыгодном свете. Те, чьи характеристики еще не оглашены, противятся продолжению чтения, а те, чьи оглашены, на его продолжении настаивают. (Комедия 1830-х + сказка 1950-х.)²³

Самозванец соблазняет дочь хозяина дома. Жена хозяина застигает их, выставляет дочь вон и становится объектом любовной атаки. (Комедия 1830-х + роман 1950-х.)²⁴

Апофеоз: цирковое представление прерывается, и зрители передают друг другу живое существо. (Рассказ 1880-х + фильм 1930-х.)²⁵

²² («енинедека еннА» + «лои҃И») Первым, кто обратил внимание на использование в обоих романах приема опережающего изображения (восходит к мотиву 'осознание искателем недостачи по знакомстве с изображением красавицы'), был Блок: читая гл. 9 ч. 7 «Карениной», он записал на полях своего экз.: *Наст. Фил. тоже прежде портрет, а потом сама* (Б-ка ИРЛИ. 94 9/58).

²³ («к҃э҃ей») («Ревизор»)

²⁴ («Bekehrten des Hochstaplers Felix Krull») («Ревизор»)

²⁵ («Цирк» + «Каштатка»)

Тяжело заболевший человек одержим навязчивой идеей. Узнавший о ней бородач пытается спасти больного с помощью краски и умирает от переохладения. (Рассказ 1900-х + рассказ 1920-х.)²⁶

Группа мужчин отправляется за несметным богатством. Столкнувшись с трудностями, все, кроме 33-летнего инициатора экспедиции, выходят из дела. По возвращении он, тем не менее, делится с ними богатством, причем одному из бывших компаньонов дает 50 тысяч. (Рассказ 1910-х + роман 1930-х.)²⁷

Молодой человек, получивший образование в области пластических искусств, приобретает некий предмет и, хотя тот достался ему за невысокую цену, досаждает на себя за расточительство, ведь из-за отсутствия заказов он сильно стеснен в средствах. Из купленного предмета выходит старик в восточном одеянии, наделенный сверхъестественными способностями, и вскоре молодой человек получает свой первый заказ. (Повесть 1830-х + роман 1890-х.)²⁸

²⁶ («The Last Leaf» + «Листья Бунина»)

²⁷ («Вперед и назад» Грина + «Золотой теленок»)

²⁸ («Попрыгунья» Горюхи + «The Brass Bottle»)

Морской офицер — орудие авантюристки. (Роман 1840-х + роман 1920-х.)²⁹

Профессор, выдающийся ученый, зарабатывающий на жизнь помощью состоятельным людям, которые желают избавиться от постыдных дефектов, проводит вместе с коллегой эксперимент: берет в свой дом «дикаря» и обучает его языку и манерам и приобщает к миру культуры, а изменения фиксирует фоно- и фотографически. «Дикарь» бунтует. И еще: профессор напева-ет мелодию из итальянской оперы. (Пьеса 1910-х + повесть 1920-х.)³⁰

Развратник сожительствует сперва с 35-летней вдовой, затем с ее несовершеннолетней дочерью. (Два романа 1950-х.)³¹

Парвеню сближается с богатым шалопаем, которому докучает родительский контроль, и, усвоив его манеры и почерк, замещает его. (Два романа 1950-х.)³²

²⁹ («Les Trois Mousquetaires» + «Триперолоид иженера Гарина»)

³⁰ («Ругмашлон» + «Собачья сердце»)

³¹ («Лолита» + «Доктор Живаго»)

³² («Bekanntnisse des Hochstaplers Felix Krull» + «The Talented Mr. Ripley»)

ПУСТОТЫ

*Целая вещь не поет —
Дырочка звук создает.*

Борис Беркович

азнавур опасаясь аварии
всю дорогу наяривал арии
и сошел он в давосе
вовсе обезголосев

33

ДОН-ДИ-ДИ
ДОН-ДИ-ДИ
ДОН-ДИ-ДИ
ДОН

что это за удивительный звон

ДОН-ДИ-ДИ
ДОН-ДИ-ДИ
ДОН-ДИ-ДИ
ДОН

³³ по мотивам:

*There was a young poet called Wyatt
Whose voice was remarkable quiet.
And finally one day
It faded away...*

Unknown Artist

симџы

это по улице шествует слон

дон-ди-ди
дон-ди-ди
дон-ди-ди
дон

где же четвертый его бубенец

дон-ди-ди
дон-ди-ди
дон-ди-ди
дон

отдан погонщику за леденец³⁴

мрш сглснх

³⁴ по мотивам:

*Bumdidì,
bumdidì,
bumdidì,
bum.*

So geht der Elefant herum.

*Bumdidì,
bumdidì,
bumdidì,
bum.*

*Ein Glöcklein an drei Beinen,
kein Glöcklein an dem einen.*

*Bumdidì,
bumdidì,
bumdidì,
bum.*

Josef Guggenmos

сигъы

sau ignon
cab rnet
cha donnay
kor nthiaki
por o
syg h
rie ling

И ДРУГИЕ НАСТОЛЬНЫЕ ИГРЫ

Первый слог — имя буквы, второй — имя числа, третий — имя ноты, целое — имя бога³⁵.

В этой истории о бедной девушке, покоровшей высшее общество, фундаментальная роль отведена мотиву обуви. Главным образом мужской³⁶.

³⁵ (ор + л + ъ)

³⁶ («иошлшлшл») В 1-м акте о Элизе говорится: *Her boots are much the worse for wear*, а о Хигинсе: *He's a gentleman: look at his boots* (ср. поговорку *You can tell a gentleman by his boots*). В 4-м акте Элиза, взбунтовавшись против Хигинса, постоянно ищущего свои туфли, швыряет их ему в лицо.

В этом месте сперва висел предмет, ставший заглавием одного романа, затем предмет, ставший заглавием другого романа, ныне снова висит первый предмет³⁷.

Герой «Гамлета», заколотый отравленным клинком задолго до финала³⁸.

Героев русской сказки и драмы хлебом не корми — дай в окошко сигануть: Колобок, героиня «Трех медведей», пушкинский Григорий Отрепьев, гоголевский Подколесин, блоковские Арлекин и Звездочет. А в какой русской драматической сказке это делает Мария?³⁹

Что объединяет Вертера, Эмму Бовари, Анну Каренину и всех читающих это предложение?⁴⁰

³⁷ («црпесноу ир оюриэд и» + «чблгог ичяньибрбэбэс» ·догос иижэвэижаези)
Наблюдение Инги Даниловой.

³⁸ Поскольку Гамлета, по примеру скальдов, можно назвать «отравленным клинком»; условиям «заколотый отравленным клинком» и «задолго до финала» отвечает Полоний.

³⁹ (ячячэштМ дох тэвэилчдичячя оню в :чрпаяиИ «ножадИ»)»

⁴⁰ Страсть к чтению, любезный читатель, всепоглощающая страсть к чтению.

ТЫ И ТВОЕ ИМЯ

*Заскрыпели двери ржавы
Оружейниц древних лет*

и проскрыпели имя автора.

Коль скоро Томский — сын сына графини, зачем заменять ее фамилию астерисками и присваивать Томскому титул князя? Была выдвинута гипотеза, что князем сделали отца Томского — «за исключительный полководческий талант»⁴¹, но причина разнобоя в другом: автор повести колебался в выборе титула героини, затем решил ослабить сходство образа с прототипом, однако в прижизненных изданиях всё же трижды назвал ее княгиней⁴²; редакторы завершили унификацию, но сделать графом еще и Томского не догадались или не отважились.

И чудесно, что ни догадались, ни отважились. Графиня именует внука *Paul*, а в разговоре с прислугой князь *Павел*, так что финальное сообщение *Томский <...> женится на княжне Полине* иллюстрирует правило «масть к масти подбирается»: *Князь Поль женится на княжне Полине*.

⁴¹ Красухин Г. Покой и воля: Некоторые пробл. пушк. творчества. М., 1987. С. 184.

⁴² Ср.: Ильин-Томич А. «Пиковая дама означает...» // «Столетия не сотрут...»: Рус. классики и их читатели. М., 1989. С. 105, 415.

Чехов

Булгаков

А фамилию вот и забыл!.. <...> Кобылин? Нет, не Кобылин. Постойте... <...> Кобылицин... Кобылятников... Кобелев...

Кабы я знал фамилию! <...> Вагнер? Вогнер? Вайнер? Вегнер? Винтер?

(18+) В интимном богемном кругу ожидают демонстрацию эрмитажного воскового слепка с репродуктивного органа Потемкина-Таврического: «Статуэтку», — повторил Руманов, — барышня, не перебивайте, — и для камуфляжу: Столыпин — Ухтомский — Игнатъев — понимаете, «статуэтку» будут показывать.

В ранней редакции этого эпизода перечень фамилий был несколько иным: Хилков — Ухтомский — Игнатъев, а при повторении перечня вместо Хилкова был назван Хитрово — замена, подчеркивающая важность именно начальной литеры.

Вытеснение Хилкова / Хитрово именем Столыпин заставляет вспомнить анекдот о поэте, разъясняющем вел. княжне слово на заборе.

И вот он через два часа сидит перед следователем, и тот спрашивает:

— Фамилия, имя, отчество?

— Филармон Иванович Онушкин, — ответил он.

*Он дирижировал кавказскими горами
И машучи ступал на тесных Альп тропы.*

Умерший предстает Орфеем, чье искусство приводило в движение камни, а машучи напоминает об орониме, который устойчиво ассоциируется со смертью поэта⁴³.

Героиня бунинского «Кавказа» переходит с любовником на ты только перед их бегством из Москвы. Вероятно, прежде она опасалась выдать себя в разговоре с мужем, к которому, делаем вывод, обращалась на вы и которого, делаем вывод, теперь готова покинуть.

*Больше всего говорил, поминутно матерясь, хриплым сорванным
голосом пьяница Захар Горздых.*

Хриплым сорванным. ЗХР ГРЗДХ.

Глухонемой Клинцов-Погоревших назван *воспитатником школы Гартмана или Остроградского*. Комментатор пишет: «А. Ф. Остроградский — известный директор училища глухо-

⁴³ Ср.: *На родине красивой смерти — Машуке* (Хлебников).

немых в конце XIX — начале XX в. Нам не удалось, однако, разыскать Гартмана среди тех, кто прославился в России борьбой с глухонемой. Даже если в их числе и был некий Гартман, он не был столь популярен, как А. Ф. Остроградский. Какого Гартмана называет здесь Пастернак? Не своего ли марбургского учителя, философа Н. Гартмана?»⁴⁴

Экий вздор. Имеется в виду Arthur Wilhelm Hartmann (1849–1931), автор сочинения «Taubstummheit und Taubstummenbildung» (Stuttgart, 1880), получившего международный резонанс и уже в 1881 вышедшего в русском переводе⁴⁵. Это будет тебе дорога в Маниловку; а Заманиловки никакой нет.

Переводчик «Orlando furioso» утверждает, что написать *Любезный Ариост немножечко охрип* «мог только тот, кто знал, помнил заключительное двестише четырнадцатой песни Ариостовой поэмы: *Но я охрип — и до другого раза Отложим продолжение рассказа*»⁴⁶.

Наблюдение любопытно, но категоричность избыточна. При известии о том, как *Ар... охрип*, вспоминается каламбур, сочиненный К. Прутковым и увековеченный Чеховым: о потерявших голос Архипе и Осипе.

Любезный Мандельштам немножечко осип?

⁴⁴ Смирнов И. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996. С. 147.

⁴⁵ Гартманн А. Глухонемота и воспитание глухонемых. М., 1881; сокращ. изд.: СПб., 1902.

⁴⁶ Солонович Е. [Предисл. к публ.:] Ариосто Л. Неистовый Орланд // Новый мир. 2011. № 6. С. 123.

Герой рассказа Гебеля «Kannitverstan»⁴⁷, немецкий подмастерье из Тутлингена, попадает в Амстердам. Пораженный видом роскошного дома, он интересуется у прохожего, кто его владелец. Ответ «не понимаю» подмастерье принимает за антропоним и восхищается богатством Каннитферштана. Наблюдая в порту, как разгружают прибывший из Ост-Индии корабль, подмастерье интересуется, кому принадлежат эти богатства, и получает тот же ответ, что и в первый раз⁴⁸. Наконец, он видит пышную похоронную процессию, спрашивает, кого хоронят, и слышит всё тот же ответ. С тех пор от зависти к чужому богатству его удерживают воспоминания о Каннитферштане, о его просторном доме, богатом корабле и тесной могиле.

Русскому читателю эта история известна в гекзаметрическом переложении Жуковского⁴⁹. Вместе с приемом «считывания советских неологизмов как фамилий»⁵⁰ рассказ Гебеля лег в основу стихотворения Маршака «Кто он?»: интурист, разъезжая по Москве и Подмосковию, интересуется, кому принадлежат эти дачи, театр, пароход и пр., а узнав, что комсомолу, восклицает: *Какой богатый Этот мистер Комсомол!* В первой редакции этого стихотворения связь с «географией» оригинала отчасти сохранялась: *К нам приехал из Капштадта Мистер Боббин, интурист;*

⁴⁷ Восходит к анекдоту о французе, неверно интерпретирующем слова «Ik kan niet verstaan», которые слышит в Амстердаме в ответ на все свои вопросы (см.: Franz K. Johann Peter Hebel, Kannitverstan: Ein Mißverständnis und seine Folgen: Texte, Comment., Abb. München u. a., 1985. S. 13–15, 67–69).

⁴⁸ Ср. мотив похвал, которые путешественник расточает фиктивному владельцу богатств («Кот в сапогах»).

⁴⁹ См. также «Отраженное бытие» Шенгели и «В стране Шларэффенланд...» Чиннова.

⁵⁰ Левинг Ю. Воспитание оптикой. М., 2010. С. 185–187.

в последующих редакциях он превращается сперва в безродного чужестранца: *В город прибыл к нам когда-то Интурист, заморский гость*, а затем в янки: *В город прибыл к нам когда-то Мистер Твистер, интурист; Мистер Смит, заморский гость; Мистер Флинт, заморский гость; Из-за моря-океана Отдохнуть от всяких дел Мистер Смолл из Мичигана К нам в столицу прилетел*⁵¹.

Единственное, что существенно различает истории о минхере Каннитферштане и мистере Комсомоле, это отсутствие сцены похорон второго.

У кого из героев пушкинской «Метели» имя, отчество и фамилия известны полностью, а не в виде инициала и/или поддаются убедительной реконструкции?⁵²

прос н
□□ □
пус н

⁵¹ Это не единственный случай маршаковского заимствования у Гебеля: как обнаружил Чижевский, dessen damaliges Heidelberger Arbeitszimmer (in dem sich heute nur ein Zinnbärchen versteckt) gegenüber von meinem jetzigen und letzte Ruhestätte auf meinem Fahrradweg zur Uni liegt und dessen Andenken diese Etüde gewidmet sein soll, стихотворение Маршака «Мельник, мальчик и осел» представляет собою переложение истории Гебеля «Der seltsame Spazierritt» (см.: Tschizewskij D. Johann Peter Hebel in der russischen Literatur und Schule // Ruperto Carol: Mitt. der Vereinig. der Freunde der Studentenschaft der Univ. Heidelberg. 1960. Bd 28. S. 60; Id. // Welt am Oberrhein. 1961. H. 6. S. 400).

⁵² Поскольку Марья Гавриловна, урожд. Р., была обвенчана с Бурминым, известны не только ее имя и отчество, но и полная фамилия по замужестве — нет нужды что в брачный обыск, по сю пору хранимый в ризнице жадринской церкви, внесены сведения о другом ее женихе.

RRRRR
RRRRR
RRRRR
Я RRRR

solang ICH steh
zwischen L und T
gibt's LICHT
sonst nicht

от смеха хрипп
и охрип и осип

ЗА ПАСЬЯНСОМ

Против инварианта не погрешь!

Александр Жолковский

Театральная афиша. Ее сорвут со столба на прогулке, а в гостинице по прочтении свернут и положат в дорожную шкатулку красного дерева — чтобы в следующем столетии другой ловец душ извлек ее из акушерского саквояжа.

О графине:

...к ней с низкими поклонами подходили приезжающие гости, как по установленному обряду, и потом уже никто ею не занимался. У себя принимала она весь город, наблюдая строгий этикет и не узнавая никого в лицо.

О воспитаннице:

Ей было назначено жалованье, которое никогда не доплачивали; а между тем требовали от неё, чтоб она одета была, как и все, то есть как очень немногие⁵³. В свете играла она самую жалкую роль. Все её знали, и никто не замечал...

И еще. Знак равенства между *все* и *очень немногие* — реминисценция «Новой Элоизы»: *Avoir un carrosse, un suisse, un maître-d'hôtel, c'est être comme tout le monde. Pour être comme tout le monde, il faut être comme très-peu de gens.*

Томский, рисуя портрет Сен-Жермена, ссылается на мемуары Казановы, и к ним же, вероятно, восходит его рассказ о победе Чаплицкого: *загнул пароли, пароли-пе, — отыгрался*. Ср. у Казановы: *fit paroli, paix de paroli, le va, et regagna tout l'or qu'il avait perdu*⁵⁴, что в соответствии с русской игрецкой традицией следовало бы перевести так: *загнул пароли, на пе [или на пэ], сетелева и вернул всё проигранное*.

⁵³ Ср.: *...одеться как все (то есть как очень немногие)...* (Достоевский).

⁵⁴ Mémoires de J. Casanova de Seingalt, écrits par lui-même. Paris, 1832. Т. 8. Р. 340. Здесь *le va* — «la paix de sept et le va», следующая за «la paix de paroli» стадия повышения ставки на одну и ту же карту.

Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, ещё учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою.

Манеры банкомета, пресекающего попытки воспользоваться приемом «paroli de campagne» — тайком повысить ставку⁵⁵, напоминают описанное в «Кандиде» поведение хозяйки игорного дома, именующей себя marquise de Parolignac⁵⁶: *remarquait avec des yeux de lynx tous les parolis, tous les sept-et-le-va de campagne, dont chaque joueur cornait ses cartes; elle les faisait décorner avec une attention sévère, mais polie, et ne se fâchait point, de peur de perdre ses pratiques*, т. е. следила рысьим взглядом, не погибает ли кто-нибудь из игроков лишние пароли и сетелева, и заставляла разгибать оные решительно, но вежливо и без раздражения, чтоб не растерять клиентов.

Сильвио, согласившийся метать банк, не уступает героине Вольтера в бдительности⁵⁷, но куда менее учтив — и едва успева-ет вернуться от шандала.

⁵⁵ См. разд. «Лишние сгибы» в: [Засекин?]. Пагубные следствия игры банка, или Свет для помраченных страстию к фортуне открытием плутовства банкиров игры фаро, с присовокуплением повестей и анекдотов о гибельных следствиях азартных игр / Пер. с фр. [кн.: Les Mistères du pharaon dévoilés, ou l'Art du banquier de pharaon, en comparaison avec les finesses des pontes, suivi d'anecdotes et d'une chronique scandaleuse des banques. Leipzig, s. a.]. СПб., 1807. С. 31–33.

⁵⁶ Контаминация «paroli» и «de Polignac» (см.: Bishop M. A Survey of French Literature. NY; Burlingame, [1955]. Vol. 1. P. 380).

⁵⁷ Отмечено в: Pushkin A. Eugene Onegin / Transl., with a comment., by V. Nabokov. Princeton, 1990. Vol. 2. P. 261.

Жихарев

Измайлов поставил две новые карты и, не взглянув на них, загнул каждую мирандодем. По второму абцугу он вскрыл одну карту, которая оказалась десяткою и уж выигравшею соника; он перегнул ее и, сказав: «По прокидке», вскрыл между тем другую карту, которая тоже оказалась десяткою и, следовательно, также выигравшею, он перегнул ее и положил на первую очень покойно <...> После нескольких абцугов десятка опять выиграла: банкомет бросил карты и встал из-за стола...

Осоргин

...граф поставил две новые карты, загнул каждую мирандодем. По второму абцугу вскрыл одну: выиграла соника. Перегнул, сказал: «По прокидке», вскрыл другую — взяла и она; перегнул и ее, положил на первую, глазом не моргнув. Через несколько абцугов взяла графова семерка червей — и банкомет бросил талью.

Один из прототипов Башмачкина — отставной корректор и наборщик, от лица которого П. Яковлев в 1828 опубликовал «Рукопись покойного Клементия Акимовича Хабарова, содержащую рассуждение о русской азбуке и биографию его, им самим писанную»⁵⁸. Хабаров *довольствовался самую простую*

⁵⁸ Книга обсуждалась на страницах «Московского телеграфа», «Сына отечества» и «Московского вестника»; отклики выявил М. Алексеев, составляя обзор публикаций о реформе алфавита (см.: Алексеев М. Пушкин: Сравн.-ист. исслед. Л., 1972. С. 401–410). Фрагменты этого обзора без упоминания его автора воспроизведены в: Друговейко-Должанская С. К истории русской азбуки // Язык и текст: Межвуз. сб. пам. М. Соколовой. СПб., 1998. С. 238–250.

пищею и более чем скромным гардеробом (чего еще надобно, когда я одет?), а вместо отдыха после работы чертил формы букв, причем относился к ним как к людям⁵⁹; скончался от простуды.

Земная оболочка агента трансцендентных сил прохудилась, а стремление ее обновить приводит к гибели.

Башмачкину на роду написано быть точной копией и совершенным копировальным устройством; безуспешны попытки переименовать его: «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его» и перепрограммировать: ...из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепису что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать.

Образы одежды и подруги сливаются, как в сновидении Шпоньки о жене-материи или как в сказке, герой которой уничтожает старую оболочку (шкурку, оперенье) новобрачной и снова становится 'искателем'. Башмачкин обнаруживает фатальную для копииста способность испытывать удовольствие от несходства: сравнивая старую и новую шинели, он даже

⁵⁹ Ср.: ...некоторые буквы были у него фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой.

рассмеялся: такая была далекая разница! Наказан утратой оболочки-новобрачной и обречен на ее поиски из царства теней.

Запрет изменять своему предназначению нарушает и героиня набоковской «Красавицы». В жанре физиологического очерка эмигрантской жизни излагается символистский сюжет о сошествии в мир Вечной Женственности. Земное ее воплощение, Ольга Алексеевна, не принадлежит никому и *бесстрастна в чистоте*, подобно *Российской Венере* Блока, но, вопреки соловьевскому видению, *не в теле нетленном на землю идет*, а страдает от житейской неустроенности: *надевая единственные башмаки, она заставляла себя не думать об их подошвах*. Ольгу Алексеевну знакомят с немцем, просившим *подыскать ему невесту — «настоящую русскую красоту»*. Принимает его предложение и умирает родами.

Аутиста пытаются отвлечь от шахмат, женят, переодевают: *Зима была в тот год белая, петербургская. Лужину сшили ватное пальто <...> В прихожей висел обреченный пиджак (= Башмачкин), и он выбрасывается в окно (= Подколесин).*

Один из ничтожнейших служащих «Геркулеса», смиреннейший из конторщиков, презираемый сослуживцами за туповатость и робость (= Башмачкин), способен мгновенно умножать и делить в уме (= Чичиков⁶⁰).

⁶⁰ О родстве Корейко с Чичиковым см. в: Щеглов Ю. Указ. соч. С. 387. В обоих романах рассказано о юных годах афериста — *Павлуши Чичикова* и *Саши Корейко*.

Со времен Белинского в Печорине принято видеть Гамлета. А кто же тогда Грушницкий? Своим поведением на дуэли:

...во взгляде его было какое-то беспокойство, избличавшее внутреннюю борьбу. <...> Он покраснел; ему было стыдно убить человека безоружного <...> Вдруг он опустил дуло пистолета и, побледнев как полотно, повернулся к своему секунданту: — Не могу, — сказал он глухим голосом. <...> Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущенный и мрачный. — Оставь их! — сказал он, наконец, капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора. — Ведь ты сам знаешь, что они правы

он напоминает Лаэрта:

*Laertes. My lord, I'll hit him now.
King Claudius. I do not think't.
Laertes [Aside]. And yet 'tis almost 'gainst my conscience.*

О Чаадаеве в «Былом и думах»: *Такой голос <...> был бы совершенно прав, говоря, что прошедшее России пусто, настоящее невыносимо, а будущего для нее вовсе нет.* Условное наклонение использовано неслучайно: у Чаадаева эта формула отсутствует; в «Первом письме» сказано, что жизнь русских ограничена только ближайшим настоящим, а прошлого и будущего у них нет. Сочиняя формулу за Чаадаева, Герцен отталкивался от слов, которые по поводу «Первого письма» произнес Бенкендорф — о восхитительном прошлом России, о ее более чем великолепном настоящем и о ее превосходящем самые дерзкие фантазии будущем.

Кажется, нигде иллюзия жизнеподобия не справляет свой триумф столь пышно, как в «Карениной», а между тем в основание романа положена жесткая схема: взяты на учет и педантично рассмотрены все варианты союза женщины и мужчины по признаку принадлежности каждой и каждого либо к добродетельным (Д), либо к порочным (П):

(1) Д + Д	Кити и Левин
(2) Д + П	Долли и Стива
(3) П + Д	Анна и Каренин
(4) П + П	Анна и Вронский

Пара (1) — счастливая, (2) — полураспавшаяся, (3) — распавшаяся и (4) — незаконная. *Каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.* Если паре (1) приходится изобретать причины для ссоры, то пара (4) доведена до самоубийства. Схема детерминирует сюжет и вопреки авторским намерениям: *Совершенно для меня неожиданно, но несомненно Вронский стал стреляться.*
The matrix has you.

В «La Parure» жена мелкого чиновника затмевает всех дам на балу и обращает на себя внимание самого министра. Уверенность в себе ей придает ожерелье, одолженное подругой.

Успех на балу — социальный лифт, но эту золушку он уносит вниз: после бала обнаруживается пропажа ожерелья, супруги покупают у ювелира и возвращают владелице очень похожее и отработывают долг десятилетием тяжелого труда. Встретив

в финале подругу, подурневшая героиня узнает, что потерянные бриллианты были стразами.

Этой новелле предшествовали две: «Les Bijoux» и «Décoré!». В первой мелкий чиновник, порицавший жену за пристрастие к поддельным украшениям, по вдовстве выясняет, что они настоящие, а он рогоносец⁶¹. Вторая, подобно «La Parure», — анатомия тщеславия, но не женского, а мужского: буржуа, женатый на красивой бесприданнице, грезит об ордене и обретает его — вместе с рогами.

Идейная конструкция и концовка «La Parure» воспроизводятся в «Жемчужном ожерелье» Лескова: героиня и герой с честью выдерживают испытание, получив в дар ожерелье — фальшивое, о чем в финале сообщает даритель.

Сюжеты «La Parure» и «Décoré!» совмещаются в «Анне на шее»: вышедшая за чиновника нищая красавица своим успехом на балу приковывает к себе взоры мужнина начальника — и чиновника награждают вожделенным орденом.

Героя поэмы Белого «Дитя-Солнце» зовут Тромпетер, и такое же имя — у героя «Петербурга»: Дудкин. Им манипулирует некто Липпанченко, отчего в Дудкине усматривают свирель, а в Липпанченко — Пана⁶². В имени Липпанченко, однако, слышнее не Пан, а Lirpen. Не желая, чтобы на нем играли, Дудкин убивает Липпанченко⁶³.

⁶¹ Сопоставление новелл см.: Donald-Evans M. The Last Laugh: Maupassant's «Les Bijoux» and «La Parure» // French Forum. 1985. Vol. 10, no. 2. P. 163–174.

⁶² См.: Mann R. Andrei Bely's «Petersburg» and the Cult of Dionysus. Lawrens, 1986. P. 33.

⁶³ В пользу параллели с «Гамлетом» свидетельствуют и слова явившегося Дудкину фантома: *Здравствуй, сынок!*

Из аналогии флейты и человека возник образ флейты-позвоночника⁶⁴, повлиявший на метафорику «Века»⁶⁵: *Чтобы вырвать век из плена, Чтобы новый мир начать, Узловатых дней колена Нужно флейтою связать. <...> Но разбит твой позвоночник, Мой прекрасный жалкий век! Предназначение дней колена ... связать* восходит к *Распалась связь времен. Зачем же я связать ее рожден!*⁶⁶

Образ позвоночника века использует Маяковский (*Мой стих дойдет через хребты веков*), а Мандельштам заново сведет Гамлета и флейту:

*И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,
И Гете, свищущий на вьющейся тропе,
И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Быть может, прежде губ уже родился шепот.*

Образ флейтиста возникает из *свищущий*, из *губ*, из упоминания «Волшебной флейты» и из описания моторики пальцев: *пугливыми шагами, считали пульс*.

Один исследователь указал на зависимость *смолы кругового терпенья* от *терпкого терпенья смолы*⁶⁷, другой предположил, что *смола кругового терпенья* возникла благодаря произнесенному

⁶⁴ См.: Правдина И. «Я сегодня буду играть на флейте...» // В мире Маяковского. М., 1984. Кн. 1. С. 216–217.

⁶⁵ См.: Brown C. Mandel'stam. Cambridge, 1973. P. 310.

⁶⁶ См.: Ronen O. An Approach to Mandel'stam. Jerusalem, 1983. P. 223.

⁶⁷ См.: Хазан В. Материалы к спецкурсу «Из истории русской поэзии Серебряного века». Грозный, 1992. Вып. 1. С. 10.

слову «терпентин»⁶⁸, да-да, и терпентин на что-нибудь полезен, а третий пришел к аналогичному заключению относительно происхождения *терпкого терпенья смолы*⁶⁹.

Сделанные независимо друг от друга, эти наблюдения хорошо согласуются друг с другом: возникший из «терпентина» образ *терпкого терпенья смолы* использован в «Лете» Пастернака, которое увидело свет в апреле 1931, а в «Сохрани мою речь...», написанном в начале мая 1931, Мандельштам воздал должное этой находке.

Отличия: у Пастернака *терпенье* мотивировано фонетически: сделано двойником ключевого слова *Ирпень*⁷⁰, у Мандельштама — фразеологически: строка *За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда* вызывает в памяти *терпенье и труд*.

В новелле Беляева «Сезам, откройся!» богачу предлагают приобрести домашнюю утварь, выполняющую голосовые команды, и, хотя *механическая метла* при демонстрации выходит из-под контроля (сюжет Лукиана: ученик чародея не в силах остановить предметы, оживленные заклинанием), богач соглашается оставить в доме *механических слуг*. А ночью из их корпусов вылезают мошенники. Таким образом, история о попытке разбойников проникнуть в дом Али-Бабы, сорванной благодаря служанке, залившей в кувшины кипящее масло (у Беляева слуга

⁶⁸ См.: Тименчик Р. Рождение стиха из духа прозы // *Analysieren als Deuten*. Hamburg, 2004. S. 557.

⁶⁹ См.: Ронен О. Каламбуры // *Звезда*. 2005. № 1. С. 233.

⁷⁰ См.: Gutsche G. Sound and Significance in Pasternak's «Leto» // *SEEJ*. 1981. Vol. 25, no. 3. P. 87; Жолковский А. Поэтика Пастернака. М., 2011. С. 485.

тоже заправляет «роботов» маслом, но машинным), соединяется с историей о даре данайцев. Возможность монтажа обеспечена наличием у сюжетов-источников общих мотивов: 'забытое заклинание' (Лукиан и Галлан) и 'замаскированное проникновение' (Гомер и Галлан).

Собираясь поведать ученику свою историю, протагонист надевает памятный ему головной убор и входит в образ:

Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотой кистью, с галуном (то, что французы называют bonnet de police); он ее надел; она была прострелена на вершок ото лба.

— Я — мастер, — он сделался суров и вынул из кармана халата совершенно засаленную черную шапочку с вышитой на ней желтым шелком буквой «М». Он надел эту шапочку и показался Ивану в профиль и в фас, чтобы доказать, что он — мастер. — Она своими руками сшила ее мне, — таинственно добавил он.

Линия Лары и Комаровского воспроизводит рисунок отношений Дуни и Свидригайлова: гувернантка становится объектом домогательств состоятельного немолодого развратника; ненависть к нему сочетается у нее с ощущением его роковой притягательности; взяв на встречу с ним револьвер, она не может его застрелить. (Ср. также мотив отравления 'старшей соперницы' — Марфы Петровны и Амалии Карловны.) Свидригайлов сообщает Дуне о грозящей ее брату опасности и обещает организовать

совместный побег за границу — в обмен на Дунину благосклонность. Эта ситуация получает отклик в двух местах «Живаго»: Ларин *братец Родя* (ср. формы обращения к Раскольникову: *Родя, братец* и *брат Родя*), проиграв чужие деньги, умоляет сестру обратиться за помощью к Комаровскому, а в юрятинской части романа Комаровский предлагает Ларе и Живаго увезти их за границу.

Превозмогая обожанье — реминисценция «Воскресения»: Нехлюдов, едучи третьим классом вслед за Масловой в Сибирь, думает о попутчиках: *Вот он, le vrai grand monde.*

Пушкин

Зачинщики бунта наказаны были кнутом; около ста сорока человек сослано в Сибирь; другие отданы в солдаты (NB все бежали); остальные прощены и приведены ко вторичной присяге. Сии строгие и необходимые меры восстановили наружный порядок; но спокойствие было ненадежно. «То ли еще будет! — говорили прощенные

Соловьев

...прежнее козацкое правление было уничтожено, начальство поручено яицкому коменданту, зачинщики бунта биты кнутом, 140 человек сослано в Сибирь, другие отданы в солдаты, — и все бежали. Порядок был по-видимому восстановлен; но козаки замыслили что-то недоброе, намекали на какое-то важное предприятие

Иловайский

Зачинщики наказаны кнутом, многие сосланы в Сибирь или отданы в солдаты, прежнее казацкое управление уничтожено и заменено Яицким комендантом. Войско не успокоилось. «То ли еще будет! — говорили прощенные мятежники. — Так ли мы тряхнем Москву». Тайные совещания

мятежники, — так ли мы тряхнем Москву». <...> Тайные совещания происходили по степным уметам и отдаленным хуторам. Всё предвещало новый мятеж. Недоставало предводителя. Предводитель ссыскался.

против государства, которое по-прежнему слыло у них под именем Москвы: «То ли еще будет, говорили они: так ли еще мы тряхнем Москву!» Тайные совещания происходили по степным уметам (постоялым дворам) и отдаленным хуторам...

происходили по степным уметам (постоялым дворам) и отдаленным хуторам. Недоставало только предводителя.

Зачин набоковского «Круга»: ...в нем разыгралась бешеная тоска по России <...> он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью в сочетании с оторванным от него финалом: Какое ужасное на душе беспокойство — реминисценция статьи «тоска» из Даля: ...стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь. Тоска по родине, обращается иногда в телесную болезнь, с изнурительною лихорадкой. Тоска берет глядеть на него, докучает. Тоска бешеная! от скуки, безделья...

Волоокая и пышногрудая Даша из 4-й гл. «Сандро из Чегема» — предмет вожделения всех мухусских мужчин и возлюбленная сперва русского офицера, затем грека-табакоторговца и, наконец, персидского коммерсанта. Ср.: Грек из Одессы и жид

из Варшавы, Юный корнет и седой генерал — Каждый искал в ней любви и забавы И на груди у нее засыпал.

В части грек <...> и седой генерал сюжет вышит по бунинской канве: мотивный комплекс 'на Востоке богатый грек уводит женщину у русского офицера' соответствует истории седого генерала из новеллы «В Париже», причем совпадают даже детали: *Не легко было забыть ее, — прежнюю, екатеринодарскую (Б.) и Даша была родом из Екатеринодара (И.); он для меня просто милый мальчик (Б.) и маленький порывистый грек ей нравился всегда, она испытывала к нему почти материнскую нежность (И.).* Отчаявшись уговорить Дашу вернуться, офицер стреляется, а перед тем — еще одна бунинская (из «Кавказа») деталь — бреется.

Муж, дикого нрава и уподобленный хищной птице, подозревает жену, юную красавицу, в измене. Сделав вид, что надолго уезжает, он неожиданно возвращается, застигает жену с любовником и инсценирует ее самоубийство путем повешения, после чего сообщает односельчанам о своем горе.

Таков сюжет «Дубков» Бунина и истории о Гедлаче из 30-й гл. «Сандро из Чегема».

Сонные глаза гепеушника из повести «Роковые яйца» скрыты *дымчатым пенсне, но вот из-под стекол вбок, на одно мгновенье, сверкнули вовсе не сонные, а наоборот, изумительно колющие глаза, после чего они моментально угасли.*

Теми же портретно-поведенческими характеристиками наделены персонажи «МиМ»: Арчибальд Арчибальдович буквально

сжигал швейцара глазами, после чего сжалился и погасил свой острый взор; из глаз конференсье брызнули лучи, пронизывающие Канавкина насквозь, как бы рентгеновские лучи, после чего конференсье погасил свой взор; Афрания обычно маленькие глаза свои <...> держал под прикрытыми, немного странноватыми, как будто припухшими, веками, но иногда взглядывал на своего собеседника внезапно и в упор, а потом его взгляд угасал; Абадонна на секунду снял свои [темные] очки.

Эти параллели уже обращали на себя внимание; замечено было и сходство век Афрания и Вия⁷¹. В пользу последней ассоциации говорит присутствие в «МиМ» мотивов «Вия» ('спасительный крик петуха', 'полет ведьмы верхом') и перекличка сцен казни⁷²:

*— Подымите мне веки:
не вижу! — сказал подземным
голосом Вий — и всё сонмище кину-
лось подымать ему веки.
«Не гляди!» — шепнул какой-то
внутренний голос философу.
Не вытерпел он и глянул.
— Вот он! — закричал Вий и уста-
вил на него железный палец. И все,
сколько ни было, кинулись на фи-
лософа. Бездыханный грянулся он
на землю, и тут же вылетел дух
из него от страха.*

*Абадонна оказался перед бароном
и на секунду снял свои очки. В тот
же момент что-то сверкнуло в ру-
ках Азазелло, что-то негромко
хлопнуло как в ладоши, барон стал
падать навзничь, алая кровь брыз-
нула у него из груди и залила крах-
мальную рубашку и жилет. Ко-
ровьев поставил чашу под
бьющуюся струю и передал напол-
нившуюся чашу Воланду. Безжиз-
ненное тело барона в это время
уже было на полу.*

⁷¹ См.: Белобровцева И., Кульюс С. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»: Опыт коммент. Таллинн, 2004. С. 281.

⁷² В обеих присутствует мотив временного удаления преграды, удерживающей 'чудесного помощника' от опасного проявления его способностей.

Эта сцена из «МиМ» отразится в 8-й гл. «Сандро из Чегема»:

— Да здравствует товарищ Сталин! — неожиданно вскрикнул один из секретарей райкомов и вскочил на ноги.

Сталин быстро повернулся к нему с выражением грозного презрения, после чего этот высокий и грузный человек стал медленно оседать. Слово уверившись в надежности его оползания, Сталин отвел глаза. <...> Берия заерзал и, на мгновение сняв пенсне, бросил на него свой знаменитый мутно-зеленый взгляд, от которого секретарь райкома откачнулся, как от удара. <...> Берия отвел от него взгляд, и тот словно обвалился под собственным обломанным костяком, радостно рухнул — пронесло!

В к/ф «Сталкер» визуализирован «Последний катаклизм»: камера показывает лежащие на залитом водою кафельном полу обломки цивилизации, в т. ч. внутренности будильника и лист отрывного календаря (*Когда пробьет последний час природы, Состав частей разрушится земных: Всё зримое опять покроют воды*), — и фрагмент репродукции Гентского алтаря (*И Божий лик изобразится в них*).

Герой к/ф Киаростами «Вкус вишни» выкопал себе могилу и колесит по округе в поисках того, кто согласится засыпать его тело землей. Под занавес звучит блюз «St. James Infirmary» в версии Армстронга. В к/ф он воспроизведен без партии вокала, но те из зрителей, кто узнает мелодию и вспомнит текст,

обратят внимание на фабульное сходство блюза с к/ф: протагонисты думают об одном — организации собственных похорон. Герой блюза не может забыть вид бездыханного тела своей возлюбленной. Не оттого ли мечтает о смерти и герой к/ф?

КОНВЕРГЕНЦИЯ

Подобие объясняют либо влиянием, либо сходством условий возникновения (например, дефицитом словарных, сюжетных, рифменных ресурсов) при совпадении заданий. Так, если предмет изображения — конфликт в мире посуды и столовых приборов, жди совета вроде 'встречая вилку, не лезь в бутылку':

А. К. Толстой

*Поделом тебе, кофейник!
Впредь не суйся в муравейник,
Не ходи как ротозей,
Умеряй характер пылкий,
Избирай своих друзей
И не связывайся с вилкой!*

Christian Morgenstern

*Der Löffel aber fand:
Mit Herrn und Fraun aus Eisen
ist nicht gut Kirschen speisen,
und küsste Frau Gabel galant —
die Hand.*

Или взять два образца жанра 'колыбельная отца': оба проникнуты обидой, что жена неверна, и подозрением, что

ребенок чужой. Есть и случайные совпадения: в каждой песне семь куплетов, и в предпоследнем отец сожалеет, что напугал ребенка:

Саша Черный

КОЛЫБЕЛЬНАЯ
(Для мужского голоса)

*Мать уехала в Париж...
И не надо! Спи, мой чиж.
А-а-а! Молчи, мой сын,
Нет последствий без причин.*

*Черный, гладкий таракан
Важно лезет под диван,
От него жена в Париж
Не сбежит, о нет, шалишь!*

*С нами скучно. Мать права.
Новый гладок, как Бова,
Новый гладок и богат.
С ним не скучно... Так-то, брат!*

*А-а-а! Огонь горит,
Добрый снег окно пушит.
Спи, мой кролик, а-а-а!
Всё на свете трын-трава...*

*Жили-были два крота...
Вьнь-ка ножку изо рта!
Спи, мой зайчик, спи, мой чиж,
Мать уехала в Париж.*

Erich Kästner

WIEGENLIED
(Ein Vater singt)

*Schlaf ein, mein Kind! Schlaf ein, mein Kind!
Man hält uns für Verwandte.
Doch ob wir es auch wirklich sind?
Ich weiß es nicht. Schlaf ein, mein Kind!
Mama ist bei der Tante...*

*Schlaf ein, mein Kind! Sei still! Schlaf ein!
Man kann nichts Klügres machen.
Ich bin so groß. Du bist so klein.
Wer schlafen kann, darf glücklich sein.
Wer schlafen darf, kann lachen.*

*Nachts liegt man neben einer Frau,
die sagt: Laß mich in Ruhe.
Sie liebt mich nicht. Sie ist so schlau.
Sie hext mir meine Haare grau.
Wer weiß, was ich noch tue.*

*Schlaf ein, mein Kind! Mein Kindchen schlaf!
Du hast nichts zu versäumen.
Man träumt vielleicht, man wär ein Graf.
Man träumt vielleicht, die Frau wär brav.
Es ist so schön, zu träumen...*

Чей ты? Мой или его?
Спи, мой мальчик, ничего!
Не смотри в мои глаза...
Жили козлик и коза...

Кот козу увез в Париж...
Спи, мой котик, спи, мой чиж!
Через... год... вернется... мать...
Сына нового рожать...

Man schuftet, liebt und lebt und frißt
und kann sich nicht erklären,
wozu das alles nötig ist!
Sie sagt, dass du mir ähnlich bist.
Mag sich zum Teufel scheren!

Der hat es gut, den man nicht weckt.
Wer tot ist, schläft am längsten.
Wer weiß, wo deine Mutter steckt!
Sei ruhig. Hab ich dich erschreckt?
Ich wollte dich nicht ängsten.

Vergiß den Mond! Schlaf ein, mein Kind!
Und laß die Sterne scheinen.
Vergiß auch mich! Vergiß den Wind!
Nun gute Nacht! Schlaf ein, mein Kind!
Und, bitte, laß das Weinen...

Аноним

Lieber Führer, komme bald⁷³,
unsre Füße sind schon kalt!⁷⁴

Юрий Влодов

Прошла зима, настало лето.
Спасибо партии за это!

В последний раз — опомнись старый мир!
Zum letzten Mal wird Sturmalarm geblasen!
В последний раз на светлый братский пир
Schon flattern Hitlerfahnen über Straßen.

⁷³ Восходит к *Lieber Frühling, komm doch bald* (фон Фаллерслебен).

⁷⁴ В берлинском вар.: *sonst wer'n uns die Beene kalt!*

И ДР. СР.

чтобы реже падать
отрастили память

Cicero

*Quis est enim qui totum diem jaculans
non aliquando collineet?*

Kant

*Torheit und Verstand haben so
unkenntlich bezeichnete Grenzen, daß
man schwerlich in dem einen Gebiete
lange fortgeht, ohne bisweilen einen
kleinen Streif in das andre zu tun...*

Сумароков

*Ты в жизни мне одна отрада,
Одна утеха ты, мой свет!*

Есенин

*Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

Державин

*Если спросит, чье? — молчи.
...
Если спросит, чья? — молчи.
...
Если спросит, чьи? — молчи.
...
Если спросит, кто? — молчи.*

Тютчев

*Любуйся ими — и молчи.
...
Питайся ими — и молчи.
...
Внимай их пенью — и молчи!*

Карамзин

*Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.*

...

*Странник, стоящий на холме,
Взором унылым
Смотрит на бледную осень,
Томно вздыхая.*

*Странник печальный, утешься!
Вянет природа
Только на малое время;
Всё оживится.*

Козьма Прутков

*Вянет лист. Проходит лето.
Иней серебрится...
Юнкер Шмидт из пистолета
Хочет застрелиться.*

*Погоди, безумный, снова
Зелень оживится!
Юнкер Шмидт! честное слово,
Лето возвратится!*

Eichendorff

*Der Wald aber rühret die Wipfel
im Traum von der Felsenwand.
Denn der Herr geht über die Gipfel
und segnet das stille Land.*

Тютчев

*Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины.
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.*

Пушкин

*Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня,
Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...*

Тургенев

*...сверчок трещит однообразно,
словно скучает, маленькие часы
торопливо чикают на стене, мышья
украдкой скребется и грызет за
обоями, а три старые девы, словно
парки, молча и быстро шевелят
спицами, тени от рук их то бегают,
то странно дрожат в полутьме,
и странные, также полутемные
мысли роятся в голове ребенка.*

Григорьев

*Спи спокойно —
 добрый ночи!
Вон уж в небесах
Блещут ангельские
 очи
В золотых лучах.*

Фет

*Смотрят ангельские
 очи,
Трепетно светя;
Так легко дыханье
 ночи, —
Спи, мое дитя.*

Апухтин

*Не боится темной
 ночи:
Безмятежен сон его;
Смотрят ангельские
 очи
Прямо с неба на него.*

Пушкин

*Откупори шампанского бутылку
Иль перечти «Женитьбу Фигаро».*

Ходасевич

*Ни «Моцарт и Сальери», ни «Цыганы»
В тот день моей не утолили жажды.*

Лермонтов

*На нем треугольная шляпа
И серый походный сюртук.*

Иван Кондратьев (?)

*Шапчонка на нем арестанта
И серый тюремный халат.*

Козьма Прутков

*Тебе и горький хрен — малина,
А мне и бланманже — полынь!*

Ахматова

*От других мне хвала — что зола,
От тебя и хула — похвала.*

А. К. Толстой

*Царь Александр Первый
Настал ему взамен.
В нем слабы были нервы,
Но он был джентльмен.*

Сологуб

*Кому служил я верно,
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.*

Афанасьев

*Колобок полежал-полежал, да вдруг
и покатился — с окна на лавку,
с лавки на пол, по полу да к дверям,
перепрыгнул через порог в сени, из
сеней на крыльцо, с крыльца на двор,
со двора за ворота, дальше и дальше.*

А. Н. Толстой

*Буратино покачался, покачался
на тоненьких ножках, шагнул раз,
шагнул другой, скок, скок, — прямо
к двери, через порог и — на улицу.*

Соловьев

Мандельштам

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?*

*Но пишущих машин простая
сонатина —
Лишь тень сонат могучих тех.*

Мандельштам

Маршак

*Начиналась улица у пяти углов,
А кончалась улица у больших садов.*

*Собирались лодыри на урок,
А попали лодыри на коток.*

Маршак

Ахматова

*Поедем в Неаполь, поедем
в Багдад! —
Но дочка сказала: — Хочу в Ленинград!*

*То мог быть Стамбул или даже
Багдад,
Но, увы! не Варшава, не Ленинград.*

Гумилев

Пастернак

*Нам ясен ужас древнего соблазна,
Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два дровка
Соединит на миг крестообразно?*

*На свечку дуло из угла,
И жар соблазна
Вздымал, как ангел, два крыла
Крестообразно.*

Кирсанов

*В хлопьях, в светлом
снежном блеске
ухожу в поход
в молодой,
красноармейский
Двадцать Первый Год!*

Пастернак

*Помню в поездах
Толчею подвод,
Осень отводил
к востоку
Сорок первый год.*

Шпаликов

*Рио-рита, рио-рита,
Вертится
фокстрот,
На площадке
танцевальной
Сорок первый год⁷⁵.*

Толстой

*— Да что, Федя, — сказал он, пере-
минаясь, — тебе, чай, сапог новых
не надо теперь; отдай мне, ходить,
чай, не будешь.*

Деген

*Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя
валенки.*

ПРО ВЕРБИАЛЬНОЕ

Эпиграф к «Станционному зрителю» взят из зачина к «Станции» Вяземского, начинающегося словами: *Досадно слышать: «Sta viator!»* Выражение *Sta viator!* служит эпиграфом к самой «Станции». Восходящее к римской придорожной эпитафике⁷⁶,

⁷⁵ Добавлено Константином Елисеевым.

⁷⁶ См., напр.: *Römische Grabinschriften*. München, 1976. S. 25–28, 71, 133, 134, 156, 161, 185, 216, 234.

оно стало крылатым⁷⁷, но широкую известность приобрело благодаря использованию в своем изначальном значении — в эпитафии Францу фон Мерси: *Sta viator; heroem calcas*. Руссо подчеркивал современный характер этого речения. Карамзин считал его древним:

*Но надпись о другом и в самый дальний век
Гласит: Прохожий, стой! Героя попираешь*⁷⁸.

«Станционный смотритель» начинается с *Прохожий стой!*, а заканчивается *Героя попираешь*:

— *Вот могила старого смотрителя, — сказал мне мальчик, вспрыгнув на грудь песку, в которую врыт был черный крест с медным образом.*

У скороговорки:

*Жили-были три китайца: Як, Як-цидрак, Як-цидрак-цидрони;
жили-были три китайки: Ципи, Ципи-дрипи, Ципи-дрипи-лям-
помпони; и женились Як на Ципи, Як-цидрак на Ципи-дрипи,
Як-цидрак-цидрони на Ципи-дрипи-лям-помпони*

⁷⁷ И, напр., Опиц сделал его заглавием стихотворения, в котором призывал тех, кто ищет благ вдали, поискать их вблизи.

⁷⁸ *Перевод славного латинского надгробия: Sta viator! heroem calcas* (примеч. автора). Ср.: «Изречение остановись, прохожий или просто прохожий, употребляемое в новейших Эпитафиях, происходит от древнего обычая Римлян погребать умерших при больших дорогах. — *Sta viator! heroem calcas*. Остановись, прохожий! героя попираешь» (Остолопов Н. Слов. древней и новейшей поэзии. СПб., 1821. Т. 1. С. 446).

сев.-нем. источник:

Es war einmal ein Vater, der hatte drei Söhne, der erste hiess Schack, der zweite hiess Schackschawerack, der dritte hiess Schackschawerackschawerenia. Es war einmal eine Mutter, die hatte drei Töchter, die erste hiess Zib, die zweite hiess Zibzibelib, die dritte hiess Zibzibelibzibbelenia. Schack nahm Zib, Schackschawerack nahm Zibzibelib, Schackschawerackschawerenia nahm Zibzibelibzibbelenia⁷⁹.

Переход владельца новой шинели в богатую часть города сопровождается противопоставлением одних саней другим: ...*реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами...*

Нераспознанное (увы) предостережение не садиться не в свои сани.

Эпизод в «Даме с собачкой»:

— Нехорошо, — сказала она. — Вы же первый меня не уважаете теперь.

На столе в номере был арбуз. Гуров отрезал себе ломоть и стал есть не спеша. Прошло по крайней мере полчаса в молчании.

⁷⁹ Цит. по: Post A. Mitteilung aus dem Bremischen Volksleben // Am Ur-Quell. 1894. Bd 5. S. 40.

*Анна Сергеевна была трогательна, от нее веяло чистотой
порядочной, наивной, мало жившей женщины...*

иллюстрирует паремию, уподобляющую порядочную женщину спелой дыне: *Il n'est pas facile de connaître les bonnes femmes et les bons melons; Une bonne femme et un bon melon on n'en trouve pas à foison; On ne peut reconnaître bien bon melon ni femme de bien; On ne peut connaître ni les melons, ni les femmes.*

Банка с клубничным вареньем до того мешала заниматься латинским, что пришлось ее опустошить. И расплата была неизбежна, но как раз в тот самый миг, когда тетя с удивлением рассматривала чисто вымытую пустую банку, не понимая, почему она здесь стоит и как сюда попала, в переднюю с улицы ворвался Павлик, крича на всю квартиру: — Файг! Файг! Слушайте, только что к нашему дому в собственной карете подъехал Файг!

Deus ex machina? Типичнейший.

Он же в виде Джаггернаута-Сталина: *Бог ехал в пяти машинах.*

В эпицентре пожара, в XVI в. уничтожившего Свято-Татьяевский монастырь, краеведы обнаружили остатки самовара, принадлежавшего кому-то из паломников. находка проливает свет на происхождение поговорки *В чужой монастырь со своим*

самоваром: по-видимому, она представляет собою фрагмент недошедших до нас правил пожарной безопасности, принятых вскоре после печального инцидента игуменами других обителей.

Археологические находки микенской эпохи, сделанные на дне природных водоемов Балканского полуострова, проливают свет на происхождение поговорки *Куда рак с клешнею, туда и грек с пешнею*. Оказывается, древние греки были заядлые раколовы: отыскав зимовье членистоногих, пробив прорубь и подкрепившись глотком ракии, они смело совали в реку руку.

Всяк кудык свою гору хвалит.

Не родись в теплице, не помрешь в петлице.

В пятом акте и палка стреляет.

Нет дыма отечества без огня.

Бойся гостя стоячего, а камня лежачего.

Не всё то золото, что молчит.

Перекуем углы на овалы!

По волосам не плачут — воют!

Grattez les sousèques et vous verrez le Coloboque!

□□□□ □□□□□□□□ □□□□□□ не жалел Эдип □□□□.

ВРИ В РИФМУ

В «Гаральде» уныл и луны занимают рифменную позицию: *И едет сумрачно-уныл Гаральд, боец седой, При свете полныя луны Один сквозь лес густой*, но рифмопары не образуют: нечетные стихи в этой балладе холостые. Рифмоваться уныл и луны станут только спустя век: *Как мулла, он упрям и уныл <...> отличая мерцаньем луны* (Асеев); *Как старый шахтер, горбат и уныл, Крыльями смазал кайло Луны* (Сельвинский).

«Стожары» — так называют и Плеяды, и шести для укрепления стогов. В стихах Живаго рождественская звезда уподоблена стогу и скирде, а звуковыми субститутами «стожаров» выступают *сторожка, сторона и пожар*:

*А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.*

*Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.*

И наконец, оба образа сведены в рифмопару:

*Она возвышалась горячей скирдой
Соломы и сена*

*Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.*

«Эхо» Блока:

*К зеленому лугу, взывая, внимая,
Иду по шуршащей листве.
И месяц холодный стоит, не сгорая,
Зеленым серпом в синеве.*

*Листва кружевная!
Осеннее злато!
Зову — и трикраты
Мне издали звонко
Отвечает нимфа, отвечает Эхо,
Как будто в поля золотого заката
Гонимая богом-ребенком
И полная смеха...*

*Вот, богом настигнута, падает Эхо,
И страстно круженье, и сладко паденье,
И смех ее в длинном
Звучит повторенье
Под небом невинным...
И страсти и смерти,
И смерти и страсти —
Венчальные ветви
Осенних убранств и запястий...*

*Там — в синем раздолье — мой голос пророчит
Возвратить, опрокинуть весь мир на меня!*

*Но, сверкнув на крыле пролетающей ночи,
Томной свирелью вечернего дня
Ускользнувшая нимфа хохочет.*

Что за погоня? Во второй строфе изображено преследование Эхо Эротом, но античная мифология этого сюжета не знает. Третья строфа понуждает вспомнить о преследовании Дафны Аполлоном (*ветви ... запястий*), четвертая — о преследовании Сиринги Паном (*свирелью*). Собирательный сюжет в духе «Метаморфоз» разыгран в среднерусских декорациях (*осеннее злато*).

Зачин — *К зеленому лугу* — отсылает к *Вспомни, вспомни луг зеленый* из «Орфея и Эвридики» Брюсова, что, с учетом финального образа *ускользнувшей нимфы*, позволяет отнести «Эхо» к числу блоковских сочинений о потере невесты — Орфеем (*Ты, Орфей, потерял невесту, Кто шепнул тебе: «Оглянись...»?*), Гамлетом, Пьеро, Петрухой. Ощутимо влияние и пушкинского «Эха» (поэт, как эхо, внемлет, откликается — и не получает отклика) и особенно пушкинской «Рифмы» (нимфа Эхо в качестве центрального образа, вольное обращение с античной мифологией). Слово «рифма» у Блока отсутствует⁸⁰, однако рифма как таковая внимание к себе приковывает — и тем, что возникает непредсказуемо (вместе с чередованием строк разной длины это позволяет имитировать моторику погони и борьбы), и тем, что рифмующиеся слова обнаруживают тенденцию объединяться по трое — об этом и идет речь в *Зову* — *и трикратно Мне издали звонко Ответствует нимфа и И смех ее в длинном Звучит повторенье*. Таким образом, «Эхо» — не столько «о любви», сколько «о поэте и поэзии».

⁸⁰ Его субститут — *нимфа*. Ср. пушкинскую «Рифму»: текст, стилизованный под перевод с др.-греч., не зарифмован, но сюжет построен «на созвучии рифманимфа» (Ронен О. Каламбуры... С. 229–230).

Пушкин

*Варлаам. А пьяному рай, отец
Мисаил! Выпьем же чарочку за шин-
карочку... Однако, отец Мисаил,
когда я пью, так трезвых не люблю;
ино дело пьянство, а иное чван-
ство; хочешь жить, как мы, мило-
сти просим — нет, так убирайся,
проваливай: скomorох попу не това-
рищ.*

*Григорий. Пей да про себя разу-
мей, отец Варлаам! Видишь, и я
порой складно говорить умею.*

Блок

*Семинарист. И никто ее так
не полюбит, как я. И будем мы на
белом снегу свою грустную жизнь
доживать. Она — плясать, а я —
на шарманке играть. И полетим.
И под самый серебряный месяц
залетим. И туда, черт возьми,
скажу я вам, дурацким вашим гряз-
ным носам, милые друзья, не со-
ваться. И всё-таки я очень вас
люблю и высоко ставлю. Кто из
одной бутылки не пивал, тот
и дружбы не видал.*

Все хоxочут.

*Собутыльник. Ай да Васька! Уж
очень складно! Поцелуемся, дружок.*

Звездочет

*Ну, ваше горе пройдет!
Вам надо только стихи
Как можно длинней сочинять!
О чем же плакать тогда?*

Поэт

*А вам, господин звездочет,
Довольно в свитки свои
На пользу студентам вписать:
«Пала Мария — Звезда!»*

Стихovedы считают это белым вольным дольником⁸¹, а между тем каждую строчку Звездочета Поэт парирует в рифму⁸².

В этом фрагменте «Лейтенанта Шмидта»:

*Скамьи, шашки, выпушка охраны,
Обмороки, крики, схватки спазм.
Чтение, чтение, чтение, несмотря на
Головокружение, несмотря
На пары нашатыря и пряный,
Пьяный запах слез и валерьяны,
Чтение без пенья тропаря,
Рама, и жандармы-ветераны,
Шаровары и кушак царя,
И под люстрой зайчик восьмигранный.
Чтение, несмотря на то, что рано
Или поздно, сами, будет день,
Сядут там же за грехи тирана
В грязных клочьях поседлых пасм.
Будет так же ветрен день весенний,
Будет страшно стать живой мишенью,
Будут высшие соображенья
И капли вешней дребедень.
Будут схватки астмы. Будет чтение,
Чтение, чтение без конца и пауз*

⁸¹ См.: Руднев П. О стихе драмы А. Блока «Роза и крест» // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1970. Вып. 251. С. 330; Папаян Р. Сравнительная типология национального стиха. Ереван, 1980. С. 132.

⁸² Это заметил только Л. Лотар, переводчик «Незнакомки» на венгерский (см.: Blok A. Az ismeretlen nő // Blok A. Válogatott művei. Budapest, 1972. Old. 179).

на двадцать строк приходится пять рифменных цепей, причем в одной из них (спазм : пасм : пауз) расстояние между первым и вторым звеньями составляет 11 строк — кажется, это рекорд.

Сколько строф в игорь-северянинском:

*Была у тебя страна,
И был у тебя свой дом,
Где ты со своей семьей
Лелеял побеги роз...
Но, родины не ценя,
Свой дом не сумев сберечь
И мало любя семью,
Ты всё потерял — был день.
Зачем же теперь видна
Во взоре тоска твоём
И в чужом краю зимой
Ты бродишь и наг и бос?
И ждешь не дождешься дня
Услышать родную речь
И, сев на свою скамью,
Смотреть на сгоревший пень?..
И снова сажать ростки,
И снова стругать бревно,
И свадьбу опять сыграв,
У Неба молить детей, —
Чтоб снова в несчастный час,
Упорной страшась борьбы,
Презренным отдать врагам
И розы, и честь, и дом...
Глупец! от твоей тоски
Заморским краям смешно,*

*И сетовать ты не прав,
Посмешище для людей...
Живи же, у них участь
Царем быть своей судьбы!..
— Стихи посвящаю вам,
Всем вам, воплощенным в «нем»!⁸³*

Кирсанов:

*Освободи меня от мысли:
со мной ли ты или с другим.
Освободи меня от мысли:
любим я или не любим.*

*Освободи меня от жизни
с тревогой, ревностью, тоской,
и всё, что с нами было, —
изничтожай безжалостной рукой.*

*Ни мнимой жалостью не трогай,
ни видимостью теплоты, —
открыто стань такой жестокой,
какой бываешь втайне ты.*

Безыскусность нечетной рифмопары первой строфы сменяется ее отсутствием во второй, словно стремление избавиться от постылой жизни освобождает от оков тавтологии. Но действительно ли *жизни* не рифмуется? Или это оптический обман? Заключительная строфа постулирует мнимость видимого и призывает сделать тайное явным.

⁸³ (эяг)

ЗАСТЕГНУТ НА ВСЕ БУКОВКИ

*Поэт в России
Больше, чем поэт,
Но меньше, чем
Литературовед.*

Герман Лукомников (Бонифаций)

И о четырех копытах да спотыкается.

Налево ляжет ли валет?

И Оленька осталась одна.

Все жизненные опоры героини — Ванечка, Васичка и Володичка — поочередно исчезли, обратились в ноль, ноль, ноль.

*Теперь уже она была совершенно одна. Отец давно уже умер,
и кресло его валялось на чердаке, запыленное, без одной ножки.*

Чеховед: раз об этом кресле больше не сказано ни слова, отсутствие ножки не мотивировано фабулой⁸⁴. Еще как мотивировано: скоро в распоряжении героини окажется новый объект забот.

⁸⁴ См.: Чудаков А. Поэтика Чехова. М., 1971. С. 143 и далее.

*Похолодели лепестки
Раскрытых губ, по-детски влажных —
И зал плывет, плывет в протяжных
Напевах счастья и тоски.*

*Сиянье люстр и зыбь зеркал
Слились в один мираж хрустальный —
И веет, веет ветер бальный
Теплом душистых опахал.*

Еще за полвека до появления этого восьмистишия Фет называл опахала душистыми, а Майков рифмовал *лепестки* и *тоски*. Но метафора танца как скольжения по воде — *зал плывет, плывет* — развернута своеобразно: *губ ... влажных, зыбь зеркал, слились*, а приемы звуковой организации изысканны и разнообразны. Мотив раскрытых губ становится сквозным благодаря сериям слов с начальным лабиальным: *плывет, плывет в протяжных* и *веет, веет ветер бальный*. В *веет, веет ветер* мерцает *веер*, предвестник *опахал*. Переключки тактильных образов — холода в зачине и тепла в финале — поддержана единством фактуры первого и последнего слов: *похоло...* и *опахал*. Текст, таким образом, закольцован: сделав попутно два оборота (abba cddc), вальсирующие совершают круг по залу.

и сумрачный германский

своей конституцией

При произнесении:

*Золотистого меда струя из бутылки текла
Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела*

губы — на БУ — уподобляются горлышку сосуда, и через возникшее отверстие ударные «ы» и «а» проталкивают скопления ТЛК и ТКЛ. Толчками покидая сосуд, густая субстанция струится *тягУче и дОлго*, вечно. Несовпадение конца предложения с концом строки создает ощущение, будто размер не просто длинный, но сверхдлинный. Иллюзии замедления способствуют слова *тяжелые, спокойные, катятся, сонные* и др., а также длинная непрерывная цепочка глаголов несовершенного вида (*живет ~ шумели*) и разомкнутая рифмовка мжмж. Греческий антураж, сообщающий повествованию дополнительную статуарность, довершает его превращение в аналог экфрасиса *Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой; Дева, над вечной струей, вечно печальна сидит.*

*Кто **троп**ку к двери **проторил**
К дыре засыпанной **крупой***

*Кто **троп**ку к двери **проторил**
К дыре засыпанной **крупой***

и сразу за зевакой зевака

— ЗУЗАЗЕ. А как это декламируют? *И сразу ЖЕ за зевакой...* (П. Фоменко); *И ТУТ за зевакой...* (М. Розовский). Впрочем, изысканному и положено быть неброским.

*Знай
и французский
и английский бокс,
но не для того,
чтоб скулу
сворачивать вбок.*

От сотрясения, вызванного ударом союза цели (чтОБ СКулу), части слова бокс меняются местами.

*Палкой шупая дорогу,
Бродит наугад слепой,
Осторожно ставит ногу
И бормочет сам с собой.
А на бельмах у слепого
Целый мир отображен:
Дом, лужок, забор, корова,
Клочья неба голубого —
Всё, чего не видит он.*

Из шести разновидностей Х4 использованы пять, причем одна и та же встречается в соседних строках лишь однажды. Удельный вес ударного «о» втрое с лишним выше нормы; оно занимает все стратегически важные позиции (заглавие, рифмы) и образует непрерывные цепочки длиной до шести звеньев.

Ритмическое разнообразие имитирует пробующую, угадывающую походку, а ударно-вокальное однообразие — бормотанье. Походка и речь слепого становятся объектами эхопраксии: артикуляционному сопереживанию читатель предается безотчетно

и произвольно — подобно тем, кто из ложечки кормит младенца или беседует с заикой. То, что в стихотворении изображено, превращает читателя в наблюдателя за поведением слепого, а то, как это изображено, понуждает читателя перевоплотиться в слепого. С наблюдением, поданным как подчеркнуто безучастная констатация отличий слепого от зрячих, конкурирует бессознательное сопереживание зрячих слепому. Что победит?

Строка длиной в союз:

*Петербургские окна.
Синё и темно.
Город
сном
и покоем скован.
Но
не спит
мадам Кускова⁸⁵.*

И:

*И полковник неспокоен. Рука, которую он тридцать лет
подносит к своим тонким усам, стала произвольно дрожать.
Спокойствие.
Будущее неясно.
Но.
Но нужна дружба с русскими. И он действительно прекрасный
человек, Грибоедов. К тому же он молод.
Лэди Макдональд. Супруга Грибоедова. Это полезная близость.*

⁸⁵ Впервые: Крас. новь. 1927. № 8. С. 66.

...
*И нужно действовать в возможных пределах, так сказать использовать то, что дано*⁸⁶.

Но. и И. как эквиваленты поднятого указующего перста.

*И, целиком заняв дверную раму,
Он оборачивается и ждет.*

Неполноударность заставляет скандировать, отчего становится видно, как он *о-бо-ра-чи-ва-ет-ся*.

Читая ладонь офицера, хиромант обнаруживает, что тот занимал два престола, при первом правлении был умерщвлен, а окончательно умереть ему суждено родами в возрасте двухсот сорока. Хиромант обескуражен: *...голова его бессильно упала на стол рядом с халдейским черепом.* Офицер признается:

— Видите ли, когда мне под Первозвановкой оторвало кисть левой руки, то мой дядя, который жил в Берлине, как представитель фабрики искусственных конеч...

и умолкает: в него летит халдейский череп. Рассказ о протезе оборван на полуслове. На полуслове слова *конечности*.

⁸⁶ Впервые: Звезда. 1928. № 1. С. 64.

Городовому Сапогову поручено проверить евреев-ремесленников: пусть каждый семерт сделает тут же, при Сапогове, на его глазах, какую-либо вещь по своей ремесленной специальности и тем докажет, что бдительное начальство не введено им в заблуждение и недостойный обман. На опасения, как бы евреи не провели Сапогова, тот уверенно отвечает: — *Жиды-то? Меня-то? Да Господи ж.*

Литографу он велит изготовить визитную карточку, а когда тот пытается нанести ФИО на литографский камень задом наперед, требует, чтобы всё писалось без жульничества. Литограф подчиняется и подает визитную карточку: *вогопаС чивомискаМ леваП.*

Хотел того автор или нет, но будущие еврейские выверты проступают уже в словах — *Жиды-то? Меня-то? Да Господи ж.*

*И какой-то назойливый нищий
в этом городе ранних смертей,
говорят, всё танцмейстера ищет
для покойных своих дочерей⁸⁷.*

Гармониками отражались сваи в воде, свиваясь и развиваясь

— колебание отражения свай на подвижной водной поверхности и описывается, уподобляясь сжиманию-растягиванию и скручиванию-раскручиванию, и имитируется: *сваи* зеркально удваиваются в *свиваясь* (*св...в...с*).

⁸⁷ Эта анаграмма обручает *танцмейстера* с 'плясками смерти' и предвосхищает *der Tod ist ein Meister*.

*Больная повернулась к окну и стала медленно креститься, глядя во все большие глаза на большую деревянную церковь, которую объезжала карета **больной***

— визуализация движения по кругу.

*Ах, как кру́жится голова,
Как голова кру́жится*

— головокружение до того сильное, что ударение не находит себе места.

Или:

*пО полю
по пОлю*

*пО полю
по пОлю*

*катится
машина*

*катится
машина*

— параллелизм строк и набор «о» с прописной визуализируют колеса, а перемещение ударения — тряскую езду.

сигнѳы

*Резные двери в деревянных розах.
Двойное растворение вовнутрь —
и в утренний сужающийся воздух
мы втянуты, как завитки волны, —
как вихри света, обтекающие утварь,
в один источник сведены,
в единый узел.*

Корневые согласные первой строки образуют симметричную композицию: РЗ ДВР В ДРВ РЗ. Тяготение звуко-буквенной (звуквенной) фактуры стихотворной строки к палиндрому — явление известное (*мороз воевода дозором*), но здесь симметрия еще и мотивирована предметом изображения: складень.

Эти РЗ и ДВ отзовутся в следующей строке: *ДВойное РаСтво- рение*. Другая часть слова «растворение» — *раСТВОРЕНИЕ* — перетекает в *ВОВНУТРЬ* и *ВУТРЕННИЙ*, а еще ниже во *ВТЯНУТЫ* и *УТВАРЬ*. Затягивание в воронку и описывается, и инсценируется, разыгрывается для органов зрения и речи — путем перетекания слов одно в другое и нагнетения «у» как графического аналога воронки и артикуляционного аналога трубообразного потока.

Сверху раструб, затем сужение, снизу *узел* — слово, которое со многими в тексте перекликается и ни с одним не рифмуется, т. е. ни одному не равно, ибо единый и единственный источник всего. Источник, точка, узел, завязь (цветов на створках складня).

ШАПОЧНЫЙ РАЗБОР⁸⁸

Сильвио встал и вынул из картона красную шапку с золотую кистью, с галуном (то, что французы называют bonnet de police)...

Комментатор пишет: «Ссылка на мнение французов загадочна. <...> сравнение шапки Сильвио с полицейской шапкой могло быть намеком на обстоятельства его секретной службы. Прототипом Сильвио нередко видят кишиневского знакомого Пушкина И. П. Липранди <...> В годы пребывания русского корпуса во Франции Липранди служил начальником военной полиции и сотрудничал с шефом сыскной бригады французской полиции Видоком»⁸⁹. При этом комментатор ссылается на двух биографов Липранди, но оба утверждают, что о его секретной службе автор «Выстрела» не мог и догадываться⁹⁰.

Предположение, что слова *bonnet de police* содержат намек на полицейскую службу, несостоятельно и потому, что «этот ходовой французский термин ничего общего с полицией не имеет»⁹¹. Что же он обозначал? *Bonnet de police* называли сшитый из старого обмундирования колпак, служивший нестроевым головным убором всех родов войск французской армии и гвардии; определение «полицейский» закрепилось за ним в пору его ношения

⁸⁸ Автор признателен Роману Григорьеву за придирки.

⁸⁹ Попова И. Комментарий. // Пушкин А. Повести Белкина: Науч. изд-е. М., 1999. С. 84.

⁹⁰ См.: Гроссман Л. Цех пера. М., 1930. С. 224–225; Эйдельман Н. «Где и что Липранди?..» // Пути в незнаемое. 1972. Сб. 9. С. 140.

⁹¹ Садиков П. И. П. Липранди в Бессарабии 1820-х гг. // Временник Пушкин. комис. 1941. [Вып.] 6. С. 295.

не всеми военнослужащими вне строя, а только наказанными за правонарушение⁹².

Bonnet de police был прототипом и аналогом того головного убора, который хранит Сильвио и который именовался фуражной шапкой и был вытеснен фуражкой. Прототипом последней был shako (кивер), но в беседе по-французски ее могли называть так же, как и фуражную шапку: bonnet de police. Когда Чаадаев в ответ на приглашение вел. кн. Николая Павловича посещать манеж в Аничковом дворце заметил, что это было бы стеснительно из-за необходимости являться в форме, собеседник любезно разрешил ему приезжать хоть в фуражной шапке (*Quelle idée, mon cher, entre nous, allons donc, vous viendrez comme vous voudrez, vous viendrez en bonnet de police*)⁹³, что было анахронизмом, ведь ко времени, когда Николай стал хозяином Аничкова дворца, фуражную шапку сменила фуражка. Сходная ситуация наблюдается в «Выстреле»: рассказчик, младший друг отставного гусара, несколько раз называет его фуражную шапку фуражкой.

Полагая, что речь идет о головном уборе с козырьком и с кокардой, автор исследования «Фуражка Сильвио» задается вопросом, откуда бы таковой взяться в сцене второй дуэли: «Вряд ли Сильвио приехал в ней да еще не снял в комнате. Еще менее возможно, чтобы он привез ее в той картонке, из которой он ее вынул, показывая И. Л. П. Он что, держал картонку под мышкой или за веревочки?»⁹⁴ Между тем *красную шапку*

⁹² См.: Dictionnaire de l'armée de terre. Paris, 1841. Vol. 2. P. 798.

⁹³ Жихарев М. П. Я. Чаадаев: Из воспоминаний современника // Вестн. Европы. 1871. Кн. 7. С. 190.

⁹⁴ Чумаков Ю. Фуражка Сильвио // Материалы к слов. сюжетов и мотивов. 1998. Вып. 2. С. 144.

с золотою кистью Сильвио мог извлечь не из картонки, а из кармана: фуражная шапка представляла собою мягкий суконный колпак.

Гусарам его шили из выслужившего свой срок ментика, и, так как ментик красного сукна носили в лейб-гвардии Гусарском полку (с мая 1801) и в Белорусском гусарском полку (с конца 1809) и цвет мундирного прибора для лейб-гусар был установлен желтый, а для белорусцев белый, описание *красную ... с золотою кистью* указывает на службу Сильвио в гвардии⁹⁵. О том же косвенно свидетельствует сообщение, что в полку Сильвио командиры сменялись *поминутно*: за 1813–1814 лейб-гвардии Гусарским полком командовали шестеро. Судя же по другим сведениям о Сильвио: *был первым буюном по армии* (армии, а не гвардии), *перепил славного Б***, воспетого Д. Д-м* (белорусца в 1803–1807 и 1810–1813) и поссорился с графом на бале у польского помещика (Белорусский полк дислоцировался в Юго-Западном крае), он был белорусцем. Таким образом, упомянутый в «Выстреле» **** гусарский полк* следует считать контаминацией двух воинских частей — гвардейской и армейской.

Утверждалось, что «Сильвио мог перепить А. П. Бурцева, воспетого Денисом Давыдовым, только во время службы с обоими гусарами в полку Его Высочества герцога Оранского в 1802–1804 гг. Именно в этом полку форменной фуражкой была *красная шапка* <...> *bonnet de police*. После 1804 г. Давыдов служил в Белорусском гусарском полку, который стоял в Гродно»⁹⁶. Это утверждение покоится на неточных сведениях (Давыдов и Бурцов были однополчане не в 1802–1804, а в 1804–1806; Гусарский принца

⁹⁵ Ср.: Печейкин А. «Он прицелился и прострелил мне фуражку» // Воен.-ист. журн. 2014. № 3. С. 74.

⁹⁶ Шварцбанд С. История «Повестей Белкина». Иерусалим, 1993. С. 85–86.

Оранского и Белорусский гусарский — не два полка, а один, именованный в честь принца с 1816; в Гродно он не стоял), но само стремление увязать хронологию событий повести с описанием головного убора плодотворно.

Осенью 1811 состоялся переход с фуражной шапки на фуражку, о чем автор «Выстрела» вполне мог помнить, поскольку тогда же началась его учеба в Царском Селе, где были расквартированы лейб-гусары. Время упразднения фуражных шапок ослабляет аргументацию тех, кто датирует первый поединок Сильвио и графа серединой 1810-х⁹⁷, и усиливает аргументацию тех, кто относит его к 1800-м⁹⁸.

«Повести Пушкина голы как-то»⁹⁹, и это усиливает роль подробностей, в особенности тех, что кажутся лишними. Таковы в «Выстреле» описания предметов, пробитых пулями: шапки Сильвио и картины, изображающей *какой-то вид из Швейцарии*. Зачем читателю знать, что именно изображено на картине? Затем, чтобы 'швейцарское' соединилось с мотивами 'меткая стрельба' (*если б он вызвался пулей сбить грушу с фуражки кого б то ни было, никто б в нашем полку не усумнился подставить ему своей головы*) и 'борьба с иноземным игом' (*предводительствовал отрядом этеристов*) — и Сильвио предстал двойником Вильгельма Телля¹⁰⁰.

⁹⁷ 1814 (Коджак А. О повести Пушкина «Выстрел» // Мосты. 1970. № 15. С. 193, 194); 1815 (Шварцбанд С. Указ. соч. С. 86).

⁹⁸ 1808–1809 (Тудоровская Е. Время «Повестей Белкина» // Вопр. лит. и фольклора. Воронеж, 1973. С. 220); 1805 (Ее же. Пушкин в гриме Белкина // Грани. 1985. № 138. С. 65, 72); 1809 (Гей Н. Мир «Повестей Белкина» // Пушкин А. Повести Белкина: Науч. изд-е. М., 1999. С. 440).

⁹⁹ Толстой Л. ПСС. М., 1937. Т. 46. С. 188.

¹⁰⁰ Параллели с Шиллером впервые отмечены в: Коджак А. Указ. соч. С. 204–207.

Не сигнализирует ли о реминисценции и другая «лишняя» подробность — слова *то, что французы называют bonnet de police*? Да, эти слова отсылают к сравнению колпака Вамбы с «bonnet de police современного гусара» в переводе «Айвенго» на французский:

*Le bas de ce bonnet étoit bordé d'un bandeau de cuir découpé en forme de couronne; et le haut, terminé en pointe, lui retomboit presque sur l'épaule, comme un de nos anciens bonnets de nuit, ou comme le bonnet de police d'un hussard de nos jours*¹⁰¹.

БУАЛО

и у мидий фидий
и у лис улисс
и у листика стилистика
и у кустика акустика
и у поэтика поэтика¹⁰²

¹⁰¹ Oeuvres complètes de Sir Walter Scott. Paris, 1822. Vol. 18. P. 10; в ориг.: *the head-gear of a modern hussar*. Об интересе Пушкина к образу Вамбы см.: Лотман Л. «И я бы мог, как шут...» // Временник Пушк. комис. '1978. Л., 1981. С. 52 и далее.

¹⁰² по мотивам дискуссии:

Фет

*Но всё снегирь не будет Кантом
И Соломоном — воробей.*

Гумилев

*Есть Моисеи посреди дубов,
Марии между пальм...*

bach schwoll an zu wasserfall
ihn goss man zu orgel
herum errichtete man tempel
hinauf erdachte man gott

көричнев
өчерк нив
верно кич
көрчи вен
көнчи рев
беловик

googlein googlein auf dem tisch
ist mein witz tatsächlich frisch

зевксис о зевксис
и не старайся
снять занавески с
фрески паррасия

закупорись
и за рукопись
умри миру
и ври в рифму

и так до чертова
четвертого
(ох не скоро бы)
короба

и так и сяк
и так и сяк
и так и сяк
так и иссяк

оставь остафьево
ступай в астапово

на бумаге да на бумаге
а на до гу ба ми

устанет сердце рифмовать
и побелеет стих

П	А	Р	
		У	А

ПЕРВОЕ БУКВАРЯ

Бросиль берегъ, бьется съ бурей бѣлый блѣдный бѣдный
бѣсь.

с тех пор как пропао
не ми поэтам свет
не сожишь как бывао
бааду иь сонет

черт с ним поэты говорят
управимся и без
и део бы пошо на ад
да тут ичезо ¹⁰³

¹⁰³ ПО МОТИВАМ:

*Der Tag, an dem das verschwand,
da war die uft vo Kagen.
Den Dichtern, ach, verschug es gatt
ihr Singen und ihr Sagen.*

*Nun gut. Sie haben sich gefaßt.
Man sieht sie wieder schreiben.
Jedoch:
Soang das nicht wiederkehrt,
muß aes Fickwerk beiben.*

Robert Gernhardt

страдали на жаре
А, М, О, Р и Е
забыв мemento мори
пошли купаться в море
в итоге в букваре
остались Р и Е

— Ну почему, — сокрушлаось Л, — я отдлао А свою перекалдину!

падежи как пажи
носят шлейф госпожи

не склоняя выи
перед кем попало
кофе хлещет киви
какаду какао
гложет фейхоа
чихуахуа

После переворота пренебрежительное отношение к гимназическим пособиям как к лексиконам прописных истин в помощь

«душечкам» и «учителям словесности» сменится ностальгией: *Вторая часть хрестоматии Смирновского. История Иловайского. Учебник арифметики Малинина и Буренина. География Елпатьевского*¹⁰⁴. *Задачник Евтушевского. Алгебра Киселева. Физика Краевича. Латинская грамматика Ходобая.* <...> *Что и говорить, крепкая была постройка, основательная* (Д. Аминадо).

Популярным было и другое пособие Смирновского: «Учебник русской грамматики для младших классов средних учебных заведений». Автор-рассказчик «Истории моей голубятни» выучил его наизусть, чтобы попасть в почти недоступное для евреев Николаева учебное заведение, а бывший теннисист превратил фрагмент из этого учебника в эпиграф к роману: *Дубъ — дерево. Роза — цвѣтокъ. Олень — животное. Воробей — птица. Россія — наше отечество. Смерть неизбъжна.*

У Смирновского эти слова, объединенные субъектно-предикатными отношениями, служат примерами родовых окончаний имен существительных: *-ѣ, -ѣ, -ѣ* для м. р., *-а, -я, -ѣ* для ж. р. и *-о, -е* для ср. р.; позиция же эпиграфа придает их цепочке сходство с этимологическим мифом¹⁰⁵ или с конъюнктивно-гипотетическим силлогизмом. (И сходство столь разительное, что возникает иллюзия стилизации: «...никакого Смирновского, которому Набоков приписывает авторство учебника, в природе не существовало»¹⁰⁶. Всем бы так не существовать.)

Покажите русскому школьнику карту звездного неба, о которой он до тех пор не имел никакого понятия, и он завтра же

¹⁰⁴ Ошибка: имеется в виду его «Учебник русской истории».

¹⁰⁵ Ср.: Leving Yu. Keys to «The Gift»: A Guide to Nabokov's Novel. Boston, 2011. P. 340.

¹⁰⁶ Апресян Ю. Как понимать «Дар» В. Набокова // In Honor of Prof. V. Levin: Russ. Philology and History. Jerusalem, 1992. P. 360.

возвратит вам эту карту исправленную. Ученик Сернурского земского училища Уржумского уезда согласился лишь с тем, что Воробей — птица, прочую же фауну, а заодно и флору обновил, чтобы заселить и засеять небо собственными созвездиями: Меркнут знаки Зодиака Над просторами полей. Спит животное Собака, Дремлет птица Воробей <...> Меркнут знаки Зодиака Над постройками села. Спит животное Собака, Дремлет рыба Камбала. <...> Колотушка тук-тук-тук. Спит животное Паук, Спит Корова, Муха спит, Над землей луна висит. Над землей большая плоска Опрокинутой воды¹⁰⁷. Спит растение Картошка. Засыпай скорей и ты!

ФАЛЕС

Героиня набоковского «Круга» *говаривала, что у них есть родственники не только в животном царстве, но и в растительном, и в минеральном. И точно: в честь Годунова-Чердынцева названы были новые виды фазана, антилопы, рододендрона и даже целый горный хребет (сам он описывал главным образом насекомых)*. В этом портрете, писанном кистью Арчимбольдо, нет только рыб, зато усадьба Годунова-Чердынцева предстает былинно-оперным дворцом морского царя: *До какой глубины спускаешься, боже мой! — в хрустально-расплывчатом тумане, точно всё это происходило под водой. Иннокентий*

¹⁰⁷ созвездие Водолея

видел себя почти младенцем, входящим с отцом в усадьбу, плывущим по дивным комнатам... К мотиву подводного плена (плена воспоминаний) относится и переключка фамилии протагониста: Бычков и его облика: *чересчур губаст* — с образом из сцены рыбалки: *стеклянная банка, где уже плавал, выпятив губу, бычок.*

В «The World and the Door» О. Генри начало кутежа описано так: *Two deep-sea cabmen were chartered. At Columbus Circle they hove to long enough to revile the statue of the great navigator, unpatriotically rebuking him for having voyaged in search of land instead of liquids.*

Переводчица И. Гурова противопоставила не твердь влаге, а континенты пивным: *Зафрахтовали два кэба дальнего плаванья; на площади Колумба легли в дрейф и долго поносили великого мореплавателя, непатриотично упрекая его за то, что он открывал континенты, а не пивные.*

Замена была, вероятно, подсказана старинным вакхическим гимном: *Колумб Америку открыл, Страну для нас совсем чужую. Дурак, уж лучше бы открыл На нашей улице пивную!*

До XX в. рифмовать Арагву не решались и справа ее опекала Кура: *Брега Арагвы и Куры Узрели русские шатры; Обнявшись, будто две сестры, Струи Арагвы и Куры; Внизу Арагва и Кура, Обвив каймой из серебра.* Зато в XX в. Арагва берет реванш: теперь не она впадает в Куру, а Кура ползет атакой газовой К Арагве,

сдавленной горами (Пастернак); не Кура впадает в Каспий, а Арагва добирается До каспийского, сухого, Нефтеносного песка (Вс. Рождественский).

*Всюду жизнь и вольно, и широко,
Точно Волга полная, течет.*

Уподобление людского века волжскому току берет начало в оде Сумарокова «Долины, Волга, потопляя...». Неразлучность воли и шири, атрибутов главной русской реки и русскости как таковой, — тоже обкатанная, как валун, формула: *Привольно, широко, красуясь и сияя, Лазурно-светлая течет Царица русских рек (Языков); Великорусский ум, великорусский взгляд — Как Волга-матушка, широкий и гульливый! Тепло, привольно, любо нам (Ап. Григорьев).*

*И над лимонной Невою под хруст сторублевый
Мне никогда, никогда не плясала цыганка.*

Почему лимонной? Из-за охряных фасадов¹⁰⁸ и из-за желтой зари и золотого, как небо, *аи*. Только Блоку монисто бренчало, цыганка плясала, а мне — никогда, никогда.

¹⁰⁸ Ср.: *Да цепь домов, веселых, хмурых, Оливковых, лимонных, бурых (Набоков).*

Шевырев

*Море спорило с Петром:
«Не построишь Петрограда;
Покачу я шведский гром,
Кораблей крылатых стадо.
...
Речь Петра гремит в ответ:
«Сдайся, дерзостное море!
Нет, — так пусть узнает свет:
Кто из нас могучей в споре?
...
Тяжкой движется стопой
Исполин — гранит упорный
И приемлет вид живой,
Млату бодрому покорный.*

Маршак

*Человек сказал Днепру:
— Я стеной тебя запру.
Ты с вершины будешь прыгать,
Ты машины будешь двигать!
— Нет, — ответила вода, —
Ни за что и никогда!

И вот к реке поставлена
Железная стена.
И вот реке объявлена
Война, война, война!

Выходит в бой подъемный кран,
Двадцатитонный великан,
Несет в протянутой руке
Чугунный молот на крюке.*

Пастернак

*Я был разбужен спозаранку
Щелчком оконного стекла.
Размокшей каменной баранкой
В воде Венеция плыла¹⁰⁹.*

Заболоцкий

*Был день как день. Шныряли вaporeтто.
Заваленная грудями стекла,
Венеция, опущенная в лето,
По всем своим артериям текла.*

¹⁰⁹ Венеция уподоблена арочному мосту, который вместе со своим отражением в канале кажется кольцеобразным и напоминает макаемую в чай баранку; ср. в «Людах и положениях»: ...*круги и восьмерки его* [города] *отражений плыли*

Морское существо тайно любит человека, спасает его от утопления, исчезает, и тот вступает в брак с 'мнимым спасителем'. С этим сюжетом покупают сказку 1830-х и роман 1920-х¹¹⁰.

Варяг вразвалочку сошел на берег.

Редкий кочан довезут до середины реки.

Когда бы грек не сунул руку в реку!

Старый дож плывет в гондоле, сам веселый и хмельной.

на берегу пустынных волн
стакан □□□□□□□□□□ □□□□
а отнятый от полных уст
стакан □□□□□□□□□□ □□□□

и множились, разбухая, как сухарь в чаю (см.: Доценко С. Почему Венеция — «размокшая каменная баранка»? // Stanford Slavic Studies. 2012. Vol. 43. P. 72–73).

¹¹⁰ («видифиѣ-яэвогѣѣ» + «ѣпдлаѣ ѣ||| ѣДѣ»)

рим напрасно возвел □□□□□□□□
по последнему слову □□□□□
появились □□□□
и не стало □□□□
суждены нам танталовы □□□□

удивительный вопрос
почему я юдофоб
потому что без воды
и ни туды и ни сюды

три мудреца в одном тазу
(читатель ждет уже грозу
пуская загодя слезу)
рагу тушили и азу

er trank
er trank
er trank
er trank
ertrank

только вылечили греку
как он снова руку в реку
никого не исцелит
диалектик гераклит

У НЕВЫ

у невы
львы
застыли
литые
их лица
величественности полны
и глазницы
пусты
и гривы витые
словно гребень волны
и хребты
и хвосты
не земной а речной красоты

уже которую неделю
блестит чугунный шрифт оград

под морозящей нонпарелью
уже который век подряд
нева лениво и безмолвно
курсивом вспенивая волны
качая чаек и наяд
впадает в лету но пока
река в беспамятство впадает
движения не прерывает
рычаг печатного станка
как будто грома грохотанье
тяжелозвонкое скаканье
и не кончается строка

ПОЕТРЕЕ

Липе надлежит лепетать, березе — лить слезы, а эпитетом «с(е)ребристая» она обязана морозу (индевит ее и рифмуется с нею) и палиндромичности берез- / сереб-.

У немцев «Baum : Traum», у русских «береза : греза» да «сосна : сон». Соседствует сосна и со снегом, и Лермонтов не стал ее заменять ни, как Тютчев, кедром, ни, как Фет, дубом, а всё ради возможности повторения сонно-снежного звуко сочетания: *сосна — снегом — снится — грустна — прекрасная.*

*И стали три пальмы на Бога роптать:
На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы.*

В «Трех смертях», по Ап. Григорьеву, «самую нормальной является смерть дуба <...> поставленная сознанием выше смерти не только развитой барыни, но и выше смерти простого человека». Дуб угодил сюда, вероятно, из еще не начатой «Войны и тютчевского «Успокоения». В «Трех смертях» фигурирует не дуб, а *дерево*. Умирующие герои рассказа — барыня, мужик и дерево — представители не только двух социальных классов и двух биологических царств, но и трех грамматических родов.

Так все-таки листьев шелест или страниц? Судя по дневнику автора, стихотворение «В пустом, сквозном чертоге сада...» возникло на пленэре:

*Какое счастье <...> идти по сухой
земле, смотреть на сад, на дерево,
еще оставшееся в коричневатой
листве <...> Вся аллея засыпана
краснеющей, сухой, сморщенной
листвой, чем-то сладко пахнущей.
Как нов вид на сквозной сад...*

*В пустом, сквозном чертоге сада
Иду, шумя сухой листвой:
Какая странная отрада
Былое попирать ногой!
Какая сладость всё, что прежде
Ценил так мало, вспоминать!
Какая боль и грусть — в надежде
Еще одну весну узнать!*

Державин

*Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корой*

Тютчев

*Вдруг по деревьям испещренным,
С их ветхим листьем изнуренным*

Фет

*Средь кленов девственных
и плачущих берез
Я видеть не могу надменных
этих сосен;
Они смущают рой живых и сладких
грез,
И трезвый вид мне их несносен.*

Набоков

*Средь этих лиственниц и сосен,
под горностаем этих гор
мне был бы менее несносен
существования позор.*

«Куст сирени»:

Николай Евграфович Алмазов, слушатель Академии генштаба, сажает зеленой тушью пятно на подготовленную к сдаче карту и, чтобы скрыть его, изображает на этом месте кусты. Профессор заявляет, что там никаких кустов нет. Алмазов пускается спорить, и наутро им предстоит выяснить, кто же прав. Алмазов в отчаянии, но его жена Вера закладывает драгоценности, нанимает садовника, и к утру на картографированной местности появляются кусты сирени.

Герой, даром что Евграфович и Алмазов, пишет скверно и не обладает ни твердостью, ни блеском. Ими зато сполна наделена Вера; ее реплика в споре с (недо)оценщиком ломбарда: — *Да ведь это настоящий брильянт*, — в сущности, автопортрет.

Антагонист Алмазовых — педант каких мало *да еще немец вдобавок <...> Знания — просто чудовищные*. Они, впрочем, ограничены преподаваемым предметом: сирень профессор называет березкой. Как говаривал другой немец, перефразируя третьего: *Alle Theorie ist grau, und nur der Wald und die Erfahrung sind grün*.

История победы простака над умником¹¹², одержанной благодаря совету мудрой супруги и ночной подготовке ристалища¹¹³, сопровождается игрой на полисемии «посадить»: *руки начали дрожать — и посадил пятно и если там нет таких дурацких кустов, то их надо посадить*. Пятно, посаженное на карту, маскируется изображением кустов, а кусты, посаженные на месте изображенных, скрывают пятно окончательно.

*Сусальным золотом горят
В лесах рождественские елки;
В кустах игрушечные волки
Глазами страшными глядят...*

¹¹² Рассказ написан после неудачной попытки автора поступить в Академию генштаба.

¹¹³ В мотивный комплекс «Куста сирени» входят также 'превращение копии в оригинал' ('оживающее изображение') и едва не ставшая роковой 'оплошность копииста' (ср. «Золотой горшок»).

Авторская датировка — 1908. Высказывалось предположение, что стихотворение написано годом или двумя позже¹¹⁴. Но объем и характер совпадений с начальной строфой «Сусального ангела»¹¹⁵:

*На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальный ангел смотрит в щелку
Закрытых наглухо дверей*

(а именно: Я4, елку / елки в рифменной позиции, играющих / игрушечные, сусальный / сусальным, смотрит / глядят) позволяют думать, что «Сусальным золотом...» минимум на четыре года младше, чем указал автор.

До чего же нелеп вопрос *Что стоишь, качаясь, тонкая рябина, головой склоняясь до самого тына?! Что стоишь, дескать, а не присядешь, корни-то затекли, поди? Или: что стоишь, не пора ль в путь-дорогу? У Сурикова ее спрашивают о другом: Что шумишь, качаясь, тонкая рябина, низко наклоняясь головою к тыну?* И из ответа ясно, отчего шумит и наклоняется: *С ветром речь веду я.*

«Народ-художник», говорите? Художник слова от слова «худо».

¹¹⁴ См.: Фролов Д. О ранних стихах Осипа Мандельштама. М., 2009. С. 138.

¹¹⁵ Впервые: Заветы. 1912. № 2. С. 56.

Без пня ни кочки.

У п р а в д о м: Гражданин, не мните траву! Берегите природу!
П о э т: Не то, что мните вы, природа...

Мы не можем ждать милостей от природы: насильно мил не будешь.

то оль
бе еза
с сна
о ина
яс нь
се войя
пл тан

вред и травмы
древ и трав мы

ЕЛКА И СВАДЬБА

Фабула:

На елке, куда пригласили рассказчика, ему запомнились влиятельный чиновник Юлиан Мастакович (ЮМ), прелестная и задумчивая 11-летняя дочка откупщика и худенький и забитый сын вдовы, служащей гувернанткой. Дети бойкого нрава *разобрали всю елку вмиг* и обидели дочку откупщика и сына гувернантки. Те удаляются в маленькую гостиную и принимаются наряжать подаренную девочке дорогую куклу. Рассказчик оказывается там же и, сидя в цветочной беседке, незаметно наблюдает за детьми. Входит ЮМ, до того побеседовавший с отцом девочки, и принимается вслух подсчитывать, в какую сумму превратятся через пять лет отложенные на ее приданое триста тысяч. Подсчитав, что в полмиллиона, ЮМ заводит с девочкой ласковый разговор, а мальчика пытается выставить из комнаты. В столовой, куда убегает мальчик, ЮМ кричит ему: — *Пошел, что здесь делаешь, пошел, негодник, пошел! Ты здесь фрукты таскаешь, а?* Мальчик прячется под стол, ЮМ пробует его оттуда выгнать. Появляется хозяин дома и просит ЮМ оказать этому мальчику протекцию, но ЮМ отказывает, ссылаясь на отсутствие вакансий, и велит *шалуну* уйти к сверстникам. В большой гостиной ЮМ расхваливает девочку и получает от ее матери приглашение бывать в их доме.

Пять лет спустя, заглянув в церковь во время венчания, рассказчик узнает в женихе ЮМ, а в заплаканной красавице-невесте — дочь откупщика. В толпе говорят, что за ней дают пятьсот тысяч. *Однако расчет был хорош!* — думает рассказчик.

Отчество жениха стало для одних исследователей шибболом: его приняли за фамилию¹¹⁶; для других — пятном Роршаха: утверждалось, что ЮМ — сын преступника Мастака (каковым словом в русском переводе «Les Mystères de Paris» передана кличка le Maître d'école)¹¹⁷, а поскольку личное имя героя напоминает о «византийском императоре и философе-неоплатонике», соединение его с отчеством — «оксюморонное»¹¹⁸.

О родословной ЮМ высказывались и дельные соображения. Так, было обнаружено его сходство с Чичиковым, размышляющим: *Ведь если, положим, этой девушке да придать тысячонок двести приданого, из нее мог бы выйти очень, очень лакомый кусочек*. Оба героя неловки с детьми и расхваливают их, чтобы войти в доверие к родителям; оба умеют быстро считать в уме; если Чичиков *несколько был тяжеленек*, то ЮМ был *несколько толстенек*¹¹⁹. Иначе говоря, и в период попыток автора освободиться от репутации нового Гоголя его мысль всё еще пребывала на орбите гоголевской характерологии.

В «Елке и свадьбе» принято видеть фурьеристскую критику буржуазного брака как торговой сделки, а между тем разоблачаемый мезальянс далек от классического (невеста не только много моложе жениха, но и много богаче) и наиболее пронизательные из критиков отмечали, что автор исследует анатомию не столько

¹¹⁶ См.: Neuhäuser R. Das Frühwerk Dostoevskijs. Heidelberg, 1979. S. 105ff; Кэнноскэ Н. Слов. персонажей произведений Ф. М. Достоевского. СПб., 2011. С. 57–61; Даревский А. Рассказ Ф. М. Достоевского «Елка и свадьба» на бирманском языке // Достоевский: Материалы и исслед. 1996. Т. 12. С. 267.

¹¹⁷ См.: Нечаева В. Ранний Достоевский. М., 1979. С. 230–232.

¹¹⁸ Акелькина Е. Елка и свадьба // Достоевский: Слов.-справочник. СПб., 2008. С. 69.

¹¹⁹ См.: Аврамец И. Поэтика новеллы Достоевского. Tartu, 2001. С. 106.

корыстолюбия, сколько сладострастия¹²⁰. Сдвиг в понимании новеллы произошел благодаря Роберту Джексону, усмотревшему в ней отражение библейского сюжета: дети — Адам и Ева; вуайер-рассказчик в цветочной беседке — змей; ЮМ — дьявол, который, пытаясь соблазнить девочку, обвиняет соперника в стремлении украсть плоды и изгоняет детей из рая¹²¹.

Избранный Джексонем ракурс плодотворен, и можно лишь подосадовать, что достоевскоеды, зовомые отечественными, продолжают твердить, что «у Достоевского нет произведений прямо на библейские сюжеты Ветхого Завета»¹²². Спорным, однако, представляется мнение Джексона о том, что ЮМ доверена роль дьявола. Скорее всё же Бога: как к Богу относится к ЮМ «Адаму», пытаясь спрятаться от него, и как Бог относится ЮМ к «Адаму», обрекая его на лишения. И, вождедея к Еве, предстает Богом кощунственных травестий¹²³.

Восходит заглавный образ и к фольклору: в свадебных песнях и причитаниях ель символизирует невесту. Елка, которую бойкие дети *разобрали всю вмиг*, и кукла, которую тихие дети *принялись наряжать*, предвосхищают образ невесты в затекстовом продолжении новеллы: наряженную, как кукла, юную красавицу лишат невинности и *разберут*, как елку (обдерут как липку).

Освоение новых реалий, а в 1840-х празднование РХ с елкой было в России новшеством, опирается на реликтовые прецеденты, и, подобно тому как первые поезда предстают реинкар-

¹²⁰ См.: Розанов В. Собр. соч. М., 1996. Т. 7. С. 24; Мочульский К. Достоевский: Жизнь и творчество. Paris, 1947. С. 77.

¹²¹ См.: Jackson R. Dialogues with Dostoevsky. Stanford, 1993. P. 94–103, 311.

¹²² Якубович И. Поэтика ветхозаветной цитаты и аллюзии у Достоевского // Достоевский: Материалы и исслед. 2005. Т. 17. С. 43.

¹²³ *Еврейский бог, угрюмый и ревнивый, Адамову подругу полюбя, Ее хранил для самого себя.*

нациями дракона, рождественская ель отбрасывает тень дерева познания.

Выгодами этого сближения воспользуются не раз. У Зоценко:

Моя сестренка Леля говорит:

— Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедем по одной пастилке.

И вот она подходит к елке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке. Я говорю:

— Леля, если ты съела пастилочку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к елке и откусываю маленький кусочек яблока. Леля говорит:

— Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе еще эту конфетку. <...> ...мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

— Леля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас двоих откусил это яблоко?

Леля сказала:

— Это Минькина работа.

Я дернул Лелю за косичку и сказал:

— Это меня Лелька научила.

Ср.: Адам сказал: жена, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел. Конфликт приводит к изгнанию... гостей, а впрочем, и к наказанию виновных.

Разрабатывается и тема елки как места-и-времени пробуждения чувственного интереса к сверстнице. Ср. пассажи из «Белеет парус одинокий»:

Сказать по правде, Петя уже любил на своем веку многих. Во-первых, он любил ту маленькую черненькую девочку — кажется, Верочку, — с которой познакомился в прошлом году на елке у одного

папиного сослуживца. Он любил ее весь вечер, сидел рядом с ней за столом, потом ползал впотьмах под затушенной елкой по полу, скользкому от нападавших иголок.

Он полюбил ее с первого взгляда и был в полном отчаянии, когда в половине девятого ее стали уводить домой. Он даже начал капризничать и хныкать, когда увидел, как все ее косички и бантики скрываются под капором и шубкой.

Он тут же мысленно поклялся любить ее до гроба и подарил ей на прощанье полученную с елки картонажную мандолину и четыре ореха: три золотых и один серебряный.

Однако прошло два дня, и от этой любви не осталось ничего, кроме горьких сожалений по поводу так безрассудно утраченной мандолины

и из «Подвига»:

...однажды повела десятилетнего Мартына к Зилановым на елку, и маленькая Соня была в белом платье с кружевцами и с широким шелковым кушаком на бедрах. Мартын же этого не помнил вовсе, елок было много, они мешались, и только одно было очень живо, ибо повторялось всегда: мать говорила, что пора домой, и засовывала пальцы за воротник его матроски, проверяя, не очень ли он потен от беготни, а он еще рвался куда-то с огромной золотой хлопушкой в руке, но хватка матери была ревнива.

Изгнание из рая происходит не после, а во время грехопадения — совсем как в стихотворении «Лилит»¹²⁴ и в сценах свидания 13-летнего Гумберта с Аннабель Ли[лит].

В «Других берегах» елка как таковая отсутствует, но упоминается в рассказе об одном из просветительских собраний с вол-

¹²⁴ Помянутые в этом стихотворении *пламя* и *булава* префигурируют огромную золотую хлопушку в «Подвиге».

шебным фонарем: подростки, для которых эти встречи устраиваются, привыкли видаться на детских балах и светских елках:

Слева от меня сидела десятилетняя непоседа с длинными бледно-золотистыми волосами и нежным цветом лица, напоминающим розовый оттенок раковин; она сидела так близко, что я чувствовал верхнюю косточку ее бедра и при каждом ее движении — она то теребила медальон, то продевала ладонь между затылком и дымом душистых волос, то со стуком соединяла колени под шуршащим шелком желтого чехла, просвечивающим сквозь кружево платья, и это возбуждало во мне ощущения, на которые Ленский не рассчитывал.

В «Speak, Memory» елочные декорации восстановлены:

The little girls in neat socks and pumps whom we and other little boys used to meet at dancing lessons or at Christmas Tree parties had all the enchantments, all the sweets and stars of the tree preserved in their flame-dotted iris, and they teased us, they glanced back, they delightfully participated in our vaguely festive dreams, but they belonged, those nymphets, to another class of creatures than the adolescent belles and large-hatted vamps for whom we actually yearned <...> The thing around my wrist, looking like a fancy napkin ring, made of semitranslucent, pale-green and pink, celluloidish stuff, is the fruit of a Christmas tree, which Onya, a pretty cousin, my coeval, gave me in St. Petersburg a few months before.

Последний рефлекс сюжета — в «Look at the Harlequins!»:

If I have described so often in my American novels <...> the unbearable magic of a girl's back, it is mainly because of my having loved Iris. Her compact little nates, the most agonizing, the fullest, and sweetest bloom of her puerile prettiness, were as yet unwrapped surprises under the Christmas tree.

KERNMOTIV

...куплю Льву Николаевичу мед, финики, чернослив особенный, груши и соленые грибы. Он любит иметь на окне запасы и есть финики и плоды просто с хлебом, когда голоден.

Из дневника жены

Поскольку материал говорит за себя сам, надо просто поменьше мешать ему.

Начнем с цепочки эпизодов в трех слоях мемуаров о детстве: (1а) — «Четыре эпохи развития», (1б) — первая редакция «Детства», (1в) — первая публикация «Детства».

В (1в) это эпизоды двух соседних глав. Зачин главы «Игры»:

Охота кончилась. В тени молодых березок был разостлан ковер, и на ковре кружком сидело всё общество. Буфетчик Гаврило, примяв около себя зеленую, сочную траву, перетирал тарелки и доставал из коробочка завернутые в листья сливы и персики.

Далее рассказывается об инсценировке детьми недавно прочитанной книги «Robinson Suisse», перевода популярного дидактико-приключенческого романа Висса «Der schweizerische Robinson». Старший брат не хочет участвовать в игре из-за обилия в ней условностей, и рассказчик недоумевает: *Ежели судить по-настоящему, то игры никакой не будет. А игры не будет, что ж тогда остается?..*

Ответ на этот вопрос дается в следующей главе — «Нечто вроде любви». Ее зачин:

Представляя, что она рвет с дерева какие-то американские фрукты, Любочка сорвала на одном листке огромной величины червяка, с ужасом бросила его на землю, подняла руки вверх и отскочила, как будто боясь, чтобы из него не брызнуло чего-нибудь. Игра прекратилась, мы все, головами вместе, припали к земле — смотреть эту редкость.

Затем описывается первое проявление чувственности:

Я смотрел через плечо Катеньки, которая старалась поднять червяка на листочке, подставляя ему его на дороге.

*Я заметил, что многие девочки имеют привычку подергивать плечами, стараясь этим движением привести спустившееся платье с открытой шеей на настоящее место. Еще помню, что Мими всегда сердилась за это движение и говорила: *C'est un geste de femme de chambre*. Нагнувшись над червяком, Катенька сделала это самое движение, и в то же время ветер поднял косыночку с ее беленькой шейки. Плечико во время этого движения было на два пальца от моих губ. Я смотрел уже не на червяка, смотрел-смотрел и изо всех сил поцеловал плечо Катеньки. Она не обернулась, но я заметил, что шейка ее и уши покраснели. Володя, не поднимая головы, презрительно сказал:*

— Что за нежности?

У меня же были слезы на глазах.

В (16) эпизод с плодами сопровождался признанием в испытываемом к ним вожделении:

Охота кончилась. В тени разостлан был ковер, на ковре сидели все кружком. Буфетчик Гаврило стоял перед коробочком на коленях и вынимал из него завернутые в листья груши и персики. — Чтобы получить известную часть этих лакомств, надо было в смиренной позе дожидаться, пока Гаврило развернет по одной каждую штучку, достанет тарелки, оботрет их, положит всё на них

и расставит всё симметрично на ковре, поправив еще несколько раз каждую тарелку, как будто произойдет какая-нибудь перемена во вкусе этих вещей, оттого что они будут стоять не на совсем равном расстоянии одна от другой. — Глядя на такого рода приготовления, я всегда негодовал на всех и был уверен, что это делается нарочно для того, чтобы меня дразнить — тем более что, ежели бы меня тогда допустили до коробочка, мне кажется, я с листьями съел бы всё, что там находилось,

а эпизод с поцелуем — признанием в аутоэротическом экспериментировании:

К<атенька>а даже не обернулась; но я заметил, что не только то место, в которое я целовал, но и вся шея ее покраснела. В<олод>я, не поднимая головы, презрительно сказал: «Что за нежности?» — и продолжал заниматься пресмыкающимся; у меня же были слезы на глазах от удовольствия и стыда.

Чувство этого удовольствия было для меня совершенно ново и напоминало только то наслаждение, которое я один раз испытал, глядя свою голую руку.

В (1а) рассказ об игре «в Робинзона» отсутствовал, а эпизоды с фруктами, гусеницей и поцелуем были сосредоточены в одном абзаце:

Охота кончилась. На ковре, в тени, сидели все кружком. Буфетчик Василий стоял на коленях и из коробочка вынимал завернутые в листья груши и персики. Так было жарко и хотелось есть, что, кажется, проглотил бы весь коробочек с Василием, а надо было дожидаться, пока Василий выложит всё на тарелки, расставит эти тарелки симметрично на ковре и когда после больших раздадут нам по одной штучке. Как ни долго ждали мы этого, однако дождались и тотчас побежали устроить

беседочку. Любочка нашла необыкновенной величины зелено-го червяка, все мы припали, головами вместе, к листочку, на котором сорвала его она и с ужасом бросила на землю. Юза решилась поднять его, подставив ему сухую травку на дороге, и, чтобы ловчее сделать это, она сделала движение плечом, за которое всегда сердилась Мими, говоря, que c'est un geste de femme de chambre. Платье с открытой шеей спускается ниже плеча, и, подымая и потом опуская как-то плечо, я часто видал, что девочки опять приводят платье на настоящее место. Юза, стоя на коленях и нагнувшись над червяком, сделала это самое движение. Я смотрел ей через плечо. В это самое время ветер поднял косыночку с ее беленькой, как снег, шеи. Я посмотрел на это голое плечико, которое было от моих губ на вершок, и припал к нему губами так сильно и долго, что, ежели бы Юза не отстранилась, я никогда бы не перестал. Юза покраснела и ничего не сказала. Володя презрительно сказал: «что за нежности?» и продолжал заниматься пресмыкающимся. У меня были слезы на глазах. Это было первое проявление сладострастия.

Эта цепочка эпизодов, наиболее плотная в (1а), являет собою вариацию на тему истории первородного греха, причем опознать библейский источник в верхнем слое, т. е. в (1в), затруднительно: отвеживание «женщиной» неизвестных плодов предстает элементом робинзонады (что сообщает сцене руссоистское измерение¹²⁵ вместо библейского), гусеница в отличие от (1а) и (1б) не именуется пресмыкающимся, а возникший в (1б) мотив познания собственной наготы опущен.

Тот, кому предположение о библейском субстрате (1) покажется несостоятельным, заметит, что во всех вариантах отсутствуют

¹²⁵ Роман Дефо, родоначальник робинзонад, назван в «Эмиле» единственным сочинением, отвечающим задаче естественного воспитания.

ключевые элементы сюжета — мотивы преступления и наказания. Однако у автора разработаны и они, причем многократно и разнообразно. В «ВиМ» — в беседе молодых Ростовых (2):

— Я еще маленькая была, так со мной это было. Помнишь, раз меня за сливы наказали, и вы все танцевали, а я сидела в классной и рыдала; никогда не забуду...

и в истории посещения кн. Андреем Лысых Гор (3):

...две девочки со сливами в подлогах, которые они нарвали с оранжерейных деревьев, бежали оттуда и наткнулись на князя Андрея. Увидав молодого барина, старшая девочка, с выразившимся на лице испугом, схватила за руку свою меньшую товарку и с ней вместе спряталась за березу, не успев подобрать рассыпавшиеся зеленые сливы.

Князь Андрей испуганно-поспешно отвернулся от них, боясь дать заметить им, что он их видел. Ему жалко стало эту хорошенькую испуганную девочку. Он боялся взглянуть на нее, но вместе с тем ему этого непреодолимо хотелось. Новое, отрадное и успокоительное чувство охватило его, когда он, глядя на этих девочек, понял существование других, совершенно чуждых ему и столь же законных человеческих интересов, как и те, которые занимали его. Эти девочки, очевидно, страстно желали одного — унести и доесть эти зеленые сливы и не быть пойманными, и князь Андрей желал с ними вместе успеха их предпрятию.

Барин застигает крестьян за кражей фруктов — сходство этой ситуации с историей грехопадения подчеркнуто в чеховском рассказе «За яблочки»: *Парень приподнялся, подпрыгнул, сорвал*

с дерева одно яблоко и подал его девке. Но парню и его девке, как и древле Адаму и Еве, не посчастливилось с этим яблочком — сцену наблюдает немилосердный помещик со своим «опричником». У Толстого, однако, ветхозаветный субстрат скрыт; в том же единственном случае, где он подступает к поверхности сколь угодно близко, а именно в «Косточке» (4):

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это не хорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и кто не умеет их есть и проглотит косточку, тот через день умрет»,

заметить его способен лишь очень зоркий читатель: «слива как плод с древа познания добра и зла <...> вердикт один — изгнание из рая, то есть смертность»¹²⁶.

Итак, в цепочке эпизодов (1) мотив преступления если и присутствует, то латентно — как чувство протеста против правил, а мотив наказания, естественно, отсутствует. В (2–4) наличествуют оба мотива, но если в (4) отец наказывает сына, то в (2–3) наказанию «за сливы» подвергаются (или от него освобождаются) женские персонажи.

Иначе распределены роли в «Карениной»: фрукты без спросу берет сын, а наказать его должна мать. В ранней редакции наказание осуществляется (5а):

...m-lle Cordon объявила, что она не может оставаться в доме... если Сережа будет так же indiscipliné. С трудом поняв, что дело в том, что Сережа был непослушен и impertinent, il raisonne, il vient de manger — съел тайно два персика, Анна постаралась успокоить m-lle Cordon и подозвала сына. Она сделала ему

¹²⁶ Руднев В. Шизофренический дискурс // Логос. 1999. № 14.

выговор, успокоила m-lle Cordon, подтвердила положенное ею наказание <...>

— Нет, я нынче не пойду гулять, — сказала она Сереже (это было обычное время гулянья ее с сыном, во время которого она отпускала гувернантку), — за то, что ты дурно вел себя.

В окончательной редакции осудить сына не позволяет «да не судимы будете» (56):

— Сережа? Что Сережа? — оживляясь вдруг, спросила Анна, вспомнив в первый раз за всё утро о существовании своего сына.

— Он провинился, кажется, — отвечала, улыбаясь, Аннушка.

— Как провинился?

— Персики у вас лежали в угольной; так, кажется, они потихонечку один скушали. <...>

Гувернантка, поздоровавшись, длинно и определительно стала рассказывать проступок, сделанный Сережей, но Анна не слушала ее; она думала о том, возьмет ли она ее с собою. «Нет, не возьму, — решила она. — Я уеду одна, с сыном».

— Да, это очень дурно, — сказала Анна и, взяв сына за плечо, не строгим, а робким взглядом, смутившим и обрадовавшим мальчика, посмотрела на него и поцеловала. — Оставьте его со мной, — сказала она удивленной гувернантке и, не выпуская руки сына, села за приготовленный с кофеем стол.

— Мама! Я... я... не... — сказал он, стараясь понять по ее выражению, что ожидает его за персик.

— Сережа, — сказала она, как только гувернантка вышла из комнаты, — это дурно, но ты не будешь больше делать этого?.. Ты любишь меня?

Она чувствовала, что слезы выступают ей на глаза. «Разве я могу не любить его? — говорила она себе, вникая в его испуганный и вместе обрадованный взгляд. — И неужели он будет заодно с отцом, чтобы казнить меня? Неужели не пожалеет меня?»

То казня, то милуя героев за одни и те же проступки, автор словно колеблется между двумя интенциями: воспроизвести прошлое в неотредактированном виде или опустить фрустрирующие развязки.

Фигура матери, смягчающей наказание, возникает и в «Смерти Ивана Ильича» (6):

Одна за другой ему представлялись картины его прошедшего. Начиналось всегда с ближайшего по времени и сводилось к самому отдаленному, к детству, и на нем останавливалось. Вспоминал ли Иван Ильич о вареном черносливе, который ему предлагали есть нынче, он вспоминал о сыром сморщенном французском черносливе в детстве, об особенном вкусе его и обилии слюны, когда дело доходило до косточки, и рядом с этим воспоминанием вкуса возникал целый ряд воспоминаний того времени: няня, брат, игрушки. «Не надо об этом... слишком больно», — говорил себе Иван Ильич и опять переносился в настоящее. Пуговица на спинке дивана и морщины сафьяна. «Сафьян дорог, непрочен; ссора была из-за него. Но сафьян другой был, и другая ссора, когда мы разорвали портфель у отца и нас наказали, а мама принесла пирожки». И опять останавливалось на детстве, и опять Ивану Ильичу было больно, и он старался отогнать и думать о другом.

Ассоциации, которые вызывает у умирающего вид сморщенного сафьяна, болезненны из-за травмы, нанесенной психике ребенка отцовским наказанием. Но отчего неприятны и воспоминания, возбуждаемые вкусом чернослива¹²⁷? Не оттого ли, что некогда Ваня, нарушив запрет, узнал, что так же смертен, как Кай? Вероятным это предположение делают и рассмотренные

¹²⁷ Впрочем, эти воспоминания называют и «отрадными» (см.: Опульская Л. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1886 по 1892 г. М., 1979. С. 12).

выше ситуации, в особенности (4), и следующее место в поздних воспоминаниях (7):

...когда оказалась похищенной одна слива с тарелки и не могли найти виновного, Федор Иванович с серьезным видом, не глядя на нас, сказал: что съел — это ничего, а если косточку проглотил, то может умереть.

Дунечка не вытерпела этого страха и сказала, что косточку она выплюнула. Еще помню ее отчаянные слезы, когда они с братом Митенькой затеяли игру, состоящую в том, чтобы плевать друг другу в рот маленькую медную цепочку, и она так сильно плюнула, а Митенька так широко раскрыл рот, что проглотил цепочку. Она плакала безутешно, пока не приехал доктор и не успокоил всех.

Она была не умная, но хорошая, простая девочка, а главное, до такой степени целомудренная, что между нами, мальчиками, и ею никогда не было никаких других, кроме братских отношений. <...>

Когда с ним случилось, что он проглотил цепочку, он, сколько помню, не особенно беспокоился о последствиях этого, тогда как про себя помню, какой я испытал ужас, когда проглотил косточку французского чернослива, который дала мне тетенька, и как я торжественно, как бы перед смертью, объявил ей об этом несчастье.

Здесь в первый и в последний раз за полувековую историю интимизации автором библейского сюжета мотив знакомства подростков с чувством страха смерти соседствует с мотивом пробуждения чувственности. Нет нужды, что наличие последней мемуарист отрицает — читатели располагают его признанием, сделанным в «Детстве».

Kernmotiv Толстого получит отражение в «Перед восходом солнца» (рассказ «Я больше не буду») и в «Лолите» — в сцене, где

знакомству с героиней, которое вот-вот состоится в саду, предполо-
слан осмотр героем дома, и мельком он замечает *стол из красного
дерева с фруктовой вазой посередке, ничего не содержавшей,
кроме одной, еще блестящей, сливовой косточки*¹²⁸.

ЛАМАРК

сотворил господь микроба
чтобы мы смотрели в оба

жемчужина —
м уж
ч и
же на?

динозавры вымерли
словно всех их вымели
чтоб других не выели
и в ночи не были
вытянувши выи

¹²⁸ Указано Юрием Левингом.

дрых всю ночьку динозавр
а на зорьке розовой
поразмяться вылезал
из глубока озера

тополя узлом вязал
он без напряжения
и зазнобу зычно звал
ради размножения

но напрасно головой
тряс своею плоскою
для любви половой
был период роковой
был период меловой
эры мезозойския

как ни крупны слоны
а не видны с луны

о как храбр
кроха краб
хоть и брякается
а барахтается
и карабкается

вместо шеи у ужей
хвост до самых до ушей

колючки Ё и иглы Ж
всё говорило о еже

шагал качаясь караван
за дромАдером бАктриАн

коли сборет
слон кита
будет в море
пустота

сборет коли
кит слона
будет в поле
тишина

даже угодив в вивариум
был никем не перевариваем

Когда бы мы язык комарий разумели,
То, чаю бы, вестей с три короба имели.

Михаил Херасков

В леденящей кровь новелле Эдгара По «The Tell-Tale Heart» убийца прячет тело своей жертвы под половицами и, беседа с полицией, не теряет самообладания, но вдруг слышит, как бьется! сердце! убитого! всё громче! громче! — и сознается в содеянном. Полагают, что речь идет о тиканье, которое издает древоточец и которое, согласно суеверию, предвещает скорую кончину кому-то из живущих в доме¹²⁹.

Эта примета, распространенная в Европе, за вычетом, впрочем, почти всего славянского ареала¹³⁰, питает с XVII в. книжную поэзию. Она обыграна, например, у Китса в «Эндимионе»: *...within ye hear No sound so loud as when on curtain'd bier The death-watch tick is stifled* и в «Оде <к> меланхолии»: *Make not your rosary of yew-berries, Nor let the beetle, nor the death-moth be Your mournful Psyche*. Насекомые из второго примера — жук (должно быть, -точильщик) и бабочка «мертвая голова» — особенно эффектно смотрятся в немецком переводе: *Totenuhr und Totenkopf*. Русские

¹²⁹ См.: Reilly J. The Lesser Death-Watch and «The Tell-Tale Heart» // The Amer. Transcendental Quarterly. 1969. No. 2. P. 3–9.

¹³⁰ Зафиксирована только в нижнелужицком регионе (см.: Гура А. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 503). Другие славяне ее не знали, возможно, из-за более позднего проникновения часов в крестьянский быт.

же переводчики либо принимают непонятого жука за хруща, моль, скарабея, либо не замечают его вовсе, оставляя в тексте одну бабочку. Чего, переводя он эту оду, нипочем не сделал бы Бальмонт — первым из русских авторов оценивший ресурсы образа древоточца как предвестника смерти: *А бодрый, как могильщик, Во мне тревожа мрак, В стене жучок-точильщик Твердил: «Тик-так. Тик-так». Равня звуки точкам, Началу всех начал, Он тонким молоточком*¹³¹ *Стучал, стучал, стучал.*

Dehmel

*Laut tickte durch die schwüle Stube,
wie durch die stille Totengrube
der Holzwurm ticken mag, die Uhr.*

Шенгели

*Мечтается столовая большая,
Часов стеклянный гроб,
где древоточец
Отмеривает время.*

Описание вечности: *одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, а по всем углам пауки, и вот и вся вечность* напоминает «Die Spinne» Геллерта: Паук похвально, что трудится для вечности: *Ich webe für die Ewigkeit!* — и тут же его «вместе с вечностью» сметают с грязных стен¹³².

¹³¹ «Totenhammer» — еще одно (помимо «Totenuhr») народное название тикающего древоточца.

¹³² *Doch kaum erteilte sie den trotzigen Bescheid, So reißt die Magd mit Borsten in den Händen Von den noch nicht geputzten Wänden Die Spinne nebst der Ewigkeit.*

Гаман и Ницше сравнивали Спинозу с пауком — за его арахнофилию и из-за переклички имени со Spinne. Сам Спиноза подчеркивал другую перекличку: на его печати изображена роза и начертано «caute» — начало предостережения «caute quia spinosa». Не отсюда ли характеристика паучьих глаз как колючих в притче Кржижановского «Спиноза и паук»?

Мнений, почему *лимбургский сыр* назван в «Онегине» *живым*, собственно, четыре: «покрытый слоем „живой пыли“, образуемой микробами»¹³³; «очень мягок и при разрезании растекается»¹³⁴; «речь идет о так называемых сырных червячках»¹³⁵; «Пушкин под словом *живой* имел в виду вовсе не каких-то червей, как все вы, интеллигенты неисправимые, при этом думаете. А имел в виду — запах. Русский язык надо знать. Живой дух = русский дух — это и есть вонь. Для нач. XIX в. (конца XVIII в.) — это нормальное восприятие слова *живой*. А не черви! Червей выдумал лишь человек нач. XX в. (конца XIX в.)»¹³⁶. Кто прав, легко установить, обратившись к «Вечеру на Кавказских водах в 1824 году»: *Привидения всегда заводятся в темноте, как червячки в лимбургском сыре.*

¹³³ Слов. языка Пушкина. М., 1956. Т. 1. С. 790.

¹³⁴ Лотман Ю. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментар. Л., 1983. С. 143.

¹³⁵ Безродный М. Из комментария к драме Блока «Незнакомка» // Блок. сб. 1989. Вып. 9. С. 64.

¹³⁶ В. Похлебкин — С. Бэлза 21.08.1998 // Онег. энцикл. М., 2004. Т. 2. С. 566.

Наступишь на бабочку — пожнешь бурю¹³⁷.

В Тулу со своими блохами.

И жучку, и червячку. И цыпленочку.

Пожилой ученый изобретает препарат, уменьшающий живые организмы, и вместе с мальчиком и девочкой путешествует по миру насекомых. С этим сюжетом покупают две детские книжки 1930-х¹³⁸.

кабы я был насеком
скажем долгоносиком

¹³⁷ Авторство открытия эффекта бабочки приписывают Эдварду Лоренцу, выступившему в 1972 с докладом «Predictability: Does the Flap of a Butterfly's Wings in Brazil set off a Tornado in Texas?». А между тем советский поэт Пастернак еще в 1924 опубликовал стихотворение «Бабочка-буря». Дело известное: «...западные историки не останавливаются перед прямой фальсификацией истории науки и техники, лишь бы скрыть, замолчать бесспорный приоритет русской науки во многих основных областях знания» (Болховитинов В. и др. Рассказы о русском первенстве. М., 1950. С. 7).

¹³⁸ («Необыкновенные приключения Карика и Вали» + «Doktor Kleinermascher führt die Welt») (

я летал бы косяком
и гулял бы босиком
по лугам и просекам

зимою кома летом амок
и жажде корма нету рамок
пока прозрачная корма
вся не становится мокра

тараканы с пропиской в калуге
ноги в руки и двинулись в брюгге
но еще на пороге
руки стерли и ноги
и остались по месту прописки¹³⁹

¹³⁹ по мотивам:

Die Ameisen

*In Hamburg lebten zwei Ameisen
Die wollten nach Australien reisen.
Bei Altona auf der Chaussee
Da taten ihnen die Beine weh,
Und da verzichteten sie weise
Dann auf den letzten Teil der Reise.*

*So will man oft und kann doch nicht
Und leistet dann recht gern Verzicht.*

Joachim Ringelnatz

ηарча

похож немного
на носорога
и на жука
слегка

ПАПАГЕНО

Стих *Какие перушки! какой носок!* склеен из чужих полустижий: *Какие перушки! Куды как он пригож!* Хемницера и *Какие ноженьки, какой носок!* Сумарокова¹⁴⁰. Центонность сообщает тексту, открывающему канонический свод крыловских басен, статус оммага предшественникам.

«Стихотворцы наши порывались выразить на русском языке разнообразные переливы соловьиной песни, пока наконец Крылов не решил задачи», — отмечал Грот¹⁴¹, имея в виду описание:

*Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.*

¹⁴⁰ Вторая цитата опознана в: Фомичев С. Последний русский баснописец // XVIII в. 1996. Сб. 20. С. 268.

¹⁴¹ Грот Я. Комментарий. // Державин Г. Соч. СПб., 1864. Т. 1. С. 696.

Прецедентом Грот считал «Соловья» М. Попова¹⁴²:

*Урчал, дробил, визжал, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косо вдруг, вдруг томно, нежно, звонко,
Стенал, хрипел, щелкал, скрипел, тянул, вилял,
И разностью такой людей и птиц пленял.*

Виноградов усмотрел в басне «Осел и Соловей» соединение карамзинской и державинской традиций изображения соловьиного пения. Прочитировав «Соловья» Карамзина: *Какое чудное искусство! Сперва как дальняя свирель Петь тихо, нежно начинаешь* и далее, Виноградов пишет: «Крылов включает в свой стиль и карамзинское слово *искусство*, и сравнение с дальней свирелью. С карамзинским же стилем перекликаются стихи: *То нежно он ослабевал И томной вдалеке свирелью отдавался*. Но Крылов сохраняет и <...> принятые Державиным глаголы *защелкал, засвистал*. Он применяет употребленный М. Поповым глагол *тянул*, вводит глагол *переливался* (ср. у Державина *перекаты*; у Державина и Карамзина также *журчишь*). Кроме того, встречающийся у Ломоносова, Попова, Чернявского и других глагол *дробить* для обозначения одного из ладов соловьиного пения у Крылова заменен поэтическим образом: *То мелкой дробью вдруг по рощам рассыпался*»¹⁴³.

В число источников «Осла и Соловья» следует включить «Соловья во сне», где: *То звучал, то отдавался, То стенал, то усмехался* — именно с этим местом (а не с «карамзинским стилем») перекликаются у Крылова и глагол *отдавался*, и сама конструкция с повторяющимся союзом *то ... то ...*

¹⁴² Там же. 1869. Т. 2. С. 456.

¹⁴³ Виноградов В. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 171.

Влияние Попова на Крылова не исчерпывается сходством в приемах имитации соловьиного пения — вызванный им эффект описывается также похоже. Едва воздав певцу должное:

Попов

*И говорил: «Куда как ты поешь
изрядно!
Не могут птички всё наслушаться
тебя»*

Крылов

*«Изрядно, — говорит, — сказать
неложно,
Тебя без скуки слушать можно»*

слушатель приступает к критике.

Стихотворение Попова было вольным переводом басни Геллерта «Die Nachtigall und die Lerche». Развернутое описание эффекта, производимого соловьиным пением, Попов заменил изображением этого последнего. У Крылова же описаны как пение, так и реакция на него, и если в первом случае он ориентировался на Попова и других русских авторов, то во втором — на самого Геллерта:

<i>Die Nachtigall sang einst mit vieler Kunst;</i>	<i>Тут Соловей являть свое искусство стал:</i>
<i>Ihr Lied erwarb der ganzen Gegend Gunst;</i>	<i>...</i>
<i>Die Blätter in den Gipfeln schwiegen</i>	<i>Внимало всё тогда</i>
<i>Und fühlten ein geheim Vergnügen.</i>	<i>Любимцу и певцу Авроры;</i>
<i>Der Vögel Chor vergaß der Ruh'</i>	<i>Затихли ветерки, замолкли</i>
<i>Und hörte Philomelen zu.</i>	<i>птичек хоры...¹⁴⁴</i>
<i>Aurora selbst verzog am Horizonte, Weil sie die Sängerin nicht g'nug bewundern konnte.</i>	

¹⁴⁴ Предположение о влиянии подтверждается и звуковой перекличкой с Геллертовым *Die Nachtigall sang einst mit vieler Kunst* у Попова: *Свистал*

Басенное противопоставление соловья безблагодатным конкурентам и неблагодарным слушателям интериоризирует Блок: соловей и осел — полюса наслаждения и долга. И снимет Пастернак: поэзия — состязание равных, *двух соловьев поединок*. Запечатленное в *Тут Соловей являют свое искусство стал* артикуляционное сопереживание соловьиному свисту повторится в *Неистовствовал соловей*¹⁴⁵.

«Gåseurten» Андерсена — история любви маргаритки и жаворонка. Перелагая ее амфибрахием, Трефолев заменил жаворонка соловьем¹⁴⁶. Не была ли его «Маргаритка» известна Пастернаку, автору «Маргариты»? У Трефолева попавший в клетку соловей *бьется в тоске бесполезной*, у Пастернака — *разрывая кусты на себе, как силок <...> бился, щелкал, царил и сиял* (где бился — и наталкивался на препятствие, и пел¹⁴⁷).

Движение, которым ворон утвердился на бюсте Паллады:
Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door — Perched,

на кустике когда-то Соловей и у Крылова: Тут Соловей являют свое искусство стал.

¹⁴⁵ Гибрид *Насвистывает соловей* (Крылов) и *Неистовствовал Водолей* (Лившиц).

¹⁴⁶ См.: Трефолев Л. Маргаритка: Сказка-поэма: (Из Андерсена) // Наблюдатель. 1885. № 1. С. 370–374. В более известном пер. А. Ганзен жаворонок сохранен, зато из *gåseurten* получилась ромашка.

¹⁴⁷ Другие русские аналоги орнитона «schlagen»: *Чиж стал скакать по клетке и забился* (Майков); *Бьет перепел в росе полей* (Бунин); *Соловей ударил дудкой <...> На березе зяблик бьет* (Багрицкий); *И был соловей, живой соловей, Он бил о таком и об этом* (Асеев).

and sat, and nothing more, в переводах передается при помощи *сел, пересел, оседлал, садится, усевшись, вспорхнул и сел, взлетел и сел, взмыл и сел*. И только Андреевскому удалось добиться крыловской живописности: *На бюст Паллады взгромоздясь, На нем удобно поместясь*¹⁴⁸.

Бальмонтово: *На льдине холодной Плыву я один. Угрюмый, свободный, Среди царственных льдин* повторяет отождествление свободы с угрюмым одиночеством¹⁴⁹. И напоминает монолог пингвина¹⁵⁰.

У Горького пингвин — сосед гагары («Песня о Буревестнике»), у Клюева — гаги («Пора лебединого отлета...» и «Песнь о Великой Матери»), у Набокова — моржа («Карлик безрукий во фраке...»¹⁵¹). Или взять Грина, этого вечного г-на Чечевицына, угрюмого

¹⁴⁸ Между тем, в отзывах о переводе Андреевского эти строки приводят как пример «резкого снижения стиля» оригинала «прозаизацией и даже вульгаризацией лексики» (Федоров А. Звуковая форма стихотворного перевода // Поэтика. Л., 1928. [Вып.] 4. С. 68) и добавления отсутствующих в оригинале «живописных подробностей» (Чередниченко В. «Ворон» Эдгара По // По Э. Ворон. М., 2009. С. 200).

¹⁴⁹ *Услышишь суд глупца и смех толпы холодной: Но ты останься тверд, спокоен и угрюм. Ты царь: живи один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум.*

¹⁵⁰ Ср. уподобление поэта пингвину в «Льдине» Елагина.

¹⁵¹ Надо полагать, результат чтения «*Vingt mille lieues sous les mers*», где упоминаются некие антарктические моржи, *plus tranquilles et moins craintifs que leurs congénères du nord*.

мстителя миру взрослых. В его Африке («Сокровище африканских гор») плавают черные лебеди, порхают колибри, а гиппопотамы идут на водопой¹⁵².

Соколов-Микитов

Мы оставили шлюпку на берегу у амбара, крыша которого была сплошь обложена тушками убитых птиц, предназначенными для корма собакам, а на стенках, мездрю наружу, были распялены блестящие жиром шкуры тюленей. <...> На вытоптанном собаками и людьми берегу по колено в воде бродили два маленьких ненчонка. В своих меховых костюмах с растопыренными глухими рукавами они удивительно были похожи на пингвинов.

Каверин

Я стоял у амбара, крыша которого была обложена тушками убитых птиц, а на стенах распялены шкуры тюленей. Два маленьких ненца, похожих на пингвинов в своих меховых костюмах с глухими рукавами, играли на берегу.

Что у Чуковского уточки *заквакали*, не странно: так ведут себя не только немецкие утки («крякать» — quaken), но и отдельные русские — те, скажем, что упомянуты в «Пане Халявском»

¹⁵² Ср. у Бенитцкого (перевод басни Федра «Canes et Corcodilli»): *Пришел к реке напиться Крокодил* (указано Алексеем Балакиным).

и «Сказках Кота Мурлыки»¹⁵³. Удивительно другое: отчего у Крученых лягушки за озером крякали.

О вертикали 'дева — лебедь — озеро' у Коневского:

*Дева пустынной изложины,
Лебедь высот голубых,
Озеро! Век не встревожено
Дремлешь ты: праздник твой тих*

вспомнит его последователь¹⁵⁴:

*О, лебедиво!
О, озари!*

где *лебедиво* — либо лебедь-диво¹⁵⁵, либо лебедь-дева¹⁵⁶, а *озари* — аналог *озера* или как минимум рифма к нему¹⁵⁷.

В «Сегодня можно снять декалькомани...» строения кремля уподоблены голубятням, а город в целом — корпусу фортепиано,

¹⁵³ Ср. также: «Приметя, что гусь повторяет слог *го*, утка слог *ква* <...> сделали из того глаголы и стали говорить: гусь *гогочет*, утка *квакает*...» (Шишков А. Собр. соч. и пер. СПб., 1825. Ч. IV. С. 344).

¹⁵⁴ «Хлебников шел во многом от таких символистов, как Коневской...» (Саянов В. Очерки по истории русской поэзии XX в. М., 1929. С. 96).

¹⁵⁵ И тогда перевод *О, swanderful!* (найден в www; авторство не установлено) безупречен.

¹⁵⁶ См.: Шенкман Я. Будетляне, египтяне и хвост // НГ Ex Libris. 2004. № 275.

¹⁵⁷ Ср. его же: *Явились вы, как лебедь в озере <...> И не сумел прочесть письмо зари.*

наполненному птичьим гулом: *Рояль Москвы слышали? Гули-гули!* Деревянному коробу старой Москвы¹⁵⁸ противопоставлены бездушные конструкции будущего: *В стеклянные дворцы на курьих ножках Я даже тенью легкой не войду.*

Комментарий Н. Мандельштам: «„Новое“ представилось ему в виде <...> „стеклянных дворцов“ — несомненной реминисценции „хрустального дворца“ Достоевского плюс отвратительно построенный дом на Мясницкой, сделанный по замыслу Ле Корбюзье. Столбы — курьи ножки»¹⁵⁹. Иначе говоря, в образе *стеклянные дворцы на курьих ножках* соединены черты (1) лондонского Crystal Palace, описанного в четвертом сне Веры Павловны как прообраз архитектуры социалистического завтра и высмеянного в «Записках из подполья» как скучный итог утилитаристских стремлений к общему благу; (2) московского Дома Центрсоюза, недавно начатого строительством; (3) избушки на курьих ножках, служащей в славянском фольклоре воротами в царство мертвых. При этом (2) как сооружение с обширными стеклянными поверхностями и стоящее на открытых колоннах ассоциируется и с (1), и с (3).

Другой комментарий: «Речь идет о стиле московских построек [следует отсылка к комментарию Н. Мандельштам]; „курьи ножки“ — намек на обиталище бабы-яги русских сказок»¹⁶⁰ неудачен. Стиль (2), во всех отношениях новаторский, объявлен типовым, и получается, будто лирический герой Мандельштама отказывается жить не в светлом будущем, а в современной Москве. Связь между (2) и (3) пропала, а сведения о (1) комментатор опустил. Почему? То ли не сообразил, какое из произведе-

¹⁵⁸ Ср.: *Спит Москва, как деревянный ларь.*

¹⁵⁹ Мандельштам Н. Книга третья. Paris, 1987. С. 166.

¹⁶⁰ Мец А. Комментар. // Мандельштам О. ПССиП. М., 2009. Т. 1. С. 605.

ний Достоевского имела в виду Н. Мандельштам, то ли не счел ее наблюдение заслуживающим внимания.

А оно, между тем, весьма дельное и может быть подкреплено указанием на 'птичий' контекст образа хрустального дворца в «Записках из подполья», возникающий уже при первом упоминании о дворце, в гл. 7: *Тогда выстроится хрустальный дворец. Тогда... Ну, одним словом, тогда прилетит птица Каган.* А в гл. 10 образ дворца вовлекается в развернутое со- и противопоставление с образом курятника, которое префигурирует мандельштамовский оксюморон *дворцы на курьих ножках*:

Вы верите в хрустальное здание, навеки нерушимое, то есть в такое, которому нельзя будет ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать. Ну, а я, может быть, потому-то и боюсь этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой языка ему выставить.

Вот видите ли: если вместо дворца будет курятник и пойдет дождь, я, может быть, и влезу в курятник, чтоб не замочиться, но всё-таки курятника не приму за дворец из благодарности, что он меня от дождя сохранил. Вы смеетесь, вы даже говорите, что в этом случае курятник и хоромы — всё равно. Да, — отвечаю я, — если б надо было жить только для того, чтоб не замочиться.

Но что же делать, если я забрал себе в голову, что живут и не для одного этого и что если уж жить, так уж жить в хоромах. Это мое хотение, это желание мое. Вы его выскоблите из меня только тогда, когда перемените желания мои. Ну, перемените, прельстите меня другим, дайте мне другой идеал. А покамест я уж не приму курятника за дворец.

Дом Центросоюза оказывается во всем подобен Crystal Palace, и не войду лирического героя Мандельштама вторит не приму подпольного человека Достоевского.

PS:

«Сегодня можно снять декалькомани...» было начато в июле 1931, а в июне того же года в Мюнхене сгорел Glaspalast, построенный в подражание Crystal Palace.

В 1935 будет закончен строительством Дом Центросоюза и «Архитектурная газета» назовет его «домом на курьих ножках»¹⁶¹.

В 1936 сгорит дотла Crystal Palace.

Стогны встречаются у Мандельштама в двух стихотворениях, соседних по времени создания и написанных «очень редким»¹⁶² размером: (1) «Когда ты уходишь, и тело лишится души...» (версия «За то, что я руки твои...») и (2) «Когда городская выходит на стогны луна...».

В (1) упомянуты *иволга* и *ласточка*, в (2) — *кукушка*. М. Гаспаров считает, что толчком к превращению (1) в богатое античными мотивами «За то, что я руки твои...» стал образ иволги, которая «давно связывалась для Мандельштама с Грецией и Гомером», а в (2) ее сменила кукушка из «Слова о полку»¹⁶³.

Представляется, что в (1):

*Последней звезды безболезненно гаснет укол,
Как серая ласточка, утро в окно постучится,*

¹⁶¹ Марков Н. За оригинальной внешностью // Архит. газ. 1935. 24 янв. С. 4 (цит. по: Паперный В. Культура Два. М., 1996. С. 68).

¹⁶² Гаспаров М. Избр. ст. М., 1995. С. 218.

¹⁶³ Там же. С. 217.

*И медленный день, как в соломе проснувшийся вол,
На стогах, шершавых от долгого сна, шевелится*

соседство образа ласточки со словами **окно**, **проснувшимся** и **стогах** шифрует имя Прокна / Прогна¹⁶⁴.

Свой след эта героиня оставляет и в (2) — как *стогами*, так и образом башни: *И плачет кукушка на каменной башне своей* — невозможным для кукушки и обычным для ласточки местом гнездования; ср. у Батюшкова: *Когда-то Прогна залетела От башен городских, обители своей...*

rara avis in terris, nigroque simillima cygno
Decimus Iunius Iuvenalis

Павлов, герой «Черных лебедей» Газданова, сродни «идейным самоубийцам» Достоевского (и говоря: *В сущности, я уезжаю в Австралию*, он цитирует Свидригайлова)¹⁶⁵, а свободой от иллюзий, редкой физической силой и выносливостью напоминает «особенных людей» Тургенева и Чернышевского.

Жизненное его время измеряется фабричными гудками (*до первого фабричного гудка остается всего четыре часа*), а услышать он мечтает крик черных лебедей: — *Черные лебеди!* — *потворил он.* — *Когда наступает период любви, лебеди начинают*

¹⁶⁴ Оно же мерцает в «Ласточке» в глаголе *прокинется* (см.: Ошеров С. «Tristia» Мандельштама и античная культура [доклад 1982] // Мандельштам и античность. М., 1995. С. 200; Ронен О. Два полюса параномазии // Russian Verse Theory. Columbus, 1989. P. 293).

¹⁶⁵ См.: Кибальник С. Гайто Газданов и экзистенциальная традиция в русской литературе. СПб., 2011. С. 151–159.

кричать. Крик им труден; и для того, чтобы издать более сильный и чистый звук, лебедь кладет шею на воду во всю длину и потом поднимает голову и кричит. На внутренних озерах Австралии! Эти слова для меня лучше музыки.

Источником противопоставления фабричного гудка лебедьному крику явилось стихотворение Бальмонта «Черный лебедь», рисующее исчезновение мира черных под натиском цивилизации белых: *Австралийский черный лебедь на волне, Словно в сказке на картинке, виден мне. <...> Громче пенья птиц на фабрике гудок. <...> Вся и музыка у белого — гудок. <...> Обездолили весь край своей гурьбой. Черный лебедь, песнь прощальную пропой.*

Тело Павлова с запиской: *Матери я написал, что уехал в Австралию находят в Булонском лесу недалеко от большого озера — вероятно, lac Inférieur (ср. австралийские lacs intérieurs).* Так в истории «особенного человека», замороженного черными лебедями из страны антиподов, мифология заокеанья как загробного мира сливается с сюжетом о воссоединении гадкого утенка с себе подобными.

Когда был обнаружен ранний вариант михалковского гимна, строка *Российский орел совершает полет* вызвала приступ веселья: нешто двуглавые летают! Прецеденты, однако, имеются: *Выше и выше лети ко солнцу, орел ты Российской* (Радищев); *Подъялся наш орел двуглавый* (Пушкин); *Там, где парил орел двуглавый* (Баратынский); *Зато как высоко взлетел орел двуглавый!* (Апухтин); *С полуночной скалы взлетал в седой эфир Орел двуглавый* (Брюсов).

На то, что эта строчка — реминисценция «Кантаты о Сталине»: *Где вольный орел совершает полет*, внимания не обратили.

В к/ф «Доживем до понедельника» на уроке английского по классу летает ворона, усаживаясь то на карниз для штор, то на бюст Паллады портрет Ломоносова, а когда ее наконец ловят, накинув на нее тряпку, учительница выбрасывает ее в окно прямо в тряпке.

В романе «Tinker Tailor Soldier Spy» на уроке французского из камина вываливается сова, учитель выносит ее из класса и убивает. В экранизации романа сова летает по классу и учитель убивает ее на глазах у учеников.

Некрасов

Чуковский

*Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!*

*Злая-злая, нехорошая змея
Молодого укусила воробья.
(Больно воробышку, больно!)*

*Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!*

*Захотел он улететь, да не мог,
И заплакал и упал на песок.
(Больно воробышку, больно!)*

Шершеневич

Окуджава

*Ты охотилась звонким гремяем
труб,
И слетел с языка мой сокол послушный
На вабило твоих покрасневших губ.*

*Еще неясный голос труб,
Слова, как ястребы ночные,
Срываются с горячих губ.*

Летящего журавля можно провожать взглядом, исполненным светлой печали, а вот что с синицей в руке прикажете делать?

А пингвинам и не нужно уметь летать: они и так южнее некуда.

ревнивым взором птичий двор
следит за петушком
пока он делает пробор
лужайке гребешком

она же ждет когда дурак
отправится домой
и снова носит травку так
как нравится самой¹⁶⁶

¹⁶⁶ по мотивам:

*Der Hahn hat einen Kamm,
mit dem er sich nicht kämmen kann.*

*Kamm hin, Kamm her — der Hahn ist eitel
und kämmt der Wiese einen Scheitel.*

*Die hält, wenn sie der Hahn kämmt, still
und trägt das Gras dann, wie sie will.*

Reiner Kunze

и филомела
осоловела

НЕ ТОЙ ПОРОДЫ

*Дома у себя нашел я корректуру
«Каштанки». Аллах, что за рисунки!
<...> бульдог вместо такса...*

Чехов — Суворину

*Волки были вдали целую стаей. И самый лай собачий был как-то
страшен*

— разнообразие ударных имитирует переливы воя, однообразие — отрывистость лая.

Простолюдин не отличает легавую от сторожевой. *Не укусит она?* — спрашивает крестьянин у охотников, имея в виду левинскую Ласку или стивиноного Крака, и обе они кажутся *страшными и огромными* крестьянскому сыну. Крестьянские дети боятся Фингала, пока тот не начинает по команде хозяина *выкидывать штуки*. Лиза пугается неожиданно выскочившего на нее и залавшего Сбогара, тут же приходит в себя, но, вспомнив, что она Акулина, разыгрывает испуг.

Я вспомнил про Фауста и его бульдога <...> Мне бы следовало приласкать его, но фаустовский бульдог не выходил из моей головы.

Деликатный комментарий: «...фаустовский бульдог... — Фауста, героя одноименной драматической поэмы Гете, преследовал образ черной собаки, оставлявшей след пламени после себя и заключавшей в себе дух Мефистофеля»¹⁶⁷.

Черной, понимаете ли, собаки. Неустановленной породы.

*Я хранилище мысли моей
Утаю от людей и зверей*

— а что за зверей, расскажет дневник: *...я вновь решил таить на земле от людей и зверей (Крабб) хранилище моей мысли...* Крабб — кличка толстой и добродушной таксы¹⁶⁸, принадлежавшей матери поэта, но откуда взялась эта кличка? Из «Двух веронцев»: там собаку слуги зовут Grab. К Шекспиру у Бекетовых относились по-домашнему.

...старая француженка с недобрыми глазами, державшая под столом на коленях незримое крохотное существо, изредка звеневшее бубенчиком

¹⁶⁷ Полоцкая Э. Примеч. // Чехов А. Собр. соч. М., 1961. Т. 4. С. 546.

¹⁶⁸ Бекетова М. Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 271.

— а что за существо (и как зовут француженку), выяснится много лет спустя, когда автор расскажет о своей подростковой любви к юной парижанке, приехавшей в Биарриц с фокстерьером с бубенчиком на ошейнике («Другие берега»). *Не могу припомнить имя собачки, и это мне так досадно*, — посетует автор (ср.: Гуров хотел позвать собаку, но у него вдруг забилось сердце, и он от волнения не мог вспомнить, как зовут шлица), но всё-таки вспомнит и то, как ее звали, и то, как он с ее хозяйкой прятался в кромешной темноте маленького кинематографа около казино, что, разумеется, было совершенно незаконно. Там мы сидели, нежно соединив руки поверх фокстерьера, изредка позвякивавшего бубенчиком у Колетт на коленях.

Словосочетания неясной семантики нередко мотивированы звуковым повтором. Так, оксюморон *ягнёнок гневный* возник из *гнё/гне*. В переключке участвуют и иноязычные слова: *блуд* в словосочетании *блуд труда* восходит к «Blut»¹⁶⁹. А при (обратном?) переводе *век-волкодав* на немецкий получится *Jahrhundert-Wolfshund*¹⁷⁰ — конструкция, скрепленная общим *-hund-*.

¹⁶⁹ Наблюдение Романа Тименчика (см.: Левинтон Г. Поэтический билингвизм и межъязыковые влияния // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 33). Если *блуд* в *блудтруса* — нем. «Blut», то остаток — слав. «руда», двойник крови и вечная рифма к «труду». *Рудой* повязаны *кровь* и *труд* в поэзии 1920-х: *Плавим в золото нашу руду! <...> Пусть не кровью здоровой из вен Земля: То над ней алый стяг — трезвый Труд!..* (Брюсов); *В изломе заржавленном — кровь <...> Заржавленным соком руда. <...> Под огненным стягом труда!* (Герасимов); *Рудниковая в теле кровь* (Санников; добавлено Константином Елисеевым). Скорбный труд не пропадет и дело прочно, когда под ним струится кровь, Blut, руда.

¹⁷⁰ Или *Wolfshund-Jahrhundert*, как в пер. П. Целана, Э. Бернера и Р. Дутли.

*И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы*

Чулки соединились с переулками благодаря -улк-, а чуланы улиц возникли из-за чулок и ради хиазма переул- /ул[иц] пере-. Но отчего лают переулки, а не собаки, и перекашиваются улицы, а не лица? Неназванные лица, собаки и 'собачий холод' восходят к:

у-
лица
лица
у
догов
годов,

вспомнить каковой ноктюрн побуждает его финал — колюче-морозный¹⁷¹:

*Ветер колючий трубе вырывает
Дымчатой шерсти клоч*

и улично-чулочный:

*Лысый фонарь сладострастно снимает
с улицы синий чулок.*

¹⁷¹ Ср.: В какой-то мерзлый деревянный короб <...> На лестнице колючей разговора б.

Андерсен
в пер. А. и П. Ганzenов

С. Козлов

...вдруг прямо перед ним очутилась охотничья собака с высунутым языком и сверкающими злыми глазами.

Она сунулась пастью к утенку, оскалила острые зубы и — шлеп! шлеп! — побежала дальше.

И тут из тумана появилась Собака. Она поставила перед Ежиком узелок, зевнула во всю свою собачью пасть и пропала в тумане.

В «Опере» (1925) Тарловского: *Контрабасами ухали вери, И валторнами волки ворчали.* Речь о «Кн. Игоре», где волк, действительно, упомянут (в песне Кончака и в хоре поселян), но валторне доверена лишь любовная тема в увертюре. Не спешите, однако, возвращать билеты: выбор валторны для имитации волчьего ворчания предвосхищает решение Прокофьева (1936).

И старый мир, как пес безродный, в тумане моря голубом с своей волчихою голодной всё ходит по цепи кругом.

волкодаввалкадав

была у павлова собака
по имени допустим рекс
бифштекс давали ей
однако
лишь за проявленный рефлекс
а нет рефлекса жри корнфлекс

был бы бел
кобелий бок
кабы ел
кобель белок

НА ИЗВОЗЧИКЕ

Конюх в «Бовари» наречен Ипполитом, и у него *конская стопа*. Любителя сентенции *Лошади кушают овес и сено* зовут Ипполит Ипполитыч. Бывший предводитель уездного дворянства уподоблен лошади: *...послышались конский храп и ржание: Ипполит Матвеевич весело умывался и прочищал нос*. В «Марии» Бабеля фигурирует кн. Ипполит, ставший после переворота извозчиком¹⁷². Гроссмейстер в «Победе» Аксенова, получив шах конем,

¹⁷² Он отменно глуп (*Меня привез Ипполит, наговорил полную голову, всё шиворот-навыворот*), как его тезка в «ВиМ», и терпит унижение от еврея-нуво-

представляет себе сцену погони с участием кучера Еврипида, помянутого, надо полагать, не только за компанию с *Эсхилом-грузчиком*, *Софоклом-лесорубом*, но и благодаря «*Фаэтону*» и «*Ипполиту*».

Диктат профессии: сравнение *Дуня <...> сидела на ручке его кресел, как наездница на своем английском седле*¹⁷³ приходит на ум тому, кто на своем веку и наездников повидал, и лошадей, и упряжи. И привлекательность дочери он измеряет временем, которое готовы провести на его станции самые нетерпеливые из господ проезжающих: *курьеры, фельдъегеря с нею по получасу заговаривались*.

Одно дело — когда *путь мой скучен и только версты полосаты попадаютя одне*. Другое — когда *уж по Тверской возок несется* и скорость чередования деталей пейзажа и фигур:

*Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри*

столь высока, что записать увиденное:

*Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики*

риша (— *Где вы оставили князя Ипполита? — Оставил у ворот. Приказ — ждать, дисциплина; о нем же: седоков поджидает*), как рюрикович Стива.

¹⁷³ Позаимствовано у Бальзака (см.: Ахматова А. «Адолф» Бенжамена Констана в творчестве Пушкина // *Временник Пушк. комис.* 1936. [Вып.] 2. С. 114).

удаётся только в виде перечня в форме им. п. мн. ч.:

*Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,*

не отличая одуш. от неодуш.:

*Балконы, львы на воротах
И стаи галок на крестах.*

Если же скорость снизить, чтобы объекты наблюдения — всё те же мальчишки, лавки, бульвары и магазины моды — отличались друг от друга наличием способности к самостоятельному движению, и перемешать эти машинальные заметки с мучительными мыслями, то получится внутренняя речь:

«Контора и склад. Зубной врач. Да, я скажу Долли всё. Она не любит Вронского. Будет стыдно, больно, но я всё скажу ей. Она любит меня, и я последую ее совету. Я не покорюсь ему; я не позволю ему воспитывать себя. Филиппов, калачи. Говорят, что они берут тесто в Петербург. Вода московская так хороша. А мытищинские колодцы и блины <...> Как дурно пахнет эта краска. Зачем они всё красят и строят? Моды и уборы», — читала она. Мужчина поклонился ей. Это был муж Аннушки. <...> Бульвар и дети. Три мальчика бегут, играя в лошадки. Сережа! И я всё потеряю и не возвращу его. <...> Эти лошадки, эта коляска — как я отвергательна себе в этой коляске — всё его; но я больше не увижу их».

А теперь, удерживая в памяти мальчишек и магазины моды и продолжая замечать то, что дурно пахнет, и тех, кто кланяется,

разобьем внутреннюю речь на кадры-абзацы и уберем ремарки и кавычки:

А до таможни проездиться по Невскому проспекту.

Прошедшие два офицера женируются и недовольно ловки.

Фрунт, поклоны. Вольно, вольно, господа.

Ах, какая! — в рюмочку, и должна быть розовая... Ого!

Превосходный мороз. Мой климат хорош. Движение на Невском проспекте далеко, далеко зашло. В Берлине Linden — шире? Нет, не шире. Фридрих — решительный дурак, жаль его.

Поклоны; чья лошадь? Жадимировского?

Вывески стали писать слишком свободно. Что это значит: «Le dernier cri de Paris. Modes». Глупо! Сказать!

Кажется, литератор... Соллогуб... На маскараде у Елены Павловны? Куда бы его деть? На службу, на службу, господа!

У Гостиного двора неприличное оживление, и даже забываются. Опомнились наконец. А этот так и не кланяется. Статский и мерзавец. Кто? Поклоны, поклоны; вольно, господа.

Неприлично это... фыркание, cette p  tarade у лошади — и... навоз!

— Яков! Кормить очищенным овсом! Говорил тебе!

Как глупы эти люди. Боже! Черт знает что такое! Нужно быть строже с этими... с мальчишками. Что такое мальчишки? Мальчишки из лавок не должны бегать, но ходить шагом.

Поклоны, фрунт.

А эта... вон там... формы! Вольно, вольно, малютка!

А перейти на шаг — и всякая вывеска явит свой изъясн:
...аршавский портной ... Таварищество ... Maitr tailleur Lepoutant.

Достоевский

Вот чрез неделю, чрез месяц меня провезут куда-нибудь в этих арестантских каретах по этому мосту, как-то я тогда взгляну на эту канаву, — запомнить бы это? — мелькнуло у него в голове. — Вот эта вывеска, как-то я тогда прочту эти самые буквы? Вот тут написано: „Товарищество“, ну вот и запомнить это а, букву а, и посмотреть на нее чрез месяц, на это самое а: как-то я тогда посмотрю?

Набоков

Как буду в этой же карете чрез полчаса опять сидеть? Как буду на снежинки эти и ветви черные глядеть?

Как тумбу эту в шапке ватной глазами провожу опять? Как буду на пути обратном мой путь туда припоминать?

Есть в осени первоначальной... Von wegen Landschaftslyrik, zum Teufel mit ihr. Schon den dritten Tag unterwegs von Owstug, in der verdammten ratternden Kutsche, das nennt man hier Doroga, und bald schon vierundfünfzig, einfach zum Heulen. Но далеко еще до первых зимних бурь... Wenn es nur so wäre, ach, wenn es so wäre.

В бунинском «Кавказе» из окна вагона по пути на юг видны пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами — совсем как в триолете Сологуба, местом сочинения которого в одной публикации назван *Кавказ*, в другой — *вагон*:

*Еще арба влечется здесь волами,
Еще в пыли и в лужах долгий путь,
Еще окрест томительная жуть,
А в небе над арбами и волами,
И над папахами, и над ослами
Спешит Икар надкрылья развернуть,
И пусть арба, влекомая волами,
Проходит медленный и трудный путь.*

В 1882 в Люцерне был сделан фотоснимок, запечатлевший Лу Андреас-Саломе, Фридриха Ницше и Пауля Ре: мужчины запряжены в повозку, женщина замахивается на «лошадок» кнутом. Одни биографы называют режиссером этой мизансцены Ницше¹⁷⁴, другие — Андреас-Саломе¹⁷⁵. По поводу же Ре принято думать, что он, «всегда питавший болезненное отвращение к изображениям своего лица»¹⁷⁶, согласился на съемку à contresœur и держится «безучастно»¹⁷⁷ и даже «skonфуженно»¹⁷⁸. Высказывалось, впрочем, и иное мнение: «позирует уверенно и чувствует себя на месте»¹⁷⁹.

По-разному оценивается и интерпретационный потенциал снимка: «Здесь мы имеем дело, разумеется, с безобидной шуткой отдыхающих. Отраднo думать, что даже тогда Ницше мог

¹⁷⁴ См., напр.: Podach E. Friedrich Nietzsche und Lou Salomé. Zürich; Leipzig, 1937. S. 33.

¹⁷⁵ См., напр.: Binion R. Frau Lou. Princeton, 1968. P. 55.

¹⁷⁶ Andreas-Salomé L. Lebensrückblick. Frankfurt/M., 1994. S. 81.

¹⁷⁷ Pfeiffer E. Erläuterungen // Andreas-Salomé L. Op. cit. S. 236.

¹⁷⁸ Livingstone A. Lou Andreas-Salomé. London; Bedford, 1984. P. 39.

¹⁷⁹ ЭткинD А. Эрос невозможного. М., 1994. С. 20.

испытывать приступы искреннего веселья»¹⁸⁰; «Снимок воспроизводит пугающее отражение того душевного состояния, которое спустя несколько месяцев, когда мечты о браке с Лу были позади и Ницше снова остался один, отчеканится в беспощадную формулу: *Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!*»¹⁸¹; «Снимок Лу с кнутом на тележке, которую везут Ницше и Ре, предоставлял простор для толкований в духе глубинной психологии, и на ум приходила, в частности, та знаменитая плетка, которую, согласно Ницше, не должно забывать идущему к женщинам. Но едва ли в люцернскую фотосхутку можно вчитать столь многое. Должны же были ее участники как-то разместиться, и из простой галантности даме уступили место, которое она, привыкшая повелевать, и так занимала в этом тройственном союзе»¹⁸².

Предположим, что правы те, кто считает переключку фотосюжета со словами из «Заратустры» неслучайной. В каком направлении следует развивать это наблюдение? Может ли оно служить основанием для гипотезы, будто Заратустра — «закодированная прекрасная Лу»¹⁸³? Или же стоит попытаться переосмыслить слова о женщинах и плетке? Вспомним их контекст. В гл. «О старых и молодых бабенках» Заратустра, по просьбе некоей старушки, высказывается о сущности и назначении женщины: ее счастье называется *он хочет*, а удел состоит в повиновении, и т. п. Старушка удивляется тому, сколь хорошо Заратустра понимает

¹⁸⁰ Bernoulli C. Franz Overbeck und Friedrich Nietzsche. Jena, 1908. Bd 1. S. 329.

¹⁸¹ Peters H. Lou. München, 1968. S. 110; ср. также S. 161. Здесь и далее текст «Also sprach Zarathustra» цитируется в пер. Ю. Антоновского.

¹⁸² Ross W. Der ängstliche Adler. München, 1994. S. 618. Ср.: «Nietzsche ging nicht zu Frauen und brauchte keine Peitsche. Nur einmal hatte er sich eine besorgt, um sie galant, mit einer Fliederholde versehen, Lou zu überreichen» (Ejusd. Lou Andreas-Salomé. [München], 1997. S. 48).

¹⁸³ Эткинд А. Указ. соч. С. 22.

женщин, столь мало их зная, и советует ему захватить плетку, идя к ним. Отмечалось, что этот совет «содержит лишь одностороннюю практическую формулировку той теоретической характеристики женщин, которую набросал сам Заратустра»¹⁸⁴. Но чем тогда объясняется восхищение Заратустры словами старушки? Почему он называет их *сокровищем, подаренным мне*? Быть может, перед нами вывод, сделанный не из наблюдений Заратустры над женщинами, а из наблюдений старушки над Заратустрой? И захватить плетку ему рекомендуется для того, чтобы вручить ее женщинам и самому испытать наслаждение от повиновения?

В пользу этого говорит и история фотографии, рассказанная сестрой Ницше с его слов: «Брат должен был сесть на маленькую тележку садовника, которую повезут фрейлен Саломе и д-р Пауль Ре. Разумеется, мой брат, как учтивый кавалер, предложил свое место даме, и она его, к изумлению брата, тотчас заняла»¹⁸⁵. Вспоминается и пристрастие Ницше к инверсии субъекта и объекта; так, в гл. «О ребенке и браке», перечисляя случаи неудачной женитьбы, Заратустра говорит: *Третий искал служанки с добродетелями ангела. Но одним разом стал он служанкою женщины, и теперь ему самому надо быть ангелом.*

Так или иначе, последуй Заратустра совету вручить плетку женщине, он уподобился бы Ницше на фотоснимке, а прямая, проведенная между этими двумя точками — фотосессия (весна 1882) и сочинение гл. «О старых и молодых бабенках» (зима 1883) — проходила бы еще через одну: общение с Андреас-Саломе летом 1882, когда он восхищался ее стихотворением «К боли» и вел

¹⁸⁴ Naumann G. Zarathustra-Commentar. Leipzig, 1899. Th. 1. S. 196.

¹⁸⁵ Förster-Nietzsche E. Nietzschelegenden // Die Zukunft. 28. Jan. 1905. № 18. S. 172.

с нею беседы, вспоминая о которых она назовет его «садомазохистом по отношению к себе самому»¹⁸⁶.

До сих пор мы исходили из предположения, что мизансцена сочинена кем-то из фотомоделей. Но так ли оно обязательно? Не имеем ли мы дело с живой картиной, воспроизводящей классический сюжет? Изображение едущей женщины и везущего ее философа напоминает легенду об Аристотеле и красавице¹⁸⁷. Вот подробное изложение ее сюжетного инварианта: «Почтенному летами и прославленному Аристотелю, порицавшему Александра Великого, своего тогдашнего или бывшего ученика, за его *luxuria*, любовница либо жена последнего (или, по ее распоряжению, ее служанка, или, наконец, по распоряжению Александра, некая красивая девушка) до того вскружила голову, что он перестал владеть собою и, следуя ее желанию (что чаще всего выставляется условием ее благосклонности), опустил, уподобясь животному, на четвереньки и позволил ей себя оседлать. В этом унижительном положении, принять которое его в ряде вариантов заставляет выдумка женщины о ее внезапном двигательном расстройстве, философа застигает заранее извещенный Александр (один или с любовницей либо мать Александра с придворными дамами). Ответ сконфуженного философа во всех ранних

¹⁸⁶ Andreas-Salomé L. In der Schule bei Freud. Zürich, 1958. S. 155–156.

¹⁸⁷ Почти вплотную к этому выводу приближается Росс, замечая по поводу ухаживаний Ницше за Андреас-Саломе: «Он забыл о том, как, согласно древней легенде, молодая красотка дурачила и мудрого Соломона, и старого философа Аристотеля» (Ross W. Der ängstliche Adler. S. 615). Но, полагая, что эту легенду Ницше позабыл, Росс и сам не вспоминает о ней, когда начинает размышлять о возможных параллелях к люцернскому фотосюжету и называет в качестве таковых Платоново уподобление человека возничему, держащему свои инстинкты в узде, и образ колесницы богини победы (Ib. S. 618). Удачными эти параллели не назовешь, однако само ощущение, что у фотосюжета имелся источник (и притом аллегорического характера), представляется верным.

вариантах и в большинстве последующих таков: „Не доказывает ли сей пример справедливости моего предостережения? И насколько же легче тебе, человеку молодому, оказаться в моем положении!“»¹⁸⁸

Пришедшая с Востока в XIII в., эта легенда получила распространение «от Англии до Кракова, от Леона и Толедо до Ревеля, от стран севернее Балтики (включая даже Исландию) до Палермо»¹⁸⁹ и притом не только в словесном искусстве: изображение взнузданного Аристотеля, оседлавшей его — и нередко замахивающейся плетью — красавицы, а порою и свидетелей этой сцены (как правило, Александра¹⁹⁰) встречается «на церковных фасадах, в клуатрах, на капителях нефов, реликвариях, особенно часто на боковых стенках и исподах откидных сидений на хорах <...> на надгробиях и внутри погребальных сооружений, на гребнях, шкатулках из дерева и слоновой кости, сундуках, кроватях, седлах, оружии, зеркалах, коврах (например, украшающих зал регенсбургского рейхстага), столовой посуде, столешницах, витражах, покрывах (для коронации Карла V), фресках, церковных сосудах, игральные карты, шашках, каминном чугунном литье и изразцах, а также, разумеется, на миниатюрах рукописных книг, народных картинках и многочисленных *Trionfi dell'Amore*»¹⁹¹.

¹⁸⁸ Storost J. Zur Aristoteles-Sage im Mittelalter // Monumentum Bambergense. München, 1955. S. 300.

¹⁸⁹ *Ib.* S. 305. Этот ареал можно расширить в восточном направлении: сюжет о женщине, оседлавшей философа, с петровского времени известен русской иконографии (см., напр.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1900. Т. 1. Стлб 85, 88–89) и воспроизводится в «Вие» (замечено в: Вайскопф М. Сюжет Гоголя. М., 1993. С. 138–139).

¹⁹⁰ См.: Sachs H. u. a. *Christliche Ikonographie in Stichworten*. München; Berlin, 1998. S. 47.

¹⁹¹ Storost J. *Op. cit.* S. 306. Подробнее об отражении этого сюжета в изобразительном искусстве см., напр.: Moth F. *Aristotelessagnet eller elskovs magt*. København,

Обилие вариантов этого сюжета и его отражений в искусстве лишает возможности установить, какие из них были известны режиссеру люцернской мизансцены и кто был этим последним: философ, красавица или ученик и соперник.

Рассказ Миреллы Карбоне, экскурсовода в Доме Ницше в Сильс-Мария: «Слышу беседу посетителей: — Дорогой, а отчего Ницше сошел с ума? — Попал в Турине под пролетку, — и, движима просветительским темпераментом, устремляюсь к ним, но, по счастью, вовремя слышу восхищенное продолжение: — Господи, какой же ты у меня умный!.. — и от поправок, конечно, удерживаюсь».

Пастернак, собираясь послать в Дом Ницше свой портрет, чтобы его повесили на стене «рабочего кабинета» философа¹⁹², наверное, представлял себе просторный дом-музей, в котором вот столовая, вот вторая спальня, вот комната для прислуги, а между тем кубатуры, в которой создавался «Заратустра», не стало бы и на музей-квартиру. В течение семи летних сезонов Ницше снимал в этом доме тесную и темную комнатку, бывшую, однако, еще недостаточно темной для его глаз, не выносивших яркого освещения и светлых тонов, так что по его

1916. S. 179–192; Cesare R. de. Di nuovo sulla leggenda di Aristotele cavalcato // Misc. del Centro di studi medievali. Ser. prima. Milano, 1956. P. 235–247.

¹⁹² Пастернак Б. Переписка с американским издателем «Доктора Живаго» // Знамя. 2005. № 3. С. 160.

въезде в ней меняли и обои, и скатерть. Но заблуждался и Адорно, постоялец соседнего гранд-отеля «Вальдхаус», когда в 1966 писал, что ныне такие бытовые условия свидетельствовали бы о деклассированности, а вот восемьдесят лет назад бедность могла быть вполне достойной¹⁹³. Ни достаток, ни достоинство тут ни при чем. Всё в энгадинской жизни Ницше — и 8° по Реомюру на комнатном термометре, и табльдот, как у местных пастухов, и холодное обтирание в пять утра, и сиденье в темноте с семи до девяти вечера — было подчинено одной цели: повышению работоспособности¹⁹⁴. Подолгу гулял («Seine Gedanken, — сказала экскурсовод, — waren Gehdanken»), и его палочку для горных прогулок полвека спустя Ферстер-Ницше вручит фюреру¹⁹⁵. По другим сведениям, однако, гулял не с палочкой: в 1960-х престарелый г-н Zuan, хозяин здешней лавки колониальных товаров, расскажет Адорно и Маркузе, что и в дождь, и в ведро Ницше появлялся с красным зонтиком от солнца, в который злые дети, и малолетний г-н Zuan в их числе, тайком сыпали камушки, так что, раскрыв зонтик, Ницше оказывался под камнепадом¹⁹⁶. Пророк, побиваемый камнями, в общем.

Что-нибудь о рысаках? Ладно. Их тут немало, поскольку пользоваться автомобилем разрешено далеко не всюду.

¹⁹³ См.: Adorno Th. Gesamm. Schriften. Frankfurt/M., 2003. Bd 10,1. S. 328.

¹⁹⁴ См.: Nietzsche F. Sämtliche Briefe. München u. a. 2003. Bd 6. S. 121.

¹⁹⁵ Забота о монументализации образа брата проявилась и в заказе ею после его похорон второй посмертной маски — отредактированной (см.: Hertl M. Der Mythos Friedrich Nietzsche und seine Totenmasken. Würzburg, 2007): без морщин и с более пышной шевелюрой, и теперь обе они помещены под одним музейным стеклом.

¹⁹⁶ См.: Adorno Th. Op. cit. S. 328–329.

В марте 1831 студенты Московского университета устроили обструкцию профессору:

Малов сделал какое-то замечание, началось шарканье.

— Вы выражаете ваши мысли, как лошади, ногами, — заметил Малов, воображавший, вероятно, что лошади думают галопом и рысью, и буря поднялась — свист, шиканье, крик: «Вон его, вон его, pereat!» Малов, бледный, как полотно, сделал отчаянное усилие овладеть шумом и не мог; студенты вскочили на лавки. Малов тихо сошел с кафедры и, съездившись, стал пробираться к дверям; аудитория — за ним, его проводили по университетскому двору на улицу и бросили вслед за ним его калоши¹⁹⁷.

...все студенты вскочили с мест своих, начали ногами уже не шаркать, а колотить о передние доски скамеек, закричали на него: вон, вон!.. и пустили уже в него кто шапкой, а кто книжкой. Он стремглав бросился из аудитории, едва успел схватить свою шубу и шапку и побежал через двор на улицу. Тут вслед ему студенты кричали, атукали как на зайца, ругали его, и, когда он выбежал на улицу, то полетели в него и камешки, и толпа далеко по Тверской улице провожала его с гиканьем, бранью и атуканьем как дикого зверя¹⁹⁸.

Ср. в «Кондуите и Швамбрании» рассказ о том, как февральская революция отразилась на судьбе директора покровской гимназии:

Гимназия ходила вся, дрожала от неистового гула, грохота, рева и сокрушительного топота. Директор впервые в жизни погнулся,

¹⁹⁷ Герцен А. Собр. соч. М., 1975. Т. 4. С. 113.

¹⁹⁸ Костенецкий Я. Воспоминания из моей студенческой жизни // Рус. арх. 1887. Кн. 1, № 3. С. 339–340.

покорезился. <...> Он кинулся в кабинет, натянул фуражку с кокардой, влез в шубу на ходу, не попадая в рукава, — и на улицу.

За ним на крыльцо засеменил сторож Мокеич:

— Галоши-то, Ювенал Богданыч! Галошки позабыли!

Директор, не оборачиваясь и увязая в снегу блестящими штиблетами, прыгал на тонких ногах через мутные лужи. <...>

На крыльцо с шумом и хохотом вылетели гимназисты.

— Эх, как зашпаривает! Ату его! Гони! Ура! Карьерист! Рыбий Глаз!

Мокрый снежок хлюпнулся в спину Стомолицкого. <...> Мокеич увещевал:

— Пошто безобразничаете! Нехорошо. А еще ученые!

Атлантида подкрался к нему сзади, выхватил из рук директорскую галошу и под общий хохот пустил ее в Стомолицкого.

В этой главе звучит и лошадиный мотив, однако восходит он не к «маловской истории», а к галерее педагогов кисти Чехова¹⁹⁹. В поисках поддержки Стомолицкий отправляется к ветеринару, председателю родительского комитета, и пожимает его руку, от которой *пахло парным молоком, конюшней*. Затем наносит визит доктору, секретарю родительского комитета, и, пока тот не освободился, ведет беседу с его сыном, который появляется со сломанной деревянной лошадкой: — *А-а!* — *воскликнул Оська.* — *Я знаю, вы кто. Вы лошадиный доктор. От вас пахнет так. <...> А мою лошадь вы вылечите?*

Стомолицкий сердито сообщает, что он директор гимназии, и задает Оське вопросы в духе Ипполита Ипполитовича: *куда впадает Волга и как звать твою лошадь.*

¹⁹⁹ По-чеховски мотив разработан в гл. «„Тпру“ по-немецки?..» и «Лошадиное слово».

На столе в номере, снятом Гуровым в губернском городе С., была чернильница, серая от пыли, со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Описана копия памятника Джексону у Белого дома — первого в истории скульптуры удачного изображения лошади, опирающейся только на задние ноги. Статуэтка всадника без головы предстает эмблемой мира приключений, пленительного для провинциальных подростков, которых автор вывел в «Мальчиках» и о которых писал: *наши сызранские и чухломские детеныши, начитавшись Майн-Рида и Купера, удирали из родительских домов и изображали бегство в Америку.* И по поводу которых — уже повзрослевших — Гуров насмешливо замечает: *Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре — и ему не скучно, а придет сюда: „Ах, скучно! ах, пыль!“*

Образ избитой Хомой Брутом старухи-«скакуна» раздваивается в кошмарах Раскольниковова и склеивается Хармсом: *Мертвая старуха <...> похожа на мертвую лошадь.*

Жалоба *Мой конь притомился, стоптались мои башмаки* одно время вызывала недоумение: стоптаться они могли бы при пешем ходе, но тогда отчего бы коню притомиться? Объяснение отыскалось в издании «Будь здоров, школяр; Стихи» (Frankfurt/M.: Посев, 1964). Здесь: *...его башмаки.* Совсем другое дело.

Полцарства за каплю никотина!

Кто из героев русской классики уезжает на тройке и возвращается шестериком?²⁰⁰

шахматный сонет

К О Н

ь

К

О Н Ъ

О Н Ъ

К

ь

К О Н

К

О

Н Ъ

Н Ъ

О

К

²⁰⁰ (Авдотья Самсоновна Вырина)

лошадь влекут под уздцы на купанье под стенами трои
цокот слышав копыт рак наостряет клешню

ЗИМА И РУССКИЙ БОГ

*Здесь можно жарку быть,
в Париже замерзать.*

Яков Княжнин

Первая же декларация богоизбранности-при-кажущейся-
богооставленности противопоставляет климат и Провидение:
*Хотя всегдашними снегами Покрыта северна страна, Где мерзлы-
ми Борей крылами Твои взвевает знамена; Но Бог меж льдисты-
ми горами Велик своими чудесами.*

Затем в части *хотя* изображается смиренная нагота родины,
в части *но* — шествие по ней Спасителя: *В рабском виде Царь
Небесный Исходил, благословляя.*

А отечественный климат из символа богооставленности му-
тирует в символ неприступности, *ce terrible hiver russe: Мороз-
воевода дозором Обходит владенья свои.*

И Спаситель закономерно сливается с Дозорным: Христос
шествует по ледяной пустыне во главе патруля, и имя Его рифму-
ется с *розами*, зарезервированными *морозом*²⁰¹.

²⁰¹ Основаниями для слияния служат неразлучность младенца Христа со св. Ни-
колаем в западных традициях и отождествление Иисуса с Николой в традиции

Наконец, часы на Спасской переводят на вечно-весеннее время: *Над страной весенний ветер веет*, и из двух мотивировок шестивия остается одна — дозорная: *Человек проходит, как хозяин*.

Если в первой трети XVIII в. поэт, зря на Россию чрез страны дальны, сочинял «Стихи похвальные России» и — ничуть не менее пылкие — «Стихи похвальные Парижу»²⁰², то в следующем веке приступы ностальгии стали нуждаться в отрицательном контрастном фоне. *Нет, не житье нам здесь с тобою: Житье на родине, земляк!* — сочувствовали снегу, выпавшему в Париже. *Здесь ты, сирая, не дома; Здесь тебе не по нутру*, — соболезновали зиме, ненароком забредшей туда, где *влял мороз и влял народ*.

отечественной. По мнению Ремизова, *уж если необходимо возглавлять «революционный шаг», надо было не Христос, а Никола* (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 104; указано Сергеем Доценко).

²⁰² Российские исследователи предпочитают союзу «и» союз «но», напр.: «Но, любуясь Парижем, Третьяковский тоскует по родине, которую не видел уже несколько лет. Так рождаются „Стихи похвальные России“» (Орлов П. История русской литературы XVIII в. М., 1991. С. 44); «Но Третьяковский не забывает и о России: „Стихи похвальные России“, написанные тогда же, свидетельствуют об этом» (Топоров В. У истоков русского поэтического перевода // WSA. 1992. Sbd 33. S. 108). Мало того, утверждается, что к Парижу поэт отнесся пренебрежительно: «Еще находясь во Франции, Третьяковский почти одновременно написал два стихотворения: „Стихи похвальные Парижу“ и „Стихи похвальные России“». В первом из них поэт в несколько „космополитическом“ духе, с некоторым „аристократическим“ высокомерием воспеваает Париж [в других редакциях этого пассажа: «автор с нескрываемой иронией воспеваает Париж»] <...> Второе — одно из самых проникновенных, глубоко патриотических стихотворений не только молодого Третьяковского, но и всей молодой русской поэзии» (Федоров В. Русская литература XVIII в.: Слов.-справочник. М., 1997. С. 22).

Эренбург в:

*Когда в Париже осень злая
Меня по улицам несет
И злобный дождь, не умолкая,
Лицо ослепшее сечет, —
Как я грущу по русским зимам,
Каким навек недостижимым
Мне кажется и первый снег,
И санок окрыленный бег,
И над уснувшими домами
Чуть видный голубой дымок,
И в окнах робкий огонек,
Зажженный милыми руками,
Калитки скрип, собачий лай
И у огня горячий чай*

воспроизводит тот же ход мысли, а строки *Мне кажется и первый снег, И санок окрыленный бег* прямо отсылают к Вяземскому: *Как вьюга легкая, их окрыленный бег Браздами ровными прорезывает снег.*

Эренбургов гимн зиме сложен весьма искусно. Это написанное онегинской строфой единое предложение, во второй половине которого вовсе нет глаголов, а эффект движения создается плавной сменой образов пространства: село — окна — калитка — двор — стол. Упорядоченная динамика второй части контрастирует с хаосом первой: *Меня по улицам несет*. Осень на чужбине злая, а картинки родимой зимы одна другой уютнее: *голубой дымок, огонек, горячий чай.*

Спустя полвека дважды лауреат Сталинской, лауреат Ленинской и депутат Верховного снова займется сравнительной климатологией:

*Да разве могут дети юга,
Где розы блещут в декабре,
Где не разыщешь слова «вьюга»
Ни в памяти, ни в словаре,*

*Да разве там, где небо сине
И не слиняет ни на час,
Где испокон веков поныне
Всё то же лето тешит глаз,*

*Да разве им хоть так, хоть вкратце,
Хоть на минуту, хоть во сне,
Хоть ненароком догадаться,
Что значит думать о весне,*

*Что значит в мартовские стужи,
Когда отчаянье берет,
Всё ждать и ждать, как неуклюже
Зашевелится грузный лед.*

*А мы такие зимы знали,
Вжились в такие холода,
Что даже не было печали,
Но только гордость и беда.*

*И в крепкой, ледяной обиде,
Сухой пургой ослеплены,
Мы видели, уже не видя,
Глаза зеленые весны.*

Здесь опять вспоминается элегия Вяземского:

*Пусть нежный баловень полуденной природы,
Где тень душистее, красноречивей воды,
Улыбку первую приветствует весны!
Сын пасмурных небес полуночной страны,*

*Обыкший к свисту вьюг и реву непогоды,
Приветствую душой и песнью первый снег.*

Однако у Эренбурга не *нежный баловень полуденной природы* приветствует наступление оттепели, а *сын пасмурных небес полуночной страны*. И ослепляет его уже не парижский дождь, а отечественная пурга.

Но и после того, как родимый климат перестает казаться благодатным, привычка к нему (*Вжились в такие холода*) наполняет сердце чувством гордости, ведь о том, что открылось нашему внутреннему взору (*Мы видели, уже не видя*), иностранцу не дано и *ненароком догадаться*. Куда! Не поймет и не заметит. Вял мороз и вял народ.

Как нам подморозить Европу.

Одну Россию в мире видя, преследуя свой идеал, я с детства не любил овал и Oval Office ненавидел!

Надо только выучиться ждать, надо только сильно-сильно верить, а умом Россию не понять и аршином общим не изме-е-рять.

Эти бедные селенья, куст ракиты над рекой. Край родной долготерпенья, где найдешь еще такой!

Лишь паутины тонкий волос на безымянной высоте.

индивеет индивид
цепенеет реципиент

в конце концов и дети юга
о этот юг о эта ницца
уразумеют что ворюга
куда милей чем кровопийца

ИЗ ВАРЯЗИ В ГРЯЗИ

родина-мама мыла
раму картины мира

рабоче-крестьянское эхо
татаро-монгольского лиха

не сумели щит и меч
серп и молот уберечь

всяк сущий в ней язык
с утра не вяжет лык
но знает свой шесток
и если что как штык

теперь так мало греков в ленинграде
что мы сломали греческую церковь
не подпалить ли также синагогу
дабы любимый город спал спокойно
ни элина тебе ни иудея

шла раша подшофе
и набила шишку

болото кулик хвалил
да радикулит скрутил

вошь в кармане
а вождь в армани

роддом
а рядом
детдом
а рядом
доммод
ну не дурдом

несменяемая власть
невменяемая сласть

грядущий гунн разрушил храм
восстановил грядущий хам

нету сносу богоносности
спасу от госбезопасности

давят-подавят
выдавить не могут

а родимой стороной
полюбуюсь стороной
по родимой стороне
потоскую в стороне
у родимой стороны
лучший вид со стороны

НАШИ РЕВИЗИОНИСТЫ

*Входит генерал в валенках; шинель на
красной подкладке переделана в халат.*

Исаак Бабель

«Собачье сердце» задумано как «Шинель» наизнанку. Маши-
нистка, бегущая в подворотню <...> ноги холодные, в живот дует,
повторяет судьбу несчастных титулярных советников, коих всё
спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебе-
жать как можно скорее пять-шесть улиц. А мотив пошива ворот-
ников из кошачьего меха:

— Что ж вы делаете с этими... С убитыми котами?
— На польты пойдут, — ответил Шариков, — из них белок
будут делать на рабочий кредит

И:
*Правда, воротники не такие, об этом и говорить нечего, но всё же
издали можно спутать*

отсылает к:

*Куницы не купили, потому что была, точно, дорога; а вместо ее
выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку,
которую издали можно было всегда принять за куницу.*

Почему «наизнанку»? Место маленького человека, незлобиво-
го каллиграфа, занял недочеловек Полиграф Полиграфович.
Воспринимая происходящее по Розанову:

*С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскую Историю
железный занавес. Представление окончилось. Публика встала.
Пора надевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни
шуб, ни домов не оказалось,*

Булгаков сообщает новому Башмачкину черты Смердякова²⁰³.

В «Темных аллеях» барин Николай Алексеевич встречает
бывшую крепостную Надежду, которая выросла в господском
доме и которую он много лет назад соблазнил и бросил. Ей при-
дано и портретное сходство с Катюшей Масловой: обе — полно-
грудые brunettes с легкой походкой, Катюша — *прижатая от*

²⁰³ О родстве Шарикова со Смердяковым см.: Клейман Р. Мениппейные тради-
ции и реминисценции Достоевского в повести М. Булгакова «Собачье сердце» //
Достоевский: Материалы и исслед. 1991. Т. 9. С. 227 и далее; Жолковский А. Ин-
венции. М., 1995. С. 32–44.

проезжего цыгана, Надежда (в 48) — похозя на пожилую цыганку. Своему соблазнителю Надежда напоминает, что называла его *Николенькой* (любимый толстовский деминутив²⁰⁴). По-толстовски подаются переживания Николая Алексеевича: *Со стыдом вспоминал свои последние слова и то, что поцеловал у ней руку, и тотчас стыдился своего стыда.*

Но. Если Катюша не умела беречь деньги и мстила Нехлюдову своим саморазрушительным поведением, то Надежда, как рассказывает барину кучер, *ума палата. И всё, говорят, богатеет. Деньги в рост дает.* И барин, вспоминая о романе с ней, больше не находит повода для раскаяния: *«Но, боже мой, что же было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоялой горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»* И, закрывая глаза, качал головой.

Превращая Башмачкина в Смердякова и Катюшу Маслову в старуху процентщицу²⁰⁵, авторы XX в. берут под сомнение моральные императивы XIX в. *Vive l'ancien régime*, но без постылого комплекса вины перед униженными и оскорбленными.

²⁰⁴ Николеньки: Болконский, Иртнев, Иртенев, Левин, Облонский и Ростов.

²⁰⁵ Ср.:

— *Славная она, — говорил он, — у ней всегда можно денег достать. Богата как жид, может сразу пять тысяч выдать, а и рублевым залогом не брезгает. Наших много у ней перебывало. Только стерва ужасная... И он стал рассказывать, какая она злая, капризная, что стоит только одним днем просрочить залог, и пропала вещь.*

— *Баба — ума палата. И все, говорят, богатеет. Деньги в рост дает. <...> Кому ж не хочется получше пожить! Если с совестью давать, худого мало. И она, говорят, справедлива на это. Но крута! Не отдал вовремя — пеняй на себя.*

Таковы и русские западники: хотят видеть Россию частью Запада, но несентиментального, в пробковом шлеме и со стеклом.

«Морской бой» Гюнтера Грасса:

*Американский авианосец
и готическая церковь
потопили
друг друга
посреди Тихого океана.
До последней минуты
молодой викарий играл на органе.
Теперь самолеты и ангелы парят
и не могут приземлиться²⁰⁶.*

Обыгрывается символика церкви как корабля, а сцена с викарием отсылает к нередкому в Bibliotheca Titanicana сюжету об оркестре, игравшем до последней минуты. Но и без этой отсылки стихотворение вызывает к сопоставлению с «The Convergence of the Twain» Томаса Харди.

206

DIE SEESCHLACHT

*Ein amerikanischer Flugzeugträger
und eine gotische Kathedrale
versenken sich
mitten im Stillen Ozean
gegenseitig.
Bis zum Schluss
spielte der junge Vikar auf der Orgel. —
Nun hängen Flugzeuge und Engel in der Luft
und können nicht landen.*

Если в английских стансах корабль — «она» и символ цивилизации как антипода природы, то в немецком верлибре корабль — «он» и символ цивилизации как антипода культуры. Но главное отличие в другом: о реальном событии повествуется пышно, о фантастическом — бесстрастно. В англоязычном культурном обиходе категория возвышенного сохраняется без изменений (ср. сцены охоты — на Кита у Мелвилла и, с разницей в век, на Медведя у Фолкнера), а в послевоенной Германии она исчезает. Поэзия после концлагеря? При условии что вернется к *lingua adamica*. Отсюда кризис лицедейства (театр, кинематограф) и расцвет конкретной поэзии.

Шаламов. Раз жизнь — результат предельно экономного расходования энергии, то и рассказывать о ней надлежит без амплификаций. Трофика vs тропика.

Дионисий Ареопагит учит, как постигать Бога, пребывая в Божественном «пресветлом сумраке», — путем удаления всего, что не есть Бог; так красота статуи обнаруживает себя, когда отсекают лишнее (*De myst. theol. II*). Это-то поучение и отразилось в прологе к «Возмездию»:

*Над нами — сумрак неминуемый,
Иль²⁰⁷ ясность Божьего лица.*

...

²⁰⁷ К сведению издателей: запятая перед *иль* обязательна: здесь это союз не разделительный, а пояснительный.

*Сотри случайные черты —
И ты увидишь: мир прекрасен.*

Поколение поэтов «после ГУЛага», не слишком искушенное в богословии, услышало в призыве Блока манифест прекраснотворения. Лев Лосев сделал Блоку жестокий реприманд от лица жертв репрессий:

*Нет, лишь случайные черты
прекрасны в этом страшном мире,
где конвоиры скалят рты
и ставят нас на все четыре.*

В полезности «сотри» усомнился и Всеволод Некрасов:

сотри случайные черты

три четыре

сотри случайные черты

*смотри
случайно
не протри только
дырочки*

Относиться к блокоборчеству можно по-разному²⁰⁸, но трудно отказать арлекинаде Некрасова в изобретательности.

²⁰⁸ Напр., так: «С меньшей очевидностью Блоку был ведом и „страшный мир“, доступный нашему опыту в сумме „случайных черт“, обнажающих лишь „сумрак неминучий“. Какими бы ни казались стихи Блока постсимволистскому поколению и его адептам, одно очевидно: внутренний мир Блока сложнее и трагичнее, чем

С дурашливой добросовестностью он начинает стирать случайные черты уже в самом призыве их стереть: *сотри случайные черты*, а остаток: *три е черты* доводит до осмысленного высказывания — сигнала к началу действия: *три четыре*. Какого действия? По стиранию случайных черт. Однако именно случайных, не то повторится ситуация, описанная автором «сотри» в другом его сочинении: *Бумага лопнула. Арлекин полетел вверх ногами в пустоту*.

Только очень он жесток Этот синий-синий Блок²⁰⁹: Он убил во мне поэта, Потому что я без цвета (Марина Эльпинер, 316-я ср. шк., 8А).

Простонародный зачин шукшинских «Сапожек»: *Ездили в город за запчастями* противопоставлен «барскому» *Ехали на тройке с бубенцами*, а сюжет антидетичен сказке о Золушке: деревенский шофер дарит немолодой жене купленные в городе сапожки, каких она и во сне-то не носила, и пытается помочь *натиснуть*, но поздно, поздно: от непосильной работы *ноженька* распухла.

«Срезал» — вариация сюжета 'победа над мудрецом' (ср. шванк об Уленшпигеле и ученых Пражского университета), но начисто

у любого из его молодых ниспровергателей» (Арьев А. «Table-talk» // Звезда. 2012. № 12. С. 187).

²⁰⁹ Двухтомник цвета берлинской лазури (М.: ГИХЛ, 1955), т. н. орловский.

лишенная народопоклоннического умиления: победитель предстает недоучкой, демагогом и агрессором.

Он подобен хищной птице: *коршуном взмыл <...> И срезал, а его жертва — proverbiallyный «журавль в небе», филолог Журавлев. Написано, по-видимому, не без влияния бунинских «Птиц небесных», где срезают студента Воронова:*

— Эко-ся! — сказал студент, подделываясь под его тон. — А ну-ка да нет там ничего, — на том свете-то?

Сторож подумал, хитрыми глазами глядя в землю. И вдруг быстро и восторженно срезал его:

— Так. А кто ж колчег-то строил?

Студент опешил. «Какой такой колчег? Ковчег, что ли?» — хотел спросить он.

Но сторож уже заметил, что срезал.

— Вот то-то и оно-то! — воскликнул он восторженно.

«Дикарь!» — подумал студент с сердцем и отвернулся.

Дикарь, но не «благородный дикарь» народопоклонников.

ОРУЭЛЛ

оказалась коброй
а казалась робкой

синей птицы запретили
репетиции рептилии

лаков волка вокал

моби дика победи-ка
и кинг-конга ну-ка тронь-ка

поправил было льва
да прерва

левел или правел
лев ел

волкодав всегда прав
бультерьер всем пример

у акул и калигул
не бывает каникул

с той поры очкарик
невзлюбил овчарок

что мне воля без заборов
коли вол я или боров

ЗА ЧТЕНИЕМ ГАЗЕТ

Сенсация! Обнаружен край све

— Доллар-то — слышали? — упал.

— Не то, совсем не то! У тебя, братец, выходит слишком сухо:
доллар упал. Надо так: доллар упал, звеня и подпрыгивая.

Уж не пародия ль ООН?

У Британии два союзника: вся королевская конница и вся
королевская рать.

Сорок лет бродили по пустыне и всё стригли и стригли этот
чертов газон!

Любой союз спасения не столько союз, сколько предлог.

Был как спорный остров: у всех на слуху и никому не нужен.

We say Lennon, we mean party!

Враг мышиноного короля тоже грызун.

Убил эрцгерцога Гаврила, понеже принсипам служил.

Философский пароход — ответ на пломбированный вагон?

Видимо, кому-то выгодно, чтобы Его Величество, окруженный сиянием добродетели столь ослепительным, что иные покровы уже и не надобны, прослыл не вполне одетым.

Нет бога кроме Аллаха, Баалшамема, Вишну, Гадеса и др.

— Что, и с водяными тоже? — перепугался Росинант.

Деталь для антиутопии: дети играют в падчерицы-мачехи.

Как ни изобретали велосипед, а собрали пулемет.

Пушкинашевсё.

Принял с бонбой, оставил кам ня на кам не не.

Путь воина, или Ни сяку назад.

Чему удивляться, живем-то в кайнозойе!

А что, было бы лучше, если бы победили моллюски?

И прекратите, наконец, демонизировать Сатану!

Хор Краснознаменного Черноморского в Белоколонном.

— Широкий человек, — усмехнулся Оккам.

Иммигранты — гады: не работают, предпочитая сидеть у нас на шее, и, соглашаясь работать на невыгодных условиях, отнимают у нас рабочие места.

И эмигранты — гады: клеветают на нашу замечательную жизнь и отказываются разделить с нами ее тяготы.

Милый божешенька, забери меня отседа!

СТЫДНО БЫТЬ БОГОМ

стаханов черта не нашел
гагарин бога
поди пойми что хорошо
теперь что плохо

в пятом классе принес
в дневнике замечанье
спорил с учителем
думая что он умный

разбежался и с разгона
раздавил в себе дракона
глядь а это не дракон
это нравственный закон

аты
баты
даты

мы за мир за мир
да вампир за пир

делились клетки
ветвились ветки
и — божьи слепки —
летели щепки

гордо крестики почетные
носят нолики несчетные

после холокоста
непросто
а после белостока
хоть скока

по лжи
да выжили
во зле
да вылезли

и не из твоей ли
всевышний
шинели
все вышли

DEUS EX MA^{de} inCHINA

симулякры
скрылияму

аз воздам
аз воздам

а воз
и ныне там

besser phobos
oder deimos
als der globus
mit dem demos

руку помощи протянет
разве инопланетянин

ЗА НАБИВКОЙ ЧУЧЕЛ

Нет, весь я не умру — половина войдет
в поговорку.

Болен, но до чего же душевно.

Жил не по лжи и еще немножко шил.

И остались старик и старуха со своею фантомною болью.

Кто был актит, тот стал агмит.

Умирать — так на Васильевском!

К наполовину пустому стакану выдается бутерброд маслом
вниз.

Lieber bebrillt als gehört.

И пришлось верблюду доказывать, что он не робот.

Самый человечный человек? Человек-невидимка.

По-английски не мог даже толком уйти.

Быть или не быть — это еще, знаете ли, ба-альшой вопрос.

Канва жизни расшита клубком сомнений.

Пусть перемывают, лишь бы не пересчитывали.

Чем пленяет зоосад? Вот они, клыкастые и клювастые воплощения твоих фобий, — и все взаперти!

Черную кошку всего опасней встретить в темной комнате, где вовсе нету кошек.

Если не место красит человека, то что? Не время же!

Светскость — неготовность выглядеть смешным. Зрелость — готовность. Мудрость — и выглядеть, и быть.

Самое уязвимое место в идеологии равноправия рас — признание их реальности.

Чем с волчьим билетом, уж лучше зайцем.

Завидев врага, спокойно сидящего на берегу, прикинься трупом да плыви себе мимо.

Если у вас паранойя, это не значит, что вам больше не нужно следить за собой.

Пишущие «дай Вам бог» предпочтительней пишущих «дай вам Бог».

СНЫ И ПРЕДСОНЬЕ

сейчас умру с утра такое снится

Анджей Иконников-Галицкий

В 1852 в докладе парижскому Медико-психологическому обществу Альфред Мори поведал о своем сновидении, сюжет которого определило созвучие «pèlerinage», «Pelletier», «pelle»²¹⁰.

²¹⁰ См.: Maury A. Nouvelles observations sur les analogies des phénomènes du rêve et de l'aliénation mentale // Annales méd.-psychol. 1853. Vol. 5. P. 410.

Похожий эффект четырьмя годами позже опишет Толстой: увиденные рассказчиком «Метели» крылья мельницы оборачиваются во сне крыльями бабочек, потом крыльями невода — им крестьяне под руководством буфетчика Федора Филиппыча тянут из пруда тело утопленника, а затем возникает другая — но тоже связанная с крыльями — картина работы под началом вездесущего буфетчика: *И вот я вижу лестницу нашего большого дома и пять человек дворовых, которые на полотенцах, тяжело ступая, тащат фортепьяно из флигеля; вижу Федора Филиппыча...*

У этой тавтограммы билингвиальный подтекст²¹¹: несомое из флигеля фортепиано — рояль: — *Уж вы позволите, Федор Филиппыч! мы одни, — робко замечает садовник, прижатый к перилам, весь красный от напряжения, из последних сил поддерживая один угол рояля*, т. е. в ход идут три значения «Flügel»: ‘крыло’, ‘флигель’ и ‘рояль’²¹².

Сон в рифму. Содержание формируют внешние звуковые раздражители в момент пробуждения. Гриневу снится, будто он приезжает и выходит из кибитки, а будят его слова Савельича: *Выходи, сударь: приехали*. Безухов во сне догадывается, что мысли не соединять, а *сопрягать надо*, а будят его слова берейтора: *Запрягать надо, пора запрягать, ваше сиятельство*. Тыняновскому Павлу снится, что прибывший из Петербурга фельдь-

²¹¹ Ср. многоязычность (фр.-нем.-рус.) ассоциаций при имитации внутренней речи полусонного Николая Ростова: *une tache* — *ташка* (← *Tasche*) — *Наташка*.

²¹² Ср. в «Клопе»: *Тащат рояль. (Голоса:) Под крылышко, под крылышко ее берите!*

егерь вызывает караул, а будит его крик *караул* под окном. В случае Гринева реальность и сновидение образуют тавтологическую рифму, Безухова — паронимическую, Павла — омонимическую.

Жизнерадостный монарх, узнав, благодаря сновидению, меру страданий своих подданных, задумывается о том, как ему жить с этим неудобным знанием. Придворный советует ничего не менять, но монарх внимает голосу Всевышнего. С этим сюжетом покупают два рассказа 1890-х²¹³.

Оказавшись за городом, лица мужского пола, в их числе рассказчик, проводят ночь в деревянном строении. Перед сном ведется беседа о потустороннем, а ночью кто-то будто стучится в дом... С этим сюжетом покупают рассказ 1860-х и сходно озаглавленный рассказ 1940-х²¹⁴.

Сон. Декорации музейного предбанника с камерами хранения, камерой наблюдения (отчего вижу всё и изнутри, и со стороны) и столиками. Сижу за одним из, а напротив две дамы: в черном —

²¹³ («вдвдд олоуолом нос» + «вгивг вгподо ецд») Наблюдение Ренаты фон Майдель.

²¹⁴ («стук-клт-клт-тук!» + «тук!... стук... стук!»)

напоминающая Биргит (знакомы четверть века), в белом — блондинка, в очках, неприветливая. Обе, как и я, посмотрели в музей всё, что хотели, и собираются в город. Прошу подождать меня и начинаю укладывать в портфель музейные проспекты (откуда у меня портфель? до конца школы носил ранцы, после — рюкзаки). Укладываю, а они снова и снова выскользывают — на столик и на пол. Блондинка проявляет признаки нетерпения (а обычно это я скрипучим голосом сетую на несовершенство землян, когда пора выходить, а домашние копаются). Вдруг вспоминаю, что на конторке перед монитором остался бокал с недопитым коньяком — к утру выдохнется! Осторожно, чтоб не расплескать сон, встаю с постели, иду в кабинет, беру бокал и возвращаюсь. Узор мизансцены не сместился, отлучка осталась незамеченной. Снова собираю проспекты, но теперь медленнее: в руке-то бокал, и пока я его на столик не ставлю, мои визави его не видят, а поставишь — увидят, и быть беде. Блондинка всё приметнее злится, как-бы-Биргит нервничает, опасаясь сцены. Вдруг соображаю, что бокал-то — XL, в портфель не засунешь. Но и оставлять на столике эту контрабанду из яви нельзя. Освобождаюсь от заклатья и всплываю (дамы со своей стороны сна тоже, должно быть, всплывают — и тоже без сожалений). А в руке у меня, очумелого, с колотящимся сердцем сидящего на постели, пустой бокал XL.

что наполовину сплю
это несомненно +
а что сплю наполовину
это несомненно -

пусть невесом несом не я
в твои сады инсомния
срывай сегодня с якоря
федота или якова

с каждым из дней
жизнь длинней
а ночь от ночи
короче

И	А		
	Д	И	Е

РАЙ

Дачу дед²¹⁵ сколотил в 1959 в Апраксине, в садоводческом товариществе «Вагонник». Бабка²¹⁶, когда была не в духе, называла ее халупой.

От других феодов «Вагонник» отделяли два рва и земляной вал между ними, весь в ольхе, малине и крапиве. В южном, «внешнем», рву купались, а вода из северного, тенистого и тинистого, с бронзовыми плавунцами, поступала в мрачную цистерну на гребне вала, лежащую на срубе из пропитанных креозотом шпал (найденный на болотах и очищенный в керосине немецкий штык-нож упоительно вязко впивался в них), а оттуда на участки. Всё это сконструировал молчун дед, и он же придумал рыть в северном склоне вала большие, каждый на четыре участка, погреб для хранения корнеплодов, солений и компотов — за ними навдывались зимой и весной.

Погреб особенно помог в бескормицу конца 80-х. Но своего картофеля всё же не хватало, и жена посылала за ним на Кузнечный рынок, где мне благодаря начаткам знания эстонского (точнее, остаткам начатков) удавалось сбивать цену. Всё прочее рыночное было не по карману, и, когда дочери спросили «что

²¹⁵ Абрам Лейбович Цыркин, род. в 1903 в Брагине в семье стряпчего, окончил гомельскую трудовую школу и ленинградский институт инженеров путей сообщения, блокадник, туберкулезник, «почетный железнодорожник», ум. в 1976.

²¹⁶ Цирля Симоновна Зильман, род. в 1903 в Дубровно в семье ткача, окончила витебский рабфак и ленинградский пединститут, до войны и в эвакуации работала учительницей, после войны инспектором детской комнаты милиции, ум. в 1978.

это?», указав на абрикосы, сделалось совестно. Не бывали они и на Черном море; меня же, больного гайморитом, туда в 60-х вывозили дважды. В абрикосовом саду под Одессой лохматая дворняжка ела паданцы, по Лазаревскому бродили павлины.

TERTIA SENILIA

из-за темени
нате вам
на темени
вмятина²¹⁷

ну хорошо: от обезьяны
но почему такой раззявы

был волк	стал ох
зубами щелк	глазами плох
глазами хлоп	губами шамк
ногами топ	ногами шарк

²¹⁷ Тем, кто не в теме: есть «темень» и «темя».

auch kleine arthrose
ist keine art rose

курс держал
на остров наксос
дирижабль
да сел на кактуссс
засипел бедняга: sssos
где насос-сос-сос

бью и бью
по Я Ч С М И Т Ь Б Ю
а погиб
Н К И Б Ш М Ы Б

не хочу быть хлеборобом
лесорубом рудокопом
а хочу быть твердолобым
саблезубым робокопом
ногтю стоит обгореть
гарантирован апгрейд
не щиплите корпию
а пришлите копию

сбросить бы тридцать
и издаться
в сахалинском
областном
на газетной
что быстро желтеет
и делается ломкой
или хоть десять

ЗА ПАРТОЙ

В сентябре 1974 первую лекцию из курса «Введение в специальность» Лотман начал с того, что даже школьного Пушкина мы понимаем куда хуже, чем думаем; взять хоть оду «Вольность»: *Беги, сокройся от очей, Цитеры слабая царица!* — к кому обращается поэт? Я стремительно, чтоб не обогнали, отчеканил: к Афродите, богине любви и красоты. Верно, недовольно сказал Лотман, а о ком идет речь в начале следующей строфы: *Открой мне благородный след Того возвышенного Галла?* Все посмотрели на меня, а Лотман мимо. Я пожал плечами и с полгода боялся к нему подойти.

В апреле 1975 в Тарту проходила третья Блоковская. Доклады читались в зале ученого совета, в актовом зале и в большой аудитории здания общественных наук.

Из происходившего в зале ученого совета запомнилось, как: — модный московский лектор пробирался к свободному месту между двумя рядами сидящих — вдоль стены и за длинным столом, спотыкаясь о ноги первых и ножки стульев вторых, а наблюдавший за этими маневрами Лотман фыркал в усы;

— пушкинодомский мэнээс замысловато излагал незамысловатую идею: рассматривать акмеизм, футуризм и пр. не как автономные направления, а как нечто целокупное под названием «постсимволизм». Лотман, которого смешили манеры и шейный платок докладчика (или то была бабочка?), порекомендовал ему доверять самоназваниям литературных направлений и не множить сущности без необходимости.

Из происходившего в актовом зале запомнилось, как:

— неизвестный юноша разбирал тактильные мотивы у Мандельштама — закинув голову и бегая пальцами по Брайлю, а помогала ему женщина с тревожными глазами — мать?

— упомянутый московский чудак, читая доклад и не отрывая взгляда от конспекта, потянулся к стоящему перед ним граненому графину, вращательным движением извлек из него продолговатую пробку и начал ею изящно дирижировать, затем недолго устоял на нее и с досадой отложил в сторону. Через некоторое время снова — и снова не глядя — потянулся к графину и попробовал выкрутить уже выкрученную пробку, а поскольку «та» не поддавалась, принялся несчастный графин душить. Душил с минуту обеими руками. Программка, которую сидевший в президиуме Лотман воздвиг перед лицом, мелко-мелко тряслась.

В здании общественных наук прозвучал только один доклад — Б. Гаспарова и Лотмана: о карнавальном субстрате «Двенадцати». Он был последним на конференции и лучшим из когда-либо слышанных.

Четверть века спустя Н. Котрелев, запомнившийся усами авиатора и борца, напишет: «С тем, что на глубинных уровнях поэтика „Двенадцати“ питается „карнавальными“ истоками, спорить не имело смысла даже в тот памятный вечер, когда на третьей Блоковской конференции в Тарту был прочтен доклад Гаспарова и Лотмана»²¹⁸.

Спор не имел смысла, но имел место. Едва Гаспаров завершил чтение содоклада, как С. Лесневский закричал: «О чем вы вообще говорите! Ведь там музыка! Музыка революции! Гражданская война в самом разгаре, а у вас балаган какой-то!»

По залу прошелестело: «— Откуда он? — Из „Литгазеты“».

Московское начальство? Тартуские кафедралы примкнули штыки, сомкнули ряды.

— Вы совершенно правы: музыка, — любезно согласился Гаспаров и немного поговорил о «Райке» Мусоргского как импульсном для своего понимания «Двенадцати» и об эстетике карнавального коллажа в симфониях Малера, «Pierrot Lunaire» Шенберга, балетах Стравинского, первом фортепианном и «Скифской сюите» Прокофьева.

С обвинением «музыка, а у вас...» было покончено. Публика приободрилась.

— Скажите, пожалуйста, — поинтересовался у Лесневского П. Рейфман, — вы правда считаете, что в январе восемнадцатого года гражданская война была в самом разгаре?

Публика ехидно захихикала. С обвинением «гражданская война, а у вас...» было покончено.

Оставался лишь «балаган какой-то». Что он не какой-то, а совершенно бахтинский, с «игрою верха и низа», сказала Зара. Ее замечание о переключке в «Двенадцати» морды и зада (толсто-

²¹⁸ Финал «Двенадцати» // Знамя. 2000. № 11. С. 197.

мордая Катька / толстозадая Русь) вызвало новую рябь смеха — почти облегченного.

Теоретик карнаваллизации был классиком для «Литгазеты», но теория без практики мертва, и В. Беззубов поведал о живучести балаганных традиций в странах народной демократии: в краковской szopka polityczna палкой колотят членов политбюро. Побитое палкой (Довлатов, прости!) политбюро, пускай польское, понравилось публике.

Наконец слово взял Лотман. Задумчиво спросил: «Отчего нас так пугает фольклор?» и в наступившей сразу тишине произнес речь столь яркую, что Лесневского захотелось поблагодарить.

На той же конференции В. Баевский выступил с докладом о методике поиска анаграмм в поэзии. Под анаграммированием понималось распыление некоего слова по звуковой фактуре текста, а свидетельствами наличия анаграммы считалась, во-первых, статистически значимая разница между частотностью образующих искомое слово консонантов — в естественной речи и в обсуждаемом тексте, а во-вторых, присутствие в нем «слова-манекена» — похожего на анаграммированное. Всё это смахивало на сциентистскую утопию, и в перерыве я попросил Баевского определить, не заанаграммирована ли в «Скифах» машина (при том что слово-манекен имеется: *Мессина*). Баевский извлек таблицы, «взял интеграл» и объявил: нет, машина не заанаграммирована, не хватает нескольких процентов чего-то.

Стальных машин, где дышит интеграл он просто не заметил.

Поздней осенью 1974 заработал киноклуб, и пока студенты юрфака не доложили кому следует об антисоветском характере репертуара, Иоселиани показал «Пастораль», а Тарковский «Зеркало». Узнав, что в «Пасторали» разглядел Лотман и расслышал Б. Гаспаров, Иоселиани смущенно признался, что и не предполагал такого обилия как-вы-говорите-аллюзий. Тарковский, спрошенный, о чем его фильм, ответил не раздумывая: «О моей маме». И добавил: «И о твоей маме» — и ткнул пальцем в спросившего. «И о твоей» — в другого. «И о твоей» — в третьего. И так с полминуты. Был заметно нетрезв. И фильм, и ответ очень понравились.

В 1975 в программу русских филологов ввели курс лекций по истории СССР. Читать его поручили училке из средней школы, но студенты скоро взвыли, и училку сменил Лотман. Он же принял экзамен.

*Студентка*²¹⁹: И вот... французы... перешли... Неман...

Лотман: Голубушка, да не волнуйтесь вы так. Ведь закончилось-то всё хорошо.

Студент: Если Павел даже при разводе и смене караула присутствовал в короне и порфире, со скипетром и державой, то Александр вел себя как частное лицо и гулял по Летнему саду в партикулярном платье.

Лотман: В партикулярном? Российский император?

²¹⁹ Лора Розенберг (1957–2018).

Студент: Да! Я об этом где-то читал, и там Александра сравнивали с Луи де Филиппом!

Лотман: Коллега, похоже, вы скрестили Луи де Фюнеса с Жераром Филиппом.

В зимнюю сессию 76/77 сдавали Лотману экзамен по руслиту. Отправляясь на него, я мрачно объявил своим соседям по комнате в общежитии и совладельцам нашего поочередно носимого костюма, что иду понтировать против профессора, — и угадал: через полчаса вытянул билет с «Пиковой дамой».

Доложить о хореичности фразы — *Германн немец: он расчетлив, вот и всё!* — заметил Томский я не забыл, и Лизавету Ивановну не утопил, а выдал замуж за небедного молодого человека, а на вопрос, откуда у него, сына бывшего управителя графини, взялось порядочное состояние, коль скоро старуха отличалась скупостью и, например, жалованье Лизавете Ивановне никогда не доплачивала, степенно доложил, что слуги обкрадывали барыню *наперерыв*. Всё шло гладко, пока не обнаружилось, что значения термина *обдернуться* я не понимаю. Юрмих встрепенулся и, высоких зрелищ зритель, принялся инсценировать поединок Германна с Чекалинским: разбил пачку билетов на две колоды, показал, как они, запечатанные крест-накрест государственною бандеролью, распечатываются диагональным движением, назначил меня понтером и стал метать. Две или три сокурсницы мои, нервически ждавшие своей очереди отвечать, соскочили с диванов, чтоб видеть игру столь необыкновенную. Большой сметливости я не выказал: подыграть банкомету сумел лишь с третьей попытки; он, однако, ласково молвил: «Игра ваша сильна», сдал в зачетку пятерку и отпустил, набросав список литературы по теме, который, может

статья, до сей поры хранится в одном из карманов поочередно носимого костюма, не в том, так в другом.

Радищев

Облеки в одежду Медицейскую Венеру, она ничто иное будет, как развратная жеманка Европейских столиц.

Лотман

Статуя Аполлона в музее не выглядит голой, но попробуйте повязать ей на шею галстук, и она поразит вас своим неприличием.

Заметив по глазам студентов, пришедших в гости, что голодны-не-то-слово, Зара отварила картофель, а после того как сняла с кастрюли крышку, сверху обнаружился полуразложившийся трупик спичечного коробка. Невозмутимо выудила его ложкой и поведала, что, когда Мишка (старший) в детстве наглотался спичечных головок, его нянька, успокаивая родителей, пренебрежительно отозвалась о токсических свойствах нынешних спичек по сравнению с настоящими, дореволюционными.

*О ты, фантастика иль быль,
Век сложного простого,
Где всё окутывает пыль
От пашни Льва Толстого!*

Вадим Вацууро

Зара рассказывала, как студенты ЛГУ, и она в их числе, посетили в Ясной Поляне ветхого старика, в детстве видевшего графа. Когда его попросили рассказать, как барин пахал, старик закри-

чал «пыли́шша!» и долго кашлял от смеха, а затем объяснил: их сиятельство неправильно заглубляли лемех и шествовали в облаке пыли. А мужики потом, конечно, всё перепаживали.

Лентяям из Зариного семинара было разрешено вместо курсовой сдавать частотный словарь какого-нибудь стихотворного сборника, и Л. Рубанович, которой досталось «Золото в лазури», подбадривала себя: *В поту мы дело делаем, Но через год народ Словарь Андрея Белого С базара понесет!*

И. Чернов в канун РХ читал доклад о феноменологии. Выступление затянулось, и Юрмих заметил: «Всё это крайне увлекательно, Игорь Аполлониевич, но не пора ли коллегам по домам? Самое время отведать рождественского гуссерля!»

И. Паперно в ходе одной из тартуских дискуссий 70-х: «О чем бы и что бы мы ни говорили, смысл всегда один: как же мы ненавидим советскую власть!»

Речь зашла о Л., и я сказал, что меня удручают его «Заметки о русском». Юрмих взял Л. под защиту: «Это не национализм, а патриотизм — благородный и безопасный». Я было собрался

спорить, но тут вмешалась другая и прямая в отличие от меня ученица Юрмиха и поведала о том, как на международной конференции по случаю 800-летия «Слова» Л. разобрал какие-то зарубежные работы и заявил, что изучать «Слово» следует только в России, — чем разобидел коллег славян. «Всё равно, — не сдавался Юрмих, — я его люблю, он просто большой ребенок».

Провозгласили гласность, и М. Эльзону, давным-давно и без надежды на успех подавшему заявку на подготовку Гумилева в Большой серии БП, позвонили и позволили. Рассказывая в гостях у Лотманов о питерских новостях, я поделился своим сомнением в благотворности признания Гумилева советской властью: — Таких авторов положено читать в малодоступных прижизненных изданиях либо в там- и самиздате. Полуслепая машинопись, одолженная на одну ночь, — только от такого чтения и бывает толк. — Вам просто льстит принадлежность к жреческому сословию, — смеялся Юрмих. — Нет, очень хорошо, что напечатают. И Розанова пусть издадут, и Бердяева. И тогда весь свет наконец узнает, какие же они болтуны!

Сказал Заре, что статья Юрмиха «Семиотика Петербурга и проблемы семиотики города» содержит неточность (что ее обнаружил А. Немзер, из тщеславия умолчал): Юрмих цитирует легенду о том, как Петербург ковали в воздухе, чтобы тот не утонул в болоте, и в примечании пишет, что «Сильфида», откуда взята эта цитата, хотя и опубликована в «Современнике» после смерти Пушкина, была ему, несомненно, известна, поскольку

цензурное разрешение на нее получено еще в ноябре 1836. Однако это цитата не из «Сильфиды», а из «Саламандры», увидевшей свет в 1841.

Зара от огорчения даже потемнела. Испугался и говорю: — Делов-то, опечатка! — Нет, — возразила, — это очень досадная ошибка, а опечатка — это когда вместо «Сильфида» напечатано «Сиффида». (От «Сиффида» ее настроение мигом улучшилось.)

В другой раз сообщил ей, что в статье Адмони «Блок и Лилиенкрон» белый стих назван размером. «Ох, — сказала, — эту статью мне Максимов в последнюю минуту прислал, и я ее включила не читая: прельстилась благородством фамилии!»

В середине 80-х решали с Зарой, какую тему мне взять для диссертации, раз к ремизовским рукописям в Пушдоме и близко не подпускают. Юрмих вмешался в беседу, придумал несколько тем и, раздосадованный моим сопротивлением, хмуро пошутил: «Знаете, что в нашем селе разборчивым невестам говорят? Ой, деука, мотри: пробросайси!»

последний контролер
пробьет плацкарту
и сяду открыен
за парту в тарту

УЛИСС

*...и крепкий из твердой
Меди, к твоей голове приспособленный, шлем принесу я*

Василий Жуковский

Толку от гарнизонной губы не было никакого: кто рискнет учинять зверства над своими! Вот ее и упразднили, а на отсидку стали отправлять на межгарнизонную губу. Там не просто били — могли оставить в камере на ночь нагишом, без топчана и выплеснув на бетонный пол ведро воды. А ночи в Забайкалье известно какие. Опасаясь мести бывших губарей, начгуб за забором показывался редко и лишь на яве и с макаровым. Тем более что и местные людей в форме не жаловали. Настолько, что в увольнение никто не рвался — в город ходили только по гражданке.

Чтоб посадить на межгарнизонную, нужно было угодить начгубу. Зато потом губаря до полумесяца не забирали, и в часть он возвращался почечником. Мне губу объявляли четырежды, но отправили на нее лишь раз, сильно разозлившись. В ленкомнату, где мы с Айдаром бражничали по случаю его завтрашнего дембеля, заглянул дежурный офицер. А наутро перед строем замкомбата майор Довгань деланно негодовал: в ленинской комнате! распивали коньяк! Осквернили, дескать, храм²²⁰.

Что именно за мою посадку посулили начгубу, не знаю, но договорились с ним быстро. Прапор доставил меня и уехал.

²²⁰ Ленкомната, вообще говоря, была еще та: ни бюста, ни иконостаса — только шеренга ледериновых переплетов полностью выпотрошенного ПСС. Впрочем, и коньяк был под статью: «Казахстан».

Ка-кие у нас ку-удри, пропел начгуб и потянулся за машинкой для ручной стрижки, а ею только скальпы снимать. Погоди, говорю, скажи, что тебе нужно. У него было всё. Ему не нужны были даже радиодетали для цветомузыки и новые унты летные. Ну, разве что еще один шлем мотоциклетный. Запас карман не тянет. По счастью, на днях я слышал, как один летёха рассказывал другому, что заехал в Приаргунск и глазам своим не поверил: шлемы продают! Узик с водилой дашь, говорю, к вечеру привезу. И привез. Ладно, говорит, а забрать-то тебя когда должны? Через две недели. Ну, ступай, но чтоб через две недели был тут. Гражданка-то есть? Усмехнуться следовало презрительно, но получилось только устало.

ПОЗДНО БЫТЬ БОНДОМ

б-га нет

нет и нет

а нет-нет
да тет-а-тет

накануне апокалипсиса
не грешили б а покаялися

мы подстраховались
похристосовались

цыкни-ка на циника
топни-ка на голника

устои? пустое
не до кредо

дракон>

дракон< ↑ конрад

дракон<< ← конрад

драконрад

дракон>

всем закроет бюллетень
добрый доктор гильотен

о здоровье беспокоясь
натянул бронезилет
и на скорый бронепоезд
забронировал билет

да и кого б
не образумил
наглядный об-
раз амбразуры

dura lex
so do relax

за вид на боденское озеро
отдам и болдинские осени

с песнями на пенсию
и пес с ней с песней песнию

эту смертную муку
мировую тоску
обменять бы на мирную скуку
а коня на скаку
повесить на первом суку
как последнюю суку

уют
когда не куют
а ткут
и кутают кутают кутают

НА САНЕХ²²¹

вспоминается покадрово
разгораются пока дрова

В 1963 Ленинград чествовал Фиделя. Стоя в кабриолете, он плыл по Московскому проспекту, а наша коммуналка, собравшись на балконе портнихи Риммы, дожидалась, пока команданте не окажется под нами, чтобы проорать «вива Куба! вива ля

²²¹ одиннадцать эпизодов в 72 слова и пять в 99

революсьон!», упоенно размахивая кубинскими и советскими флажками, соединенными букетиками искусственных фиалок...

...моя фасция выпорхнула и кружась спланировала прямо на берет Фиделя. Взгляд, брошенный им вверх, встретился с моим — тоже испуганным. Снайперы, которые живут на крыше, еще не народились.

В шестом классе было велено приготовить дома буклет о какой-нибудь стране. Выбрал Андорру, сочинил решительно всё и украсил текст фотографиями завода точной механики и оптики из журнала «ГДР» и слонов на лесозаготовках из журнала «Индия». (Жаль, не догадался сделать Андорру соседкой Эквадора и написать, что топоним, по одним версиям, происходит от «золото», по другим — от «Анды».) Географиня, не терпевшая меня за «наглость чисто национальную», не нашла к чему придраться и поставила пятерку.

Летом 1976 послали изучать говоры рыбаков Причудья и с четырьмя однокурсницами поселили в сельском клубе. Рыбакам не мешали: днем купались, вечером бражничали. А когда шел дождь, сочиняли диалектизмы. Одних только названий ветров придумали дюжины три. Каковой улов, вероятно, предан тиснению типографией ТГУ, тиражом 300, на бумаге ротаторной.

Бают, у братьев Соколовых, попросивших в Заонежье исполнить им былинку, сказитель, настроивая гусли звончатые на старинный лад, деловито уточнил, по Гильфердингу петь али по Рыбникову.

1978, село Улан-Цацык (красный, что ли, цветок) Оловянинского района Читинской области. Клуб, а именно кинозал, он же танцзал, и библиотека. Тетка вяжет, ни на кого не глядит. До начала киносеанса можно поиграть в шашки. На полках день поэзии, крылатые защитники родины, история дипломатии, тебе в дорогу романтик, эгоизм и эгоисты из серии реки начинаются с ручейков и «La guerre des dieux, poème en dix chants» — судя по пометам, из библиотеки Зерентуйского рудника.

В 1979, в самом начале китайско-вьетнамской войны, командование гарнизона, не получив еще распоряжений из Читы и не зная, что бы такое предпринять, стало опрашивать рядовых, не хочет ли кто послужить во Вьетнаме. В добровольцы записались все без исключения «молодые военнослужащие», но укрыться в джунглях от «неуставных отношений» не удалось: частям Забайкальского округа приказали провести учения «действуя в том числе с монгольского плацдарма», и нас передислоцировали. Была «поставлена задача» показать китайцам, что бывает, когда над их селениями на низкой высоте проносятся многоцелевые сверхзвуковые истребители, не испытывающие, в отличие от китайских, недостатка в горючем (рассказы летчиков, сильно пивших после этих маневров).

В дни празднования 1000-летия Крещения отправился в Лавру, чтобы купить пластинку «Радуйся, земли Российской заступнице». С полчаса пришлось томиться среди старушек, ждавших

выхода митрополита. Толпу сдерживали молодцы с нарукавными повязками. Один такой стоял как раз напротив — отделенный тремя-четырьмя рядами платочков. Поначалу он отпихивал старушек кормой, а потом не выдержал и врезал стоявшей сзади локтем в грудь. «Эй!..» — вырвалось у меня с армейской модуляцией. По загривку было видно: понял. И тотчас одна из старушек пожалела бойцов оцепления: «Им тоже ведь тяжело — весь-то день вот так вот стоять!» И, глянув на меня, пропела: «А инославцев сюда никто не звал». Платочки закивали.

80-е, якутский поселок Жатай, эстонский стройотряд. Местный водила Серега выпросил у командира пару бойцов, чтоб помогли заколоть кабанчика. Управились быстро. К макаронам Серегина жена торжественно выдала каждому по вилке. Не привыкший ею орудовать Серега был мрачен.

90-е, Германия, молодые слависты перебивают косточки профессору N, одному из организаторов только что прошедшей конференции: «Поразительная бестактность: повел русских в итальянский ресторан и порекомендовал заказать спагетти! Словно не знает, что правильно их есть умеет один Левинтон!»

— «У моря» Ходасевича, — продолжал профессор на весьма приличном русском, — вступает в диалогические отношения со знаменитым стихотворением Пушкина «К морю». Произведения написаны одним размером, но обратим внимание на выбор предлога. Если пушкинский герой только направляется к морю, то герой Ходасевича находится у моря изначально...

Эмигрантка с тартуским дипломом, надеявшаяся на место если не в, то хотя бы при, не выдержала, приснула — и что? ждет бедняга у моря погоды, а пред нею разбитое корыто.

В 1994 чиновник ганноверской биржи труда выразил неудовольствие тем, что я не принес копию какого-то документа, но тут же обнаружил ее в пачке принесенных и извинился. Я, однако, решил разыграть негодование. Для чего требовалось употребить глагол «verdächtigen» (подозревать), а его я как назло забыл. Но не растерялся: онемечил английское «саспект», к полученному «зуспект» добавил суффикс «-ирен» и оскорбился: «Erlauben Sie sich, mich zu suspektieren?» (Вы что, позволяете себе подозревать меня?). Глагола «suspektieren» в немецком нет, но имеются прилагательное и наречие «suspekt», и чиновник испуганно воскликнул: «Nein, nein! Ich suspektiere Sie gar nicht!» (Нет, нет! Я вас вовсе не зуспектирую!).

В 1995, когда мюнхенский врач в конце приема сказал: «Zur Blutuntersuchung kommen Sie bitte morgen um acht nüchtern» (Для сдачи крови на анализ приходите завтра в восемь трезвым), я возмутился: во-первых, я и сейчас не пьян, во-вторых, до ужина вообще не пью, а в-третьих, далеко не все русские напиваются с утра. Врач извинялся. По пути домой Р. заметила: «И чего ты так разошелся? „Nüchtern“ в этом контексте значит „на пустой желудок“»²²².

²²² Да и недавно, переводя *Ты сам свой высший суд*, вместо «Du selbst bist dein höchstes Gericht» ляпнул «Du selbst bist dein Hauptgericht» (Ты сам свое главное блюдо).

Знакомый пожаловался, что никак не может дописать диссертацию. Выяснил, сколько именно у него готово, и сунулся с утешением: «Du hast schon die halbe Sache gemacht!» (Но ведь полдела ты уже сделал!). Он надулся, и Р. пришлось вмешиваться и объяснять, что если «полдела» на русском — «существенная часть», то на немецком — «полработы» (Man macht keine halben Sachen ≈ Полработы не делают).

Занятно, что «обучение» («die Lehre») и «пустота» («die Leere») — омофоны именно в немецком.

В 2001 матушка прилетела из Ганновера навестить нас в масчусетском Кембридже и пригласила в гости свою старинную приятельницу, которая тоже десять лет назад уехала из Ленинграда, но во Флориду. Из их беседы:

— Квартира небольшая, поэтому зимнюю одежду я держу в келлере.

— Где?

— В келлере.

— В каком еще келлере?

— Ну, в келлере, внизу. Там для каждой квартиры свое отделение. А в общей комнате стиральные машины стоят.

— Ах, в бейсменте! Так бы и говорила.

В 2006 в военно-морском музее Амстердама была выставка к юбилею победы в Четырехдневном сражении. На стену проецировались — в виде параллельных разнонаправленно бегущих

строк — сведения о павших с обеих сторон (много пятнадцатилетних). Вспомнился разговор с Петером Энглундом, написавшим книгу о Полтавской битве, полную детальной информации о шведских ее участниках. Он сожалел, что, не владея русским, не смог поработать в российских архивах, а то бы и российская сторона была индивидуализирована. Он действительно так думал.

Недавнее. Молодой таксист извинился, что не помогает с чемоданом: спортивная травма. Перс, родился в Германии. Нет, в Иране не бывал — опасно: дед при шахе занимал [называет пост]. Родители? Из Шираза. Надо же, говорю, моя берлинская ятровка тоже из Шираза.

Спустя неделю сажусь к нему же. Едем, не узнает. А ведь мы знакомы, вы внук такого-то. Такси заносит влево. Бросив взгляд на мои руки, успокаивается. А, говорит, вы из России, преподаете на филфаке. Значит, вспомнили? Нет, но Рамин о вас рассказал. Рамин? Брат. Его прооперировали, а отец, чтобы семейный бизнес не страдал, вывез меня из [называет город]. Близнецы. Плавт отдыхает.

В 1976 лишился права пользоваться общежитием «за порчу подпотолочного шкафа, произведенную метанием ножей»²²³. В 2017 после лекции в Таллинне получил в подарок от одного из слушателей комплект метательных ножей. На память о тревожной молодости. За попытку их вывезти — нет нужды что в чемо-

²²³ Стены его комнаты были все источены пулями, все в скважинах, как соты пчелиные.

дане, сданном в багажное отделение, — был снят с авиарейса и, наслаждаясь дежа вю, сочинял «объяснительную записку».

Просматривая принесенный сетью «пиратский» фильм — с подрагивающим изображением, плавающим звуком, шепотком «пиратов» и силуэтами рассаживающихся зрителей, вспомнил картину полувековой давности: курортный кинотеатр под открытым небом, «Фантомас» или «Анжелика» по ту сторону штaketника, приколоченного под таким углом, чтобы с этой стороны экран виден не был, — и жадно прильнувшие к штaketнику безбилетники с карманными зеркальцами.

Мопассан и «1000 и 1», заточенные матушкой в тумбу письменного стола, еженощно бесшумно извлекались путем удаления верхнего выдвижного ящика.

И СУЕВЕРНЕЙ

у айги две ноги²²⁴
у беллуччи обе лучше

на сеновале листая новалиса
сеня и валя разволновались

²²⁴ согласно подсчетам Вс. Некрасова

по ночам жен обитель
изучал небожитель

ню и ню
ну и ну

южнее нежнее
севернее вернее

а ложесна
а сложена

а и томная
анатомия

вдвоем до окоема доплывем
и небосводом станет водоем
и побредем по небосводу вброд
пока не станет всё наоборот

egmond aan zee

ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКИЕ ЧЕЛОВЕЧКИ

бросил грека анкер в неккар

Прочитал им задачку Смаллиана: «Охотник находится в 100 метрах к югу от медведя, проходит 100 метров на восток, прицеливается в северном направлении и убивает медведя. Какого цвета медвежья шкура?»

— Белого! — выкрикнул, чтобы не опередили, старший (13). — Медведь находится на полюсе!

— Если на полюсе, — средний (7), — то желтого или коричневого. Как Винни-Пух.

— Раз попал, — младший (4), — то красного. От крови.

как-то утром у пруда
все играли в города

утки крякали о кракове
про ванкувер жабы квакали
гуси вспомнили гаагу
воробьи чирик-чикаго
а кузнечик очень кстати
цицикар и цинциннати

дождик капая и падая
капую назвал и падаю
а потом добавил градом
баден-баден-баден-баден

вот так город город-град
вмиг все бросили играть
и исчезли кто куда
без следа

В Мюнхене у Перельмутеров смотрели Норштейна. Ледяная избушка лисы растаяла, она захватила лубяную избушку зайца, звери беднягу жалеют, пробуют нахалку прогнать, но где им! Уловив сюжетную траекторию, старший (3) обернулся:

— А почему они другой домик не построят?

Взрослые переглянулись.

— Может, у них стройматериалов нет? — предположила Ольга.

— Да ладно тебе, — буркнул Вадим, — в лесу живем!

Состязались в рисовании с завязанными глазами. Мне особенно удалась кошка. Тогда старший (11) демонстративно отложил повязку, нарисовал свою кошку и заявил: «У меня лучше». Я возмутился: «Но я-то свою рисовал с повязкой на глазах!» Торжествуя, он пририсовал своей повязку на глаза.

Средний (4): «Карлсон живет на крыше, а котятка еще выше».

В Хельсинки старший (12) попросил разрешения расплатиться за обед. Отдал ему бумажник и объяснил, как определить размер чаевых. Разговаривали по-немецки, чтобы официантка (русская) не поняла.

— А как, — поинтересовался, — будет Trinkgeld по-русски?

— Потом скажу, не то официантка услышит.

— А, — обрадовался, — я сам вспомнил! Полтина на водку, да?

Средний (4):

— У меня масынка есть, сто немозно глаз отвести!

И, провокатор, бросает взгляд на папашу: исправит ли на «нельзя».

Но не на того напал:

— Не немозно, а неможно.

Средний (4):

— А ты сам-то хоть одного микроба за свою жизнь видел?

Авторы «Маттео Фальконе» и «Тараса Бульбы»²²⁵ были бездетны.

²²⁵ И (подсказывает Евгений Сошкин) автор баллады «Вересковый мед».

Из чужого детства:

«Трех лет я однажды на всех обиделся и объявил: — Я вас не люблю и всех съем. — Как это „всех“?! — не поверили родные. — И дядю Вову? — И дядю Вову. Но его я буду есть без радости» (Иван Зеленьяк-Кудрейко).

«— Вот это, — говорю племяннику (3,5), — морошка. — Морошка? А как ее едят? — Сырой, вареной или моченой. Пушкин перед смертью просил дать ему моченой морошки. — Подожди, как это „перед смертью“? Разве Пушкин умер?!» (Инга Данилова).

— Что значит «доходит как до жирафа»?

— Это значит очень медленно. Шея у жирафа длинная, голова где-то высоко. Толкнут его в бок, а он только через полчаса сообщит, что толкнули.

— И начнет озираться, чтобы узнать, кто это был?

— Ну да.

— Вот зачем ему длинная шея!

Перед метопами Парфенона:

— Как эти лапифы и кентавры сильно дрались! Отбили друг другу руки и ноги.

— Что значит «полулежа»? Лежа на полу?

— По-японски «яма» — это гора.

— Что, даже самая высокая?

Младший (4), подсланный средним:

— Папа, можно нам фильм посмотреть?

Папа, не отрывая глаз от монитора и не вникая в вопрос, а реагируя на одну только конструкцию «можно нам»:

— Думаю, нет.

Младший, вернувшись в детскую, среднему:

— Er weiß selber nicht. (Он и сам не знает.)

Со старшим (13) смотрели «Valkyrie» — о том, как фон Штауф-
фенбергу (Тому Крузу) не удалось ликвидировать Гитлера.

На другой день средний, ревниво выпытав у мамы, о чем был фильм, заявил: этому вашему Гитлеру крупно повезло, что папы тогда еще не было, уж он-то с Гитлером мигом покончил бы, не то что этот ваш Том Круз фон Штауффенберг.

Старший (15), возвращая «Каренину», выразил недоумение: слышал, будто там всё очень плохо кончается, а на самом-то деле

Анна с Вронским уехала за границу, не получив развода и решительно отказавшись от него, — тоже мне трагедия!

Не без колебаний выдал ему следующий том.

— Ну, и как вам, дети, Рим?

— Узнали много старого!

Меркнут знаки Зодиака, сонный Мишка лег в кровать, спит животное Собака, только Слон не хочет спать. Над землей большая плоска. Ночь, как день, светла. Спи, растение Картошка! Спи, как я спала!

— Спят...

— Спят?

— Спят.

— Свят-свят-свят!

На пороге трехлетия младший поведал о том, как всё было. Сначала сидел он в утробе с братьями своими, и вкушали они молоко от сосцов внутренних, коих два, как и наружных.

Тесно было и голодно, и тогда тот, кого теперь называют старшим, а на самом деле слабейший из всех, был вытеснен из утробы и прильнул к сосцам наружным.

Оставшиеся же растолстели, и снова пошел брат на брата, и скоро не самому сильному пришлось покинуть утробу. Места в утробе снова стало вдоволь, но крепло подозрение, что снаружи молоко слаще, отчего и третий заторопился в дорогу.

При встрече с братьями оказалось, что они крупнее, но ведь это и неудивительно: они просто раньше вышли наружу. Однако все трое сверстники, и он сильнейший. Ergo? Чтобы отныне никаких «тебе еще рано»!

(Но по пробуждении в день, когда ему исполнилось три года, потерял лицо: поинтересовался, нельзя ли считать, что ему уже пять.)

д а й и м
л е т
и
л е т
м и д а й

ВАШ ВЫХОД

рак за почку греку цап

в описанный у проппа дом
когда-нибудь войдем
и пропадом и пропадом
немедля пропадем

щелкнул мышкой
окошко и открылось

хвостиком махнула
яичко и разбилось

вылетела птичка
в новом окне

кукушка кукушка
сколько осталось

у вас осталось
четыре жизни

мужчина вы на
следующей выходите

вы уверены что
хотите выйти

вы успешно вышли

вот и вышел человечек
ну совсем как человечек
лишний вышел человечек
лег в коробку на бочок
и молчок

to be or plan B?

tags unter der sonne
nachts unter dem mond
manchmal unter der venus
schließlich unter der erde

это он играет
что не умирает
это ты играешь
что не умираешь
это я играю

в р е
м я
и
с
т е
к л о

переворачиваться бу-
ду то и дело в коробу

МЕСТО ДЛЯ РЕКЛАМЫ

не лежал я во рву в непроглядную ночь
здесь могла бы быть ваша реклама
а наш русский мужик как работать невмочь
здесь могла бы быть ваша реклама

до рассвета поднялся коня оседлал
здесь могла бы быть ваша реклама
с ненаглядной певуньей в стогу ночевал
здесь могла бы быть ваша реклама

бился щелкал царил и сиял соловей
здесь могла бы быть ваша реклама
потому что не волк я по крови своей
здесь могла бы быть ваша реклама

как побил государь золотую орду
здесь могла бы быть ваша реклама
опечатка возможно имелось в виду
здесь могла бы быть ваша реклама

**Михаил Владимирович
Безродный**

КОРОБ ТРЕТИЙ

Дизайн, верстка
Л. Н. Киселева, В. Г. Лошкарева

Редактор
И. Ф. Данилова

Корректор
Т. А. Румянцева

Подписано в печать 02.04.2019. Формат 60 × 84/16.
Гарнитура Cambria. Бумага офсетная 100 г/м².
Печать офсетная. Тираж 700 экз. Усл. печ. л. 14,93.

Издательство «Чистый лист»
E-mail: tabularasa_2000@mail.ru

Книгу за пределами России можно купить
в интернет-магазине: www.esterum.com

Отпечатано в типографии «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

ЧИСТЫЙ ЛИСТ TABULA RASA

ISBN 978-5-901528-76-1

